
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

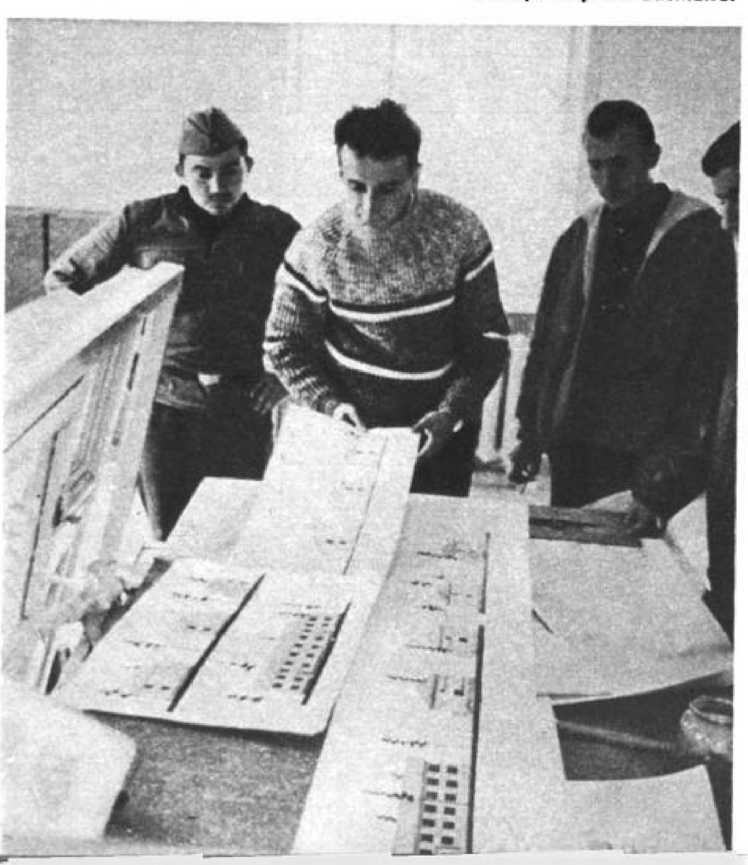
ПАРНИ ИЗ СВЕ

Здравствуй, земля Тюменская.

Сын родился в Светлом.

Улицы еще на ватмане.

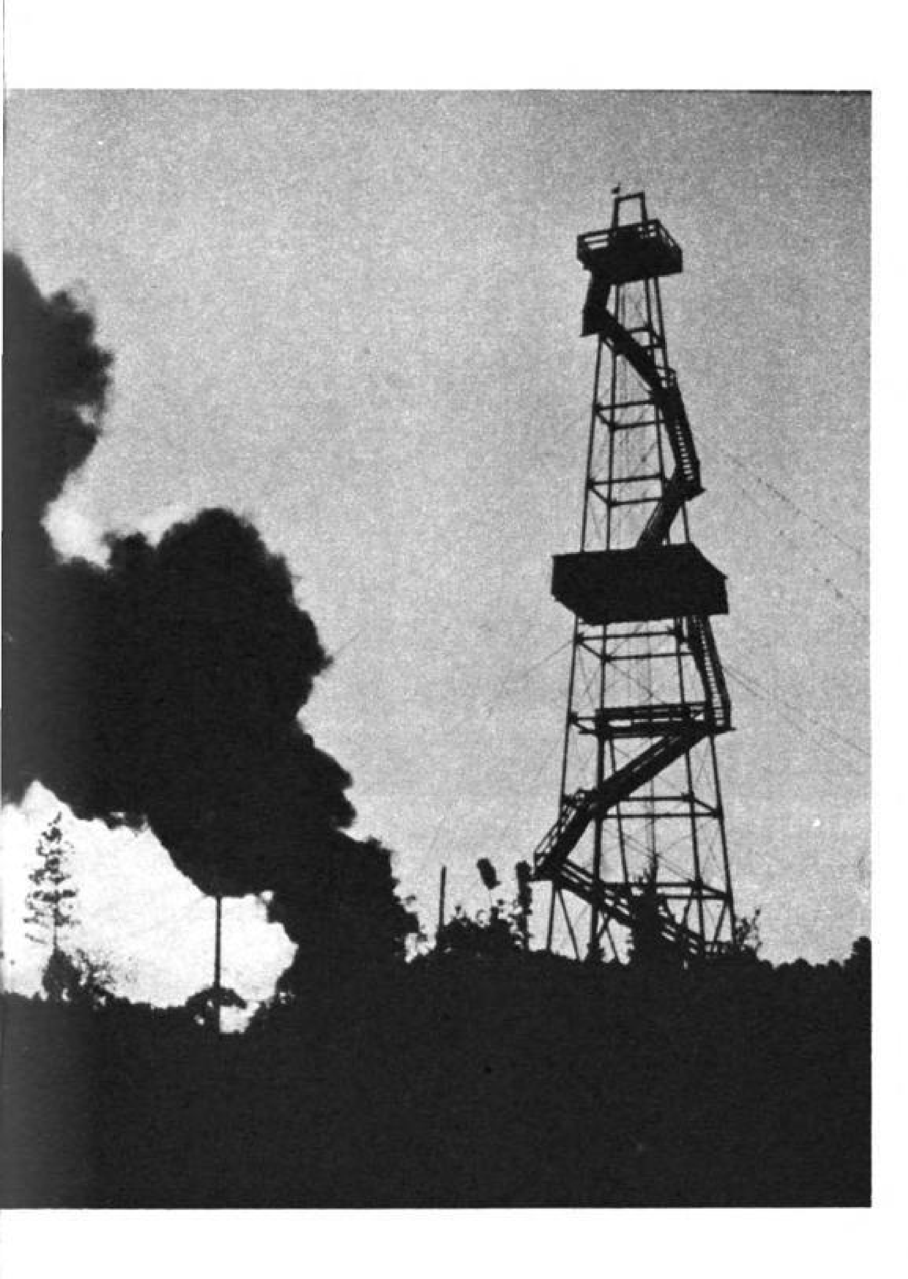
ТЛОГО

Б. СМИРНОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

«В. И. ЛЕНИН ПРИДАВАЛ ОГРОМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ МОЛОДЕЖИ, ЕЕ АКТИВНОМУ УЧАСТИЮ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ОБЩЕСТВА».

Из постановления Центрального Комитета КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Возводится спортзал.

Начальник комсомольско-молодежного строительного управления Анатолий Мандриченко.

— Сейчас слева по борту будет Светлый! — крикнул летчик, высунувшись из кабины.

Из-под крыла «АН-2» медленно выворачивались острова соснового леса и круглые озерки. Болотный край, комариный край, необъятная тюменская земля...

Толком ничего разглядеть не удалось. В разрывах облаков промелькнули крыши на берегу озера, полоски дорог. Через минуту все осталось позади. Жалко, что мы не попали на гидросамолет, тогда бы сели прямо на озеро. А так пришлось лететь дальше, там дождаться попутного вертолета и с ним вернуться на сотню километров назад, в Светлый.

Кстати, не пытайтесь найти это название на карте. Официально Светлого еще не существует, но это не мешает ему уже сейчас пользоваться довольно громкой славой. Еще в Москве я слышал разговоры о нем... Суть их сводилась к тому, что вот в Тюменской области комсомольцы затеяли какой-то эксперимент. Строят по своему проекту поселок. Сейчас в тех местах и в сапогах не всегда пройдешь, а они хотят пустить троллейбус. Какие-то у них там штабы.

Такие сведения заинтриговывали, и когда я узнал, что в Москве сейчас проездом главный инженер из Светлого, то поспешил к нему. «Главный» — Владимир Игольников — оказался веселым парнем лет тридцати, которого товарищи запросто называли Вовой.

— Что мы из себя представляем? Бывший студенческий отряд, который стал полноправным строительно-монтажным управлением. Слыхал о Пунгинском газовом месторождении, его недавно открыли? Мы строим для работников Пунги поселок — назвали его Светлым. Хотим, чтобы в этом поселке жилось не хуже, даже лучше, чем на Большой Земле. Поезжай туда, сам увидишь...

И вот мы в Светлом, в глухом уголке, куда даже не самолетом, а только вертолетом можно долететь.

Грузы пока что прибывают прямо сюда, в центр поселка. Из чего следует, что это центр? А как же! Во-первых, здесь большая площадь (скоро она покроется бетонными плитами); во-вторых, широкое, со стеклянной стеной здание. Гордость всех жителей Светлого — кафе «Комарик»: большой овальный зал, бар, библиотека и радиорубка. Знаменит «Комарик» тем, что с него, по существу, и начинается история Светлого.

Было так. Весной прошлого года в Тюменской тайге высадился «десант» — около ста ребят из Киева и Харькова. Среди них инженеры-строители, физики, спортсмены и даже музыкант. Командовал этой группой инженер-строитель Анатолий Мандриченко, который до этого руководил студенческими стройотрядами. В 1966 году его отряд работал в Тюменской области, и Анатолий в полной мере испытал трудности и особенности строительства на Крайнем Севере. Тогда-то у него и появилась идея — создать молодежное строительно-монтажное управление с собственной проектной группой, домостроительным комбинатом, со своей техникой, связью. Короче, целую фирму по строительству на Севере небольших благоустроенных поселков. Идею эту поддержали. Костяк будущей фирмы Анатолий подбирал сам. Из ребят, хорошо знакомых по прежней работе в студотрядах. И вот — «десант» в тайгу.

По грудь в снегу — а потом в воде — расчищали тайгу, строили лежневую дорогу, принимали стройматериалы, ломали головы над тем, как лучше организовать снабжение, чертили планы будущего поселка. Вот тогда, невзирая на все трудности, и решили построить кафе. Не барак-«столовку», не клуб-сарай, а кафе, островок тепла и уюта. Строили его в самых ударных темпах студотрядов. Так и появился «Комарик»...

С вертолета поселок разглядеть не удалось, и мы решили найти точку обзора уже на земле. Самым выгодным местом показалась крыша строящегося клуба-спортзала. На крышу-то мы залезли, только все равно ничего из нашей затеи не вышло: вокруг были сосны, сосны и сосны.

— Сначала нам дали такой проект: вырубить весь лес и на открытой площадке строить поселок,— рассказывал наш гид электросварщик Валерий Бабнор.— Строить на ровном месте, конечно, легче. А что ж потом? Деревья, что ли, вокруг домов сажать? Решили: будем делать по-своему. Проект завернули, составили свой. Жилые дома поставили у озера. Больницу — в глубине леса, чтоб поменьше к ней ходить! В другой стороне — холодильник, пожарное депо, теплицы. Подумали о том, где лучше детский сад, школу разместить, баню, пекарню. Словом, заново поселок спланировали. Это делали, конечно, наши инженеры, но я говорю «мы», потому что все важные вопросы в Светлом решаются коллегиально. Вот насчет деревьев: решили рубить только в самом крайнем случае. Все проголосовали. А недавно один шофер зря дерево загубил, так его чуть не выгнали...

Светлому всего полтора года. Но рабочие Пунгинского газопромысла, которые вот-вот начнут заселять поселок, найдут здесь все удобства. Насколько же легче бороться с пургой и морозом, если дома ждет горячая ванна, ужин, подогретый на газовой плите, свет настольной лампы, бормотание воды в теплых батареях!

Сейчас поселок состоит как бы из двух микрорайонов. У озера строятся новые дома, прокладываются дороги, а в стороне стоят тридцать вагончиков-балков, в которых живут строители. Это «Улица Надежд». Когда Светлый будет построен, кочевые приюты снимутся с места и отправятся со своими хозяевами туда, где нужно возводить новые поселки.

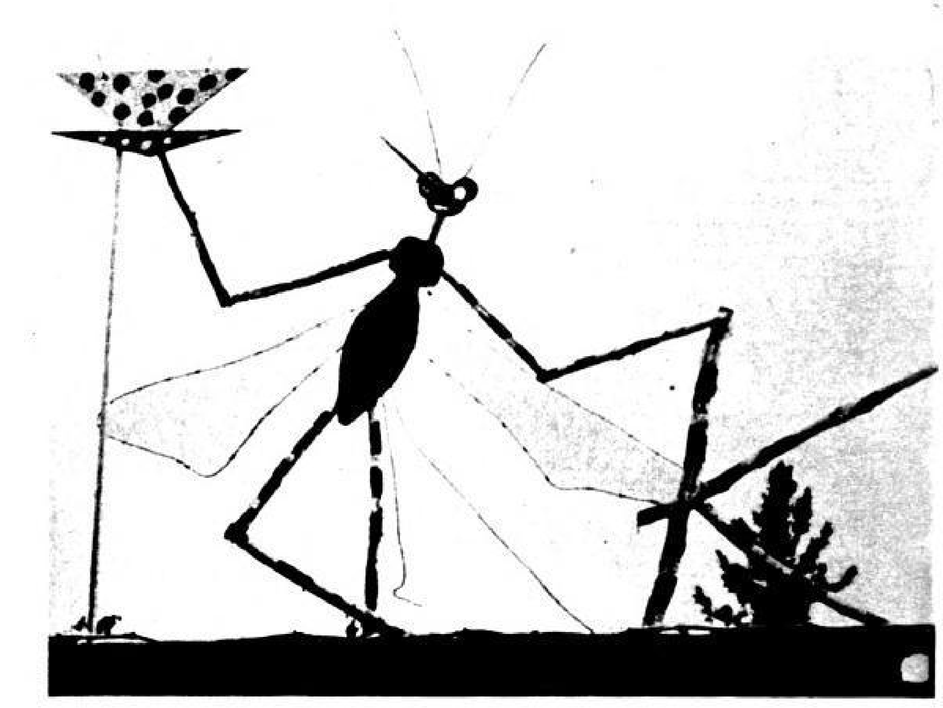
Они очень молоды, парни из Светлого: средний возраст здесь — 25 лет. Это чувствуется во всем: в походке, в одежде, в разговорах. И в самом начальнике — Анатолии Мандриченко.

Это высокий, крепкий, с добрым лицом человек. Слушая рассказы о нем, поражаешься: сколько же энергии может отпустить природа одному человеку! Его доля есть буквально во всех здешних делах: собирал по городам людей, строил, чертил... Кстати, «Комарик» — это его проект.

В истории Светлого всевозможные бурные дискуссии занимают не последнее место. Анатолий спорит яростно, увлеченно, слушая других и запоминая все возражения. По форме-то это споры, а по существу — деловые совещания, хотя ведутся они порой поздно ночью и в «частных домах». На подобных летучках становится ясно, откуда берется у вчерашних студентов столько уверенности, решимости. Так чувствует себя человек, который взялся за большое, государственное дело и который уверен в своих силах.

— Мы считаем себя продолжателями тех, кто строил Комсомольск-на-Амуре, Магнитку,— говорит Анатолий.— Светлый доказал: мы, молодые, можем делать дело от самого начала и до конца, можем работать вполне самостоятельно. И вот что очень важно: здесь сформировался коллектив для будущих строек. Мы разрабатываем свою организационную структуру: штаб управления, штабы участков, партийные и комсомольские группы. Жизнь управления подчиняется внутреннему уставу.

В Светлом мы экспериментировали, ошибались, но зато накопили солидный опыт. Вот только квалифицированных специалистов у нас мало. Как бы через журнал пригласить сюда инженеров, а? Уж чем-чем, а самостоятельной творческой работой мы всех обеспечим...

Комариный край.

Галя Дорофеева и Зоя Яковлева (справа) прилетели в Светлый по комсомольским путевкам.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 37 (2150)

Основан
1 апреля 1923 года

7 СЕНТЯБРЯ 1968

Мы строим Светлый.

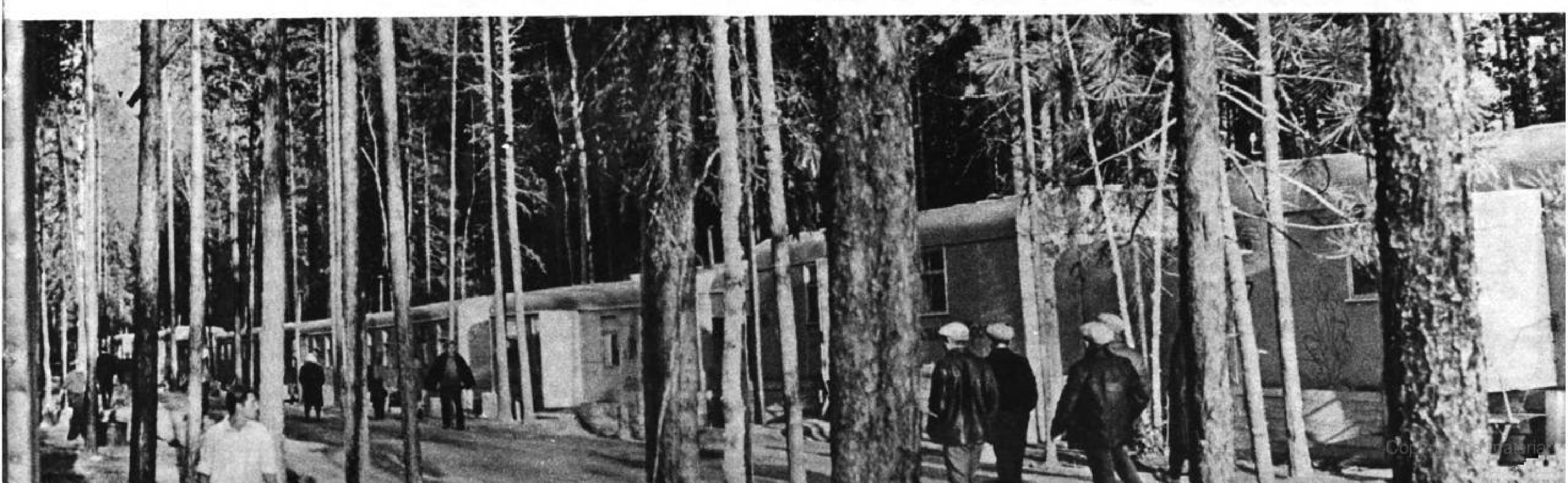

Только гидропланом можно долететь.

Письмо из дома.

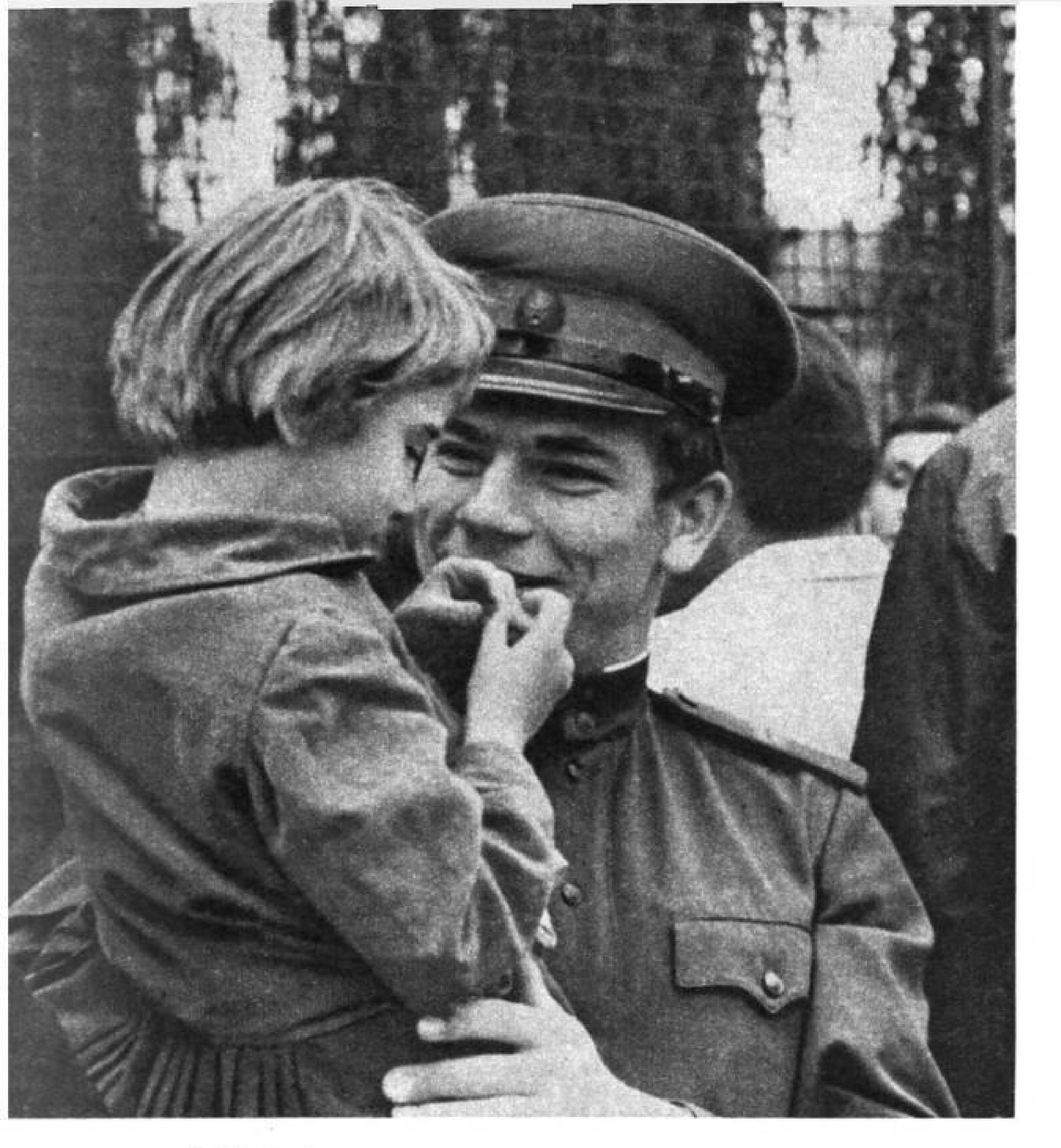

Через год эта улица вместе со строителями переедет на новое место.

Виктор МАЕВСКИЙ

Бурные дни Праги

Знакомство.

Фото автора, В. Кругликова («Правда»), В. Соболева и А. Стужина (ТАСС).

На набережной Влтавы.

Дискуссия у танка.

Я много лет не был в Праге, и вот в начале августа беспокойная журналистская судьба снова занесла меня в этот древний город на Влтаве.

С нового прекрасного аэродрома, через новые кварталы, по проспекту Ленина мы выехали в центр старой Праги. Века минувшие сошлись здесь с веком нынешним. Чем больше всматривался и вслушивался я в жизнь этого города, тем заметнее было, как его лихорадит.

За два десятилетия, минувшие после того, как трудящиеся Чехословакии взяли власть в свои руки, страна прошла славный путь, добилась немалых успехов в строительстве социализма. Конечно, были промахи, ошибки. Коммунистическая партия приняла важные решения, направленные на исправление положения. Решения январского Пленума ЦК КПЧ нашли понимание и поддержку братских партий. Но те силы в Чехословакии, которым уже давно было не по пути с социализмом, начали мутить воду.

События последних месяцев свежи в памяти читателей, и вряд ли нужно подробно рассказывать о них. В Праге мне попался журнал под названием «А-ревью» № 11 за нынешний год. Редакция почему-то пожелала узнать, что думают на Западе о происходящем в Чехословакии, и опубликовала ответ, полученный от газеты «Интернэшнл геральд трибюн». Эта газета американских миллионеров с нескрываемым удовольствием констатировала: «В Чехословакии продолжается мирная цивилизованная революция в атмосфере, наполненной надеждами, прямотой, теплом. Надо сказать, что атмосфера эта во многом напоминает ситуацию в России в марте 1917 г. или в Польше и Венгрии в октябре 1956 г.».

Тот, кто знает историю, помнит март 1917 года, угар «демократии», которая уже в июле выплеснулась на улицы Петрограда пулеметными очередями контрреволюции. Памятен и Будапешт в октябре 1956 года, когда контрреволюция, начав с чтения стихов у памятника Петефи, ринулась с оружием в руках на штурм горкома партии и вешала патриотов на фонарных столбах. Теперь «тихая контрреволюция» ждала своего часа в Чехословакии, чтобы лишить народ завоеваний социализма. И господа на Западе уже предвкушали радость по поводу коренного изменения обстановки в центре Европы: достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что им хотелось Чехословакией, как клином, расколоть социалистические страны.

Я читал пражские газеты и диву давался, как, крича о «свободе печати», они умеют скрывать от народа факты, замалчивать правду. Чехи и словаки и по сей день не ведают, какие интервью давали буржуазным газетам некоторые чехословацкие политические деятели, с какими статьями и письмами выступали на страницах «Ди вельт», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Фигаро», «Дейли телеграф» писатели и журналисты, низвергавшие потоки хулы на свой народ, на коммунистическую партию. Пресловутые «Две тысячи слов» откровенно звали к свержению власти.

Я ходил по улицам Праги, бывал в так называемом «Гайд-парке» у «Детского мира», где каждый день собиралась толпа и можно было слышать самую низкую, самую подлую клевету в адрес Советского Союза и других социалистических стран. Здесь были желанными ораторами «туристы» из Бонна, Вены и более далеких западных столиц. Контрреволюция разжигала антисоветские страсти, стремилась подорвать единство и дружбу народов наших стран.

С болью в сердце мы видели, как шло моральное избиение рабочих «Авто-Праги», написавших честное письмо советским друзьям, проникнутое тревогой за судьбы социализма в Чехословакии. Мы рассказали советским читателям о том, как со страниц газет, которые с пеной у рта отстаивали «свободу слова», в адрес коммунистов

сыпалась безудержная брань, и меры, принятые Президиумом ЦК КПЧ, уже не могли остановить разгул антинародных, фашиствующих элементов, все еще рядившихся в тогу «либералов» и «демократов».

Да, контрреволюции оставалось сделать немного, чтобы подготовить атаку с оружием в руках. Вступление в Чехословакию войск социалистических стран спутало карты внутренней и внешней реакции.

Воины братских стран вступили на чехословацкую землю как друзья, пришедшие помочь в беде, всю опасность которой — скажем прямо — многие в Чехословакии не разглядели до конца, поддавшись призрачной «либерализации» и угару национализма. Действия социалистических стран направлены на сохранение суверенности и территориальной целостности Чехословакии (ведь не секрет, что боннские реваншисты спят и видят «возвращение» Судет в лоно новоявленного «рейха»), на укрепление ее социалистических завоеваний, на предотвращение прорыва империализма в оборонительные рубежи социалистического мира. Не видеть этого не может лишь слепец, преднамеренный путаник или заведомый враг социализма.

Почувствовав крушение своих планов, контрреволюционные элементы пошли на бессмысленные провокации и преступления. Это они открыли огонь по советским солдатам с верхних этажей радиокомитета и национального музея. Это они по-бандитски стреляли из-за угла в патрульных, охранявших спокойствие граждан Праги. Это они с помощью подпольного радио пытались разжечь истерию в стране, кричали об «оккупации», старались запугать «арестами», кричали о «расстреле Дубчека», «разгроме государственного банка» и т. п. Это они до конца разоблачили себя, перечеркнув все лозунги о социализме, союзничестве, свободе, суверенитете. Пусть заговорит совесть тех, кто поверил злобным выкрикам банкротов, кто не хочет видеть их саморазоблачения.

Советский воин пришел на чехословацкую землю как друг и брат, и, когда некие молодчики бросали ему в лицо нелепые обвинения, он спокойно отметал их силой своей интернационалистической правды.

Когда свора газетных шавок Западной Европы и Америки, ренегаты и отступники всех мастей не жалели проклятий по адресу советского солдата, он стоял, преклонив колено, над могилой своего отца, освобождавшего Чехословакию в 1945 году, и с гордостью говорил: «Я выполнил свой долг». Лжецы кричали «оккупант», а советский солдат не только не взял у чеха или словака ни грамма хлеба, ни грамма горючего, ни одного метра жилья — он отдавал всего себя во имя будущего этой земли и ее людей. Я не теряю надежды, что рано или поздно это поймут те в Париже, Риме, Лондоне, кто заблудился в трех соснах буржуазной пропаганды.

Московские переговоры советских и чехословацких руководителей открыли путь к нормализации положения в Чехословакии. Итоговое коммюнике переговоров — документ большого политического значения, вызвавший огромный отклик во всем мире. Думаю, не ошибусь, если скажу, что подавляющее большинство чехов и словаков встретило итоги переговоров в Москве с пониманием и поддержкой.

В течение двух дней Прага обрела почти обычный свой вид трудового города. Тысячи людей по утрам спешат на работу, идут в магазины, гуляют с детьми в парках, на бульварах. Нормализовалась работа предприятий, учреждений, транспорта. Конечно, не все тревоги уже позади. Контрреволюционные элементы не сдали своих позиций, рыщут в подполье, прибегают к провокациям и саботажу. Но тайное становится явным. Многие из «либералов», «демократов» и «сверхпатриотов», подвизавшихся на страницах газет «Литерарни листы», «Праце», «Млада фронта» и других, уже объявились у своих кормушек в Мюнхене, Вене, Нью-Йорке и т. д. Это не может не раскрыть глаза тем, кто был ослеплен мишурой так называемой «свободной печати».

Реакция на Западе оплакивает провал своих контрреволюционных планов в Чехословакии. Те, кому дороги судьбы социализма, мира и безопасности в Европе, могут лишь радоваться этому безутешному горю контрреволюции.

9 СЕНТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК БОЛГАРСКОГО НАРОДА — ДЕНЬ СВОБОДЫ

ВМЕСТЕ СТРОИМ, ВМЕСТЕ ПРАЗДНУЕМ

Столица Народной Республики Болгарии — город София.
Фото А. Бочинина.

Общества дружбы с Советским Союзом стали возникать в Болгарии еще в те тяжелые годы, когда в стране господствовала фашистская монархия. Создано было такое общество и в Бургасе. Вот что рассказывает об этом один из его основателей, Ставри Морфов, который почти четверть века возглавляет окружной комитет общества:

— Организовались мы в 1940 году. Наметили программу. Чтобы усыпить бдительность властей, решили начать с чего-либо, на первый взгляд невинного. Выбрали беседу о Чайковском и концерт из его произведений. Пришли за разрешением к градоначальнику. Тот полчаса вертел в руках наше заявление и наконец начертал на нем резолюцию: «Запрещаю, так как Чайковский — советский композитор». Вся городская общественность возмутилась. И мы победили все-таки!

Теперь это уже история. Ныне бургасский комитет ведет колоссальную по объему работу. Ведь город этот портовый, и у его причалов всегда есть советские суда, а на окраине вырос и продолжает расширяться нефтехимический комбинат, где работают и советские специалисты. Ну, и кроме того, поблизости расположен курортный комплекс «Солнечный берег», на котором отдыхают тысячи туристов из Советского Союза.

...Ставри Морфов листает толстую тетрадь — сделано столько, что в памяти не удержишь. В городах и селах округа проводились недели болгаро-советской дружбы, дни советской культуры, на предприятиях и в земледельческих кооперативах побывали сотни советских туристов.

С большим успехом всегда проходят встречи «по интересам» — со своими болгарскими коллегами встречались советские шахтеры, строители, летчики, врачи, юристы, учителя, текстильщики и кондитеры.

Благодаря таким встречам болгары познакомились с жителями самых разных краев Советского Союза: с сахалинцами, магаданцами, представителями Коми и Средней Азии.

В дни празднования пятидесятилетия Октября повсюду звенели советские песни — и революционные и современные. Этому предшествовало, пожалуй, самое массовое их разучивание — в конкурсе на лучшее исполнение участвовало более двадцати тысяч человек!

В этом году предстоит тоже сделать немало. Как всегда, будет много гостей и теплых встреч.

Ю. КРИВОНОСОВ

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ РЕСПУБЛИКИ

Есть у корейского народа легенда о сказочном коне Чөнлиме. В день он может проскакать тысячу километров. Всадниками Чөнлима зовут в социалистической Корее передовиков труда, всех лучших сынов Кореи. Тех, кто с оружием в руках боролся с японскими захватчиками, тех, кто двадцать лет назад, в 1948 году, присутствовал на особом празднике — рождении Корейской Народно-Демократической Республики, тех, кто, не щадя себя, строил и строит новую Корею.

Огромны достижения республики. За 20 лет — с 1946 по 1966 год — промышленное производство в стране возросло в 41 раз. Почти не осталось сел, в которые новая власть не принесла свет: 98 процентов корейских деревень электрифицировано. Каждый четвертый кореец учится. В два раза снизилась смертность населения КНДР, на 20 лет увеличилась средняя продолжительность жизни корейцев.

Выступая на пресс-конференции, посвященной 20-летию республики, посол КНДР в Советском Союзе товарищ Тен Ду Хван подчеркнул, что советско-корейские отношения дружбы и сотрудничества представляют собой новый тип отношений между государствами и являются вкладом в дело укрепления всей социалистической системы.

В день 20-летия республики советские люди желают КНДР новых успехов. Они уверены в том, что всадники Чөнлима, преодолевая все трудности, взберутся на вершины социализма.

Н а с н и м к е: труженицы прядильной фабрики обсуждают показатели соревнования.

СУВЕНИРЫ, КРУЖЕВА И ДРУГОЕ...

В кабинете первого заместителя Министра местной промышленности РСФСР Сергея Евтихиевича Леонтьева несколько новинок. Среди них — настенное панно изысканной красоты. Оказывается, это покрытая кристаллическими глазурями керамика.

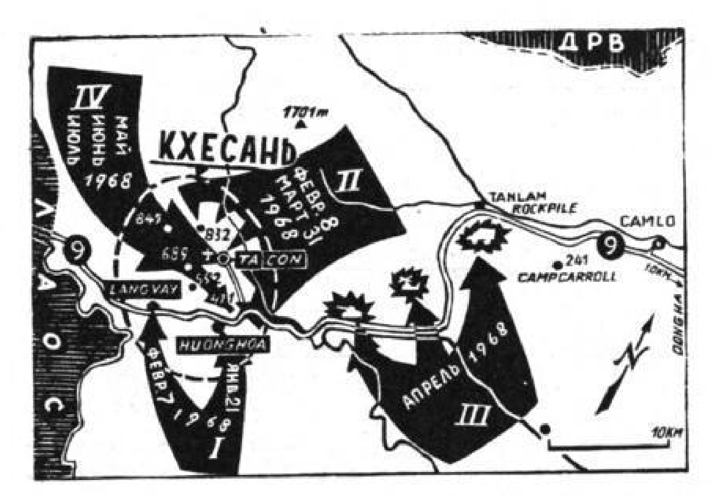
— Наша новинка,— говорит заместитель министра и рассказывает, что такая современная и вместе с тем перекликающаяся с традициями народного творчества манера отделки керамики разработана сравнительно недавно.

В 1969 году в стране будет выпущено на 350 миллионов рублей изделий художественных промыслов и на 400 миллионов — в 1970-м. С каждым месяцем появляется все больше новинок и на известных производствах и там, где они создаются вновь. Сейчас строят не только новые предприятия, но и реконструируют старые. Еще один корпус получит Федоскино, ростовское объединение «Дон» станет выпускать больше прежнего изумительных строчевышитых изделий, расширяется вологодская «Снежинка» — тут для ручного кружеплетения строят еще одну фабрику. Вологодским и елецким кружевам не занимать известности. Но ныне спрос на них еще более возрос.

С особым вниманием ведется подготовка сувенирного производства в Ульяновске. В Горьковской области создается экспериментальный завод и конструкторское бюро. Одна из его задач — возрождение старых и создание новых художественных промыслов. Начали делать деревянные кружки — от покупателей отбоя нет, хоть еще одну фабрику пускай. В каждой поделке сочетаются утилитарность и художественное начало. Вот, скажем, плетеные изделия. Сумки, корзины и корзиночки, плетеная мебель.

— Недавно принятое постановление Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов,— говорит С. Е. Леонтьев,— намечает большую программу действий в этой области. Разработаны конкретные меры по повышению качества поделок, их упаковки. Организуются экспериментальные лаборатории и творческие группы, намечается строительство профессионально-технических училищ для подготовки специалистов. В Москве построят Дом народно-художественных промыслов — на площади в 12 тысяч квадратных метров разместятся музей, научно-исследовательский институт, магазин.

К. КОСТИН

На этой карте показаны четыре этапа действий патриотических сил Южного Вьетнама против американской базы Кхесань.

Александр СЕРБИН

И с од пора

Тяжелый день — понедельник

Обычный понедельник 24 июня 1968 года сделался для американцев особым днем. В этот день война, которую ведут Соединенные Штаты во Вьетнаме, превратилась в самую продолжительную из войн в американской истории.

24 июня стало 2 376-м днем вьетнамской авантюры США, начиная счет с 22 декабря 1961 года, когда на вьетнамской земле погиб первый из американских солдат, посланных сюда, чтобы утвердить господство Америки в Юго-Восточной Азии. До Вьетнама самой длинной для США была война за независимость — она происходила в конце XVIII века и продолжалась 2 375 дней. В сражениях за то, чтобы избавиться от колониального ярма Англии, американский народ потерял 4 435 человек убитыми. Пытаясь превратить Вьетнам в свою колонию, главари агрессии потеряли на полях убитыми и ранеными почти 200 000 человек. И война все продолжается...

24 июня 1968 года на американской военной базе в Кхесани, расположенной в северо-западном углу Южного Вьетнама, в провинции Куангчи, выполнялся секретный приказ о подготовке к эвакуации. Американские солдаты вспарывали мешки с песком, выкорчевывали металлические плиты из посадочной площадки. Ревели бульдозеры, разрушая укрепления. Конец существования базы приближался. Вместе с ним наступал и конец легенде о доблестных морских пехотинцах США, способных все выстоять и перенести любые трудности. Это наблюдал своими глазами корреспондент американской газеты «Балтимор сан» Джон Кэррол. В тот же день он послал сообщение о предстоящей эвакуации Кхесани в США.

24 июня Раймонд Сансивиеро, рядовой первого класса (одна нашивка) из полка морской пехоты, который защищал Кхесань, еще ничего не знал об эвакуации. Он был в тот день далеко от Кхесани, от Соединенных Штатов, от войны, ставшей самой продолжительной в американской истории...

Осада

Недавно мне пришлось встретиться и говорить с Раймондом Сансивиеро, девятнадцатилетним американским солдатом — теперь уже бывшим солдатом, который снял свою военную форму и не собирается надевать ее вновь. Для него война окончена. В этой войне он был свидетелем одного из самых позорных для Соединенных Штатов эпизодов.

Кхесань — значит «Зеленая падь». Так называлась спокойная вьетнамская деревня, расположенная среди возвышенностей.

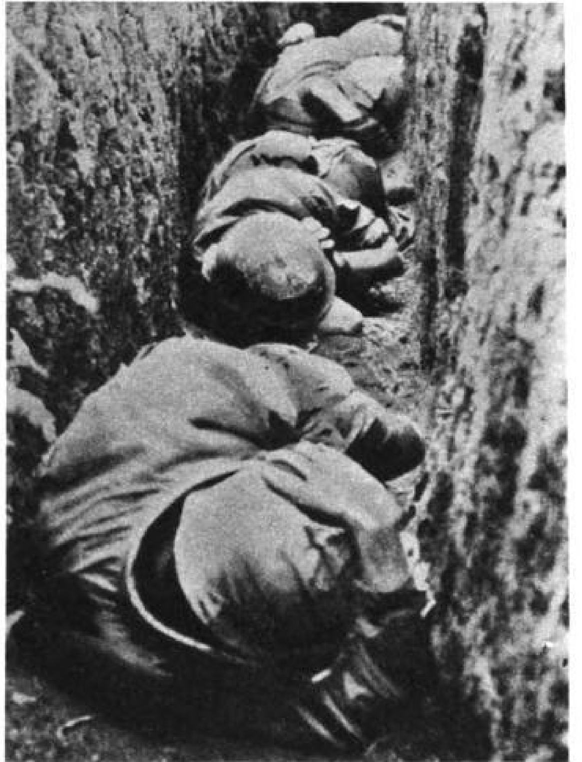
База Кхесань была создана два с лишним года назад — американское командование разместило ее рядом с дорогой № 9 для того, чтобы контролировать передвижение патриотов в этом районе. Сначала ее занимали специальные силы, которые совершали рейды по провинции Куангчи. База служила местом отдыха — здесь солдат собирали на молитвы и крутили им кинофильмы. Потом командование решило укрепить Кхесань и направило туда шеститысячный контингент морских пехотинцев. Кхесань стала называться «западным якорем» американской укрепленной системы в этом районе и должна была войти составной частью в пресловутую «линию Макнамары».

21 января 1968 года Народные вооруженные силы обрушили шквал артиллерийского огня на Кхесань. Эта канонада слилась с громом боев, которые развернулись с конца января по всему Южному Вьетнаму. Для американских интервентов Кхесань с ее гарнизоном стала одним из многих уязвимых пунктов обороны — в это время американские вооруженные силы в Южном Вьетнаме были вынуждены перейти к обороне повсюду.

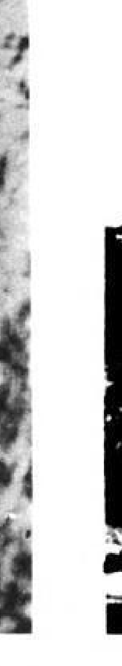
Раймонда Сансивиеро вместе с другими морскими пехотинцами привезли в Кхесань на самолете в конце февраля, когда база была уже окружена. Самолет плюхнулся на посадочную полосу, и Раймонд вместе со всеми бросился в убежище, построенное рядом. На поверхности оставаться было нельзя: это грозило смертью. На базу непрерывно падали снаряды патриотов.

— Потом мне указали, в каком направлении идти, и объяснили, кто мой начальник. И я побежал, пригибаясь к земле как можно ниже,— рассказывал мне Раймонд.— Так началась моя служба в Кхесани.

Раймонд и другие были доставлены в Кхесань, чтобы заменить убитых. Морские пехотинцы несли большие потери — тяжелые снаряды артиллерии патриотов пробивали бункеры, в которых прятались осажденные, вьетнамские снайперы брали на мушку все, что двигалось на территории базы.

Под огнем.

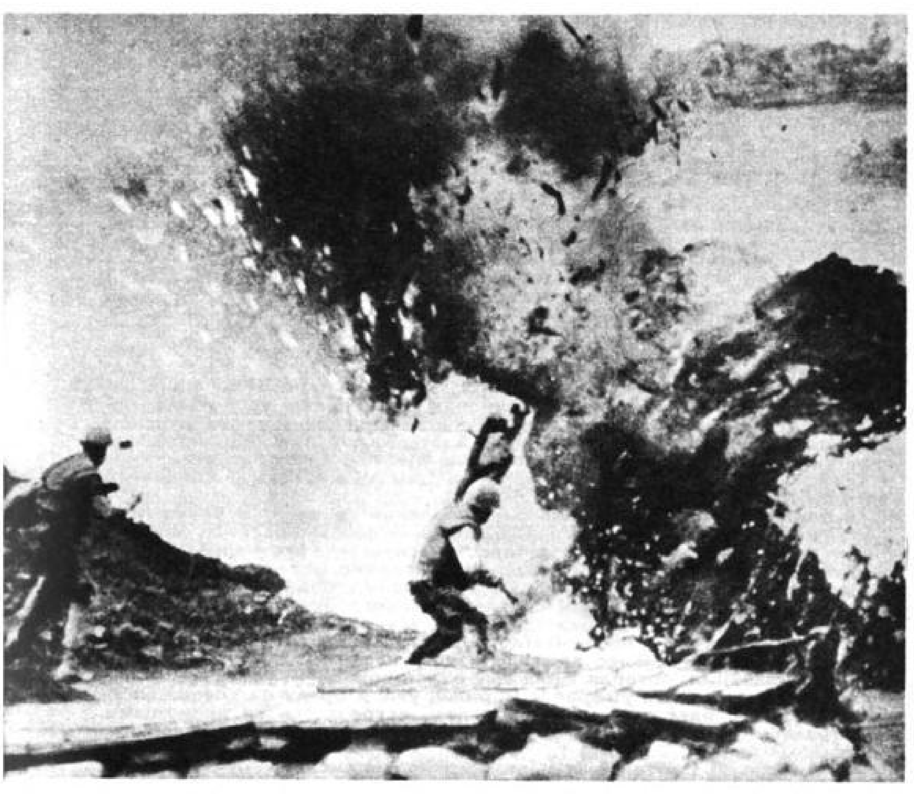

«Бравый» морской пехотинец.

Эвакуируют базу.

ТОРИЯ
НОГО
ЖЕНИЯ

Интервентам приходится туго.

Когда Кхесань была окружена.

Воздух непрерывно содрогался. От взрывов над базой висело облако из дыма и тонкой красной пыли. Один американский корреспондент, посетивший Кхесань, назвал ее «гремящим, пыльным и полным опасностей адом».

— Два месяца я был в Кхесани,— рассказывал Раймонд.— И все эти два месяца закапывался в землю. Мы все закапывались все глубже и глубже, боясь за свои жизни.

— Какой день за это время запомнился больше всего? — спросил я у Раймонда.

— Трудно выделить какой-нибудь один день,— ответил он.— Они все кажутся мне похожими друг на друга. Тогда я еще не думал обо всем, что творилось вокруг меня. Я боялся, и главным было стремление выжить.

Кольцо вокруг Кхесани становилось все уже. Единственным средством сообщения с внешним миром у осажденных интервентов была авиация. Самолеты, совершавшие посадку, оставались на земле не больше трех минут. За это время из них выгружали оружие и продовольствие и набивали грузовые помещения ранеными и убитыми.

«Любой ценой!»

И в феврале и в марте морские пехотинцы, элита американской армии, продолжали сидеть, зарывшись в землю. А в Соединенных Штатах все чаще и чаще на страницах газет и журналов стало встречаться слово «Дьенбьенфу».

Поражение, которое потерпели французские колонизаторы под Дьенбьенфу, вставало страшным призраком перед американским командованием. И тогда генерал Уэстморленд, командующий вооруженными силами США во Вьетнаме, которому еще предстояло бесславно уйти с этого поста, принял решение отстоять Кхесань любой ценой. Впрочем, это было не только его решением: сам президент США согласился с этим, заручившись письменным подтверждением высших военных чинов, в котором было сказано, что Кхесань нужно и можно удержать.

Раймонд Сансивиеро с горечью говорит:

— Ротный командир произносил речи: «Нами довольны, ребята. Нами все довольны. Мы морская пехота. И если нам придется умереть — мы умрем гордо». И сколько моих друзей мне пришлось увидеть мертвыми! Они были такими же молодыми, как я. За что они умерли? Какой смысл был в их гибели? Теперь я знаю: они погибли бессмысленной смертью...

Так, «любой ценой», американское командование удерживало Кхесань.

По-прежнему в Кхесани рвались снаряды. Точным попаданием еще в начале осады был уничтожен склад боеприпасов. 6 марта патриоты сбили под Кхесанью большой транспортный самолет. Погибли 44 морских пехотинца и весь экипаж. Число уничтоженных и поврежденных самолетов уже насчитывалось десятками. И американские летчики уже опасались приземляться на базе. Снаряжение и продовольствие стали сбрасывать на парашютах. Часто ветер относил парашюты в сторону, и грузы не попадали к осажденным.

Раймонд Сансивиеро вместе с другими отстаивал часы в дозоре, прятался в бункерах во время обстрела, два раза в день ел холодные консервы и воевал с крысами, которых в Кхесани становилось все больше и больше.

— Они жили в бункерах вместе с нами. По ночам они визжали, дрались и грызли мертвецов,— продолжает он свой рассказ.— А мы все ждали, когда противник начнет штурм Кхесани.

Американское командование тоже ждало штурма. Прямолинейно мыслящие военные руководители США рассчитывали на этот штурм. Они полагали, что Народные вооруженные силы освобождения применят здесь ту же тактику, что и под Дьенбьенфу. И тогда, считали они, в решающем сражении силы патриотов будут сломлены.

Полковник Дэйвид Лаундс, командующий морскими пехотинцами в Кхесани, старался перед корреспондентами держаться молодцом. Он утверждал, что во время штурма «его ребята» уничтожат сорок — пятьдесят тысяч патриотов. Бодрым голосом он произносил: «Что за паника? Мы собираемся здесь оставаться. Это наша работа, за нее нам и платят».

— Наше моральное состояние было очень низким,— рассказывает Раймонд.— От постоянного ожидания штурма, от страха смерти, от всего, что творилось вокруг. Люди стали ссориться между собой. Иногда счеты сводили оружием — американец стрелял в американца. И поди разберись, когда кругом была смерть...

За весь март американские интервенты лишь 26-го решили устроить вылазку. И понесли потери.

Основная роль в обороне Кхесани была отведена стратегической авиации. Тяжелые бомбардировщики «B-52» с воздушной базы на острове Гуам стали совершать регулярные налеты на окрестности Кхесани. За 77 дней американские самолеты сбросили вокруг базы 100 тысяч тонн бомб—больше, чем ими было сброшено на Японию за четыре года второй мировой войны.

— «B-52» прилетали и днем и ночью,— говорит Раймонд Сансивиеро.— Земля тряслась от взрывов, и небо вокруг было в огне. Нам говорили, что вьетнамцы несут потери. Но мы не видели этих потерь. А каждый раз, когда прекращалась бомбежка, с высот, окружающих базу, нас начинали обстреливать снова. И наш госпиталь был всегда забит ранеными.

Раймонд Сансивиеро делает выбор

Американские стратеги так и не дождались генерального штурма своей осажденной базы. Даже когда тридцатитысячные вооруженные силы США начали проводить операцию «Пегас», рассчитанную на помощь Кхесани, они не сумели навязать силам патриотов решающих боев. Верные своей тактике, Народные вооруженные силы освобождения не стали принимать боя на условиях противника, а наносили ему удары там, где считали выгодным для себя. 6 апреля, когда патруль морских пехотинцев вышел за пределы базы, чтобы встретиться с частями, проводившими операцию «Пегас», он был атакован вьетнамцами. Среди морских пехотинцев был Раймонд Сансивиеро. В тот день Раймонд был ранен. Из

Кхесани его доставили на вертолете в Дананг, а оттуда самолетом в Японию.

В госпитале в Дананге кто-то из американцев, увидев его солдатские ботинки, красные от пыли, уверенно сказал:

— Из Кхесани...

Американцы к этому времени уже привыкли, что именно оттуда прибывает больше всего раненых.

Сражение за Кхесань не было окончено в апреле. Правда, в американской печати уже протрубили в победные трубы и американские генералы уже произнесли хвастливые слова о том, что «наступление коммунистов выдохлось», но они явно поторопились. Судьба Кхесани не была решена.

Следом за новыми сражениями вокруг Сайгона и в самой столице неожиданно для американцев патриоты опять начали военные действия около Кхесани. Затем фронт боев в северной части Южного Вьетнама расширился. 21 мая американским пехотинцам пришлось отразить две атаки на свои позиции. Через несколько дней сражения шли на широком фронте от Кхесани до города Донгха, где расположена еще одна американская военная база. 28 мая американским частям морской пехоты пришлось прибегнуть к помощи танков, чтобы выстоять против двух атак на Кхесань. 2 июня бой под Кхесанью продолжался 14 часов...

Раймонд Сансивиеро уже не участвовал в этих боях. В это время он лежал в американском военном госпитале в Японии и размышлял о том, что ему пришлось пережить.

— Там, в Кхесани, мне некогда было думать. Но на больничной койке времени было достаточно. Там я понял: все, что говорили мне о вьетнамской войне в США, не соответствует тому, что я видел во Вьетнаме своими глазами. Я пробыл там недолго, но достаточно для того, чтобы решить: я никогда больше не вернусь обратно. Я знаю, как жестоко обращаются американские солдаты с населением. Меня потрясло, когда я увидел, как американские солдаты бросают вьетнамским детям таблетки сухого спирта, предварительно поджигая их. Они горят малозаметным пламенем. Дети, думая, что это конфеты, хватают таблетки и обжигаются. Население Южного Вьетнама не испытывает к нам никаких симпатий. Они хотят одного — чтобы мы ушли.

Раймонд Сансивиеро покинул ряды американской армии, как это уже сделали десятки других.

Поражение

24 июня Джон Кэррол, корреспондент «Балтимор сан», сообщил в свою газету о подготовке Кхесани к эвакуации. Это сообщение было напечатано только 26 июня. На следующий день его перепечатала газета «Нью-Йорк таймс».

Министерство обороны США отказалось комментировать это сообщение. В Сайгоне было объявлено, что корреспонденция Кэррола не будет ни опровергнута, ни обсуждена. Одновременно стало известно, что Джон Кэррол лишается своего мандата военного корреспондента. Бригадный генерал Уинант Сайдл — начальник службы информации американских вооруженных сил во Вьетнаме — предупредил всех остальных корреспондентов, что если они хотят сохранить свои корреспондентские удостоверения, то им лучше не писать о положении в Кхесани.

Однако все было поздно. На следующий день, 27 июня, военное командование США во Вьетнаме вынуждено было официально объявить об эвакуации военной базы, которую еще недавно собирались защищать «любой ценой».

Следом за этим заработала американская военно-пропагандистская машина. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило из Сайгона мнение «одного американского офицера», что сохранение Кхесани — это «анахронизм» и что вооруженным силам США «необходимо сохранять мобильность». Представитель военного командования США в Сайгоне заявил, что эвакуация «позволит лучше использовать американские и южновьетнамские войска в этом районе». Развязал язык и генерал Уэстморленд, отдававший приказ «стоять насмерть». Он сказал, что именно он сам еще в апреле «одобрил в принципе план передислокации».

Американские военные деятели упорно молчали лишь об одном — о том, что **впервые в истории своей авантюры во Вьетнаме американские вооруженные силы вынуждены под мощным давлением сил патриотов оставить свою укрепленную базу, отступить, признать свое поражение.** Впрочем, за них это сделали другие. Комментируя это событие, английская газета «Таймс» написала: «Кхесань стала символом американского бессилия».

Эпилог — впереди

Американцы уходили из Кхесани медленно. Им приходилось одновременно эвакуировать базу и отражать атаки патриотов. 9 июля части Народных вооруженных сил освобождения вошли на территорию американской базы.

170 дней продолжалась битва за Кхесань. За это время на всех участках фронта вокруг базы патриоты убили, ранили и вывели из строя около 17 тысяч вражеских солдат, в том числе 13 тысяч американских солдат. Уничтожено большое количество вражеской техники — самолетов, танков, артиллерийских орудий, автомашин, разрушено несколько десятков военных складов.

В военных действиях Народные вооруженные силы освобождения показали зрелость военной тактики, мужество и стремление к победе.

Военные историки еще опишут это сражение. Станут известными имена вьетнамских героев, кто внес в эту победу свою волю и отвагу, кто заплатил за нее своими жизнями.

Борьба против интервентов продолжается. Сделает ли Америка выводы из своего поражения?

Раймонд Сансивиеро говорит:

— Я против этой войны. Я был на этой войне и все видел сам. Я уверен: Америка не имеет права быть во Вьетнаме.

...Новое сообщение из Южного Вьетнама: в провинции Куангчи идут бои.

Александр Бенуа

Театральный декоратор, живописец, график, историк искусств, критик, музейный работник, коллекционер... Это не перечень профессий и занятий многих людей. Это призвания одного.

Александр Бенуа — его имя известно. Его долгая жизнь была полна труда, исканий, ей сопутствовали успехи и поражения, удачи и крушения... Критика возносила его до небес и обливала холодной водой брани. А он всегда работал, искал в искусстве правду.

Художник умер не так давно — в феврале 1960 года, почти девяноста лет от роду.

Идут годы. Постепенно собираются в научных работах, монографиях сведения о столь разнообразном и разноликом творчестве Бенуа, и оно занимает подобающее ему значительное место в русской художественной культуре. Акварели, пастель, картины, карандашные рисунки, эскизы декораций — полторы тысячи работ, десятки книг и сотни статей — все это требуется систематизировать и соединить хотя бы на выставке художника.

В широком потоке различных направлений творчества Бенуа присутствуют всегда его характерные черты — необыкновенная впечатлительность, глубокая восприимчивость искусства. Его увлекали русская старина, прошлая жизнь Франции, великие мастера живописи... Музеи для него были хранилищем прекрасных образцов красоты и истины. За золотыми рамами собраний старого Эрмитажа и еще более старого Версаля оживала перед художником история. Он любил музеи. В первые годы после Октября Бенуа руководит научной работой в Эрмитаже. Это было время близкого общения, единения с картинами коллекции, которая была ему очень дорога. И, наверно, поэтому в последнюю ночь, умирая в Париже, уже в бреду он возвращается в Эрмитаж, идет по знакомым залам, встречается со знакомыми полотнами. И, обращаясь к ему только видимой аудитории, восклицает:

— Смотрите! Смотрите, как эта картина написана, сколько в ней сказано!

Эти последние видения и слова Александра Николаевича записала его дочь Е. А. Бенуа.

...Александра Бенуа называли ретроспективным мечтателем. Он воскрешал в воображении прошлое и искал в нем удовлетворение своей мечтательности. Приехав в 1905 году во Францию, художник всей душой отдается гармоническим красотам Версаля, перспективам его аллей, классической прелести скульптур и величавой архитектуре XVII века. Оставаясь один на один с природой, он работает каждый день. Легко и непринужденно написаны «Бассейн Флоры», «Водный партер в Версале», «Зеркальце в Трианоне».

Живопись его, посвященная Версалю, изящна и изысканна.

Но вот художник едет в Бретань — приморскую французскую провинцию. Жизнь крестьян вызывает в его творчестве новые краски, новые формы. И на смену несколько ироничному, насмешливому изяществу Версаля приходит простота тонов и красок и веселая грубоватость рыбаков и скотоводов.

Этюды на дорогах Бретани — пейзажи с небольшими домиками и замками, деревенские кладбища, фермы и луга, вода, лодки, скалы...

На основе этих работ возникает прекрасное произведение «Бретонские танцы». С юмором утрированы движения танцующих крестьян, суровый, неяркий колорит композиции — все рассказывает нам о национальном характере бретонцев, передает их быт.

Бенуа, увлекаясь чем-то, возвращался и возвращался к одной и той же теме по нескольку раз, как будто хотел раскрыть ее как можно глубже, показать мир, который занимал его воображение со всех сторон.

Так, у него есть несколько произведений об эпохе Павла I. Эту тему как бы завершает его картина «Парад при Павле I».

Одна из областей творчества Бенуа, где он наиболее полно выразил себя,— это театр. В декорациях Бенуа играли многие театры мира.

В 1913 году Александра Николаевича пригласили в Художественный театр. Немирович-Данченко пишет ему о «содиректорстве». Бенуа, ответив: «Я себя отдаю всецело Художественному театру»,— оставляет все другие работы и переезжает из Петербурга в Москву.

«Бенуа был в Художественном театре,— рассказывал И. Н. Берсенев,— «царем и богом», к его мнению все прислушивались...»

Вместе с К. С. Станиславским в этом же году он начал готовить пушкинский спектакль, в котором были также сцены «Пира во время чумы». Его готовили около двух лет и выпустили в разгар первой мировой войны. Декорации к «Пиру» выражали отчаяние перед неотвратимостью судьбы... Светлеет. Узкая улочка «старой Англии». При догорающих свечах сникает ночной пир. Ужас настигнувшего неожиданно бедствия, опустошенность «чумного города», драму людей, стоящих на пороге смерти, стремится выразить художник.

Как всегда, и это произведение сложного и многогранного мастера вызвало разночтение и различное мнение современников.

Даже по работам Александра Бенуа, напечатанным сегодня на наших цветных вкладках, можно увидеть широту его художественных интересов, манер исполнения: жанровый ,живописец, изысканный мечтатель, ироничный историк, тонкий декоратор, проникающий в тайну драматургии...

Н. СВЕТЛОВА

А. Бенуа. 1870—1960. БРЕТОНСКИЕ ТАНЦЫ. 1906.

ВЕЧЕР В БРЕТАНИ. 1906.

А. Бенуа. БАССЕЙН ФЛОРЫ В ВЕРСАЛЕ.

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ В УЗБЕКСКОЙ СТОЛИЦЕ ОТКРОЕТСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ АФРО-АЗИАТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР».

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ ПЕЧАТАЮТСЯ НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ, НАПИСАННЫХ ПОЭТАМИ АЗИИ.

Минь Ле

ДО ВСТРЕЧИ!

А к вечеру я доберусь домой,
как девять лет назад, и из тумана
возникнет дом — хоть неказист, да мой!
И в доме — мама, старенькая мама.
Путь, вымощенный красным плитняком,—
как по нему я в школу торопился!
Налево лес с зеленым тайником,
где луч вечерний, спрятавшись, дробился.
Направо мост, и пристань, и базар,
а там раскинется большое поле.
Но что здесь сталось, кто бы мне сказал?!
Беда, беда! Уже и сам я понял.
Разрушен путь, и старый мост снесен,
и домик мой спешит ко мне с повинной,
как бы твердя, что детство — давний сон,
вернувшийся едва наполовину.
Я подхожу. Тревожно тих мой зов.
Как знать мне, кто на этот возглас выйдет?
Выходит мать. От слез туманен взор,
и словно все сквозь даль разлуки видит.
Узнала:
— Ох... Пришел... пришел, сынок!
И боль и радость слиты в ней так просто,
и так слаба — совсем валится с ног.
И слезы, и рассказы, и расспросы.
— Ты помнишь тех? Убили! А вон тех?
Убили тоже! Только дом остался!
Базар снесло в секунду. На воде
лежали трупы. Дым над домом стлался!
Но ты-то цел! Спасибо, дожилá.
Ведь девять лет не видела! Немало...
— Да, долго, мама. К счастью, ты жива,
я тоже, и... не надо плакать, мама.
И вот я начинаю свой рассказ,—
в нем имена, и числа, люди, танки.
В моих словах, как грозовой раскат,
звучит прибой начавшейся атаки...
Я говорю ей: — Будет, будет день —
мы снова, мама, вместе соберемся.
Деревьев раненых воскреснет тень...
Починят крыши, и посадят розы.
О, этот день победы! А пока —
прости — иду: не кончено сраженье.
Не входят реки крови в берега,
неслыханное длится наводненье.
Стервятники спешат, как на парад,
но их парад с немалым связан риском!
И за пиратом падает пират
над влажным лесом, над взошедшим рисом.
Зря станут ждать их матери, скорбя.
Что нам несли — мы возвращаем им же!
До встречи, мама. Береги себя,
чтоб встретить нас, когда мы возвратимся.

Перевел с вьетнамского
Александр Наумов.

МИНИАТЮРЫ

МИРМУХСИН

НИТИ СЕРДЦА

Настоящая дружба
Творится в трудах и невзгодах,
Средь лгунов и бездельников
Друга себе не найдешь.
Дружба — это не сделка,
Не мебель, сулящая отдых,
Тот, кто выгоды ищет,
Лишь с виду на друга похож.
Две холодных души
Вы и цепью не соедините,
Без тепла бескорыстного
Дружбе вовек не бывать:
Пусть от щедрого сердца
Живые протянутся нити —
То, что соткано сердцем,
Сумеет лишь смерть разорвать.

САДОВНИК

Отец мой, вы хрупкою старость назвали,
Сказали, что близок желанный покой,
Вздохнули, садовые ножницы взяли
Усталой, морщинистой, мудрой рукой.

Взглянул я на сад, где гранаты и вишни,
И вдруг позавидовал вашей судьбе:
Здесь каждое дерево — памятник пышный,
Что честным трудом вы воздвигли себе.

Перевел с узбекского
Сергей Северцев.

Аманжол ШАМКЕНОВ

ИРТЫШ

Я в памяти тот день храню
надежно,
когда мальчишкой,
стоя над волной,
я размышлял открыто и тревожно
о жизни, что шумела предо мной.

И шелестела пенная волна,
неведомыми думами полна.

А я стоял, продрогший и худой,
влюбленный в реку,
в отчий край влюбленный.

Река смывала камешки водой
и на меня смотрела удивленно.

И было трудно мне понять тогда,
куда спешила быстрая вода.

Иртыш, Иртыш,
мне в имени твоем
все слышатся родных мелодий
звуки.
Теперь я знаю:
Обь за тем холмом
к тебе свои протягивала руки.

Великая российская река
тебя к себе звала издалека.

К тебе, Россия,
сто путей свело.
Я — твой Иртыш.
Я так спешил навстречу.

Твоих ладоней ласковых тепло
хранят мои мальчишеские плечи.

И, благодарный радостной судьбе,
свое лицо я обратил к тебе.

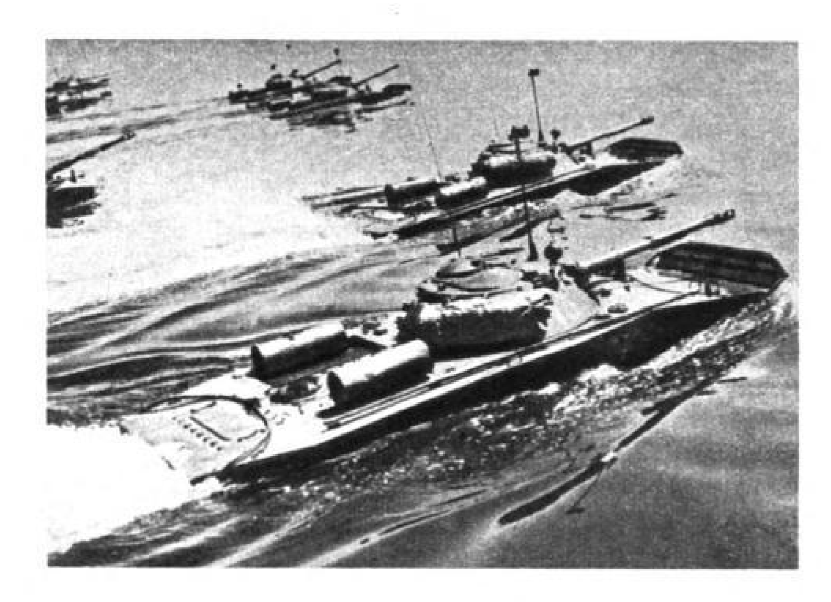
О Русь моя,
открытый настежь дом!
Что б ни случилось,
знай и помни вечно:
я, сын степи, звенящим Иртышом
издалека стремлюсь к тебе
навстречу.

И эту веру и любовь мою
я сыну своему передаю.

Перевела с казахского
Т. Кузовлева.

8 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

ТАНКИ АТАКУЮТ С МОРЯ

К «вражескому» берегу...

В ходе учений обстановка для «северной» стороны сложилась трудная. «Противник» сумел закрепиться на промежуточном рубеже и, используя выгодные условия местности, остановить стремительное продвижение «северян». Только танкам старшего лейтенанта Петрова с мотострелковым подразделением старшего сержанта Слонова удалось с ходу форсировать речку Безымянку и вклиниться в оборону «южан» на 7—8 километров.

Командир «северных» понимал: «южные» произведут перегруппировку, сильной контратакой уничтожат танки Петрова и превратят заболоченные берега Безымянки в неприступный рубеж. И тогда все нужно начинать сначала. Всматриваясь в нанесенные на карту сплетения синих линий, ромбиков, кружков, которыми обозначались расположения огневых точек, танков и позиций «противника», командир и начальник штаба старались определить слабое место в обороне «южан».

— Хорошо бы ударить отсюда.— И начальник штаба провел карандашом по изломанной линии морского побережья.— Смотрите, левый фланг обороны «южных» упирается в берег. Морское побережье охраняется в основном береговыми батареями. Можно ночью подойти на десантных судах, в нескольких километрах от берега спустить на плав танки и бронетранспортеры и ударить в тыл обороняющихся от хутора Рыбак в направлении Мусульманской могилы.

— Волна большая...

— Это хорошо, волна скроет танки от береговых наблюдательных постов. Как холмы на суше...

Стальные громады машин способны форсировать реки по их дну, под водой, перебираться на самоходных паромах через озера и лиманы. А если потребуется, то танки обретают и крылья: воздушные лайнеры в считанные часы способны перебросить их в любой район, и бронированные машины опустятся на парашютах вслед за своими экипажами в тыл врага.

Снабженные надежной броней и мощным вооружением, обладая высокой маневренностью и точным огнем, современные танки получили возможность самостоятельно выполнять любые боевые задачи на большую глубину. Поэтому-то их и называют главной ударной силой сухопутных войск.

...В точно назначенное время рота капитана Бурина приступила к выполнению поставленной задачи. Шли на сокращенных дистанциях, ориентируясь по вспененным бурунам, оставляемым впереди идущим танком, да сигнальным буям — красно-белым шарам, выброшенным на длинных буйрепах. К хутору Рыбак подошли вовремя. Впереди отчетливо виднелся берег.

Вперед ушли саперы, чтобы проверить дно: нет ли мин донных и плавучих, поставленных на стальных тросах?

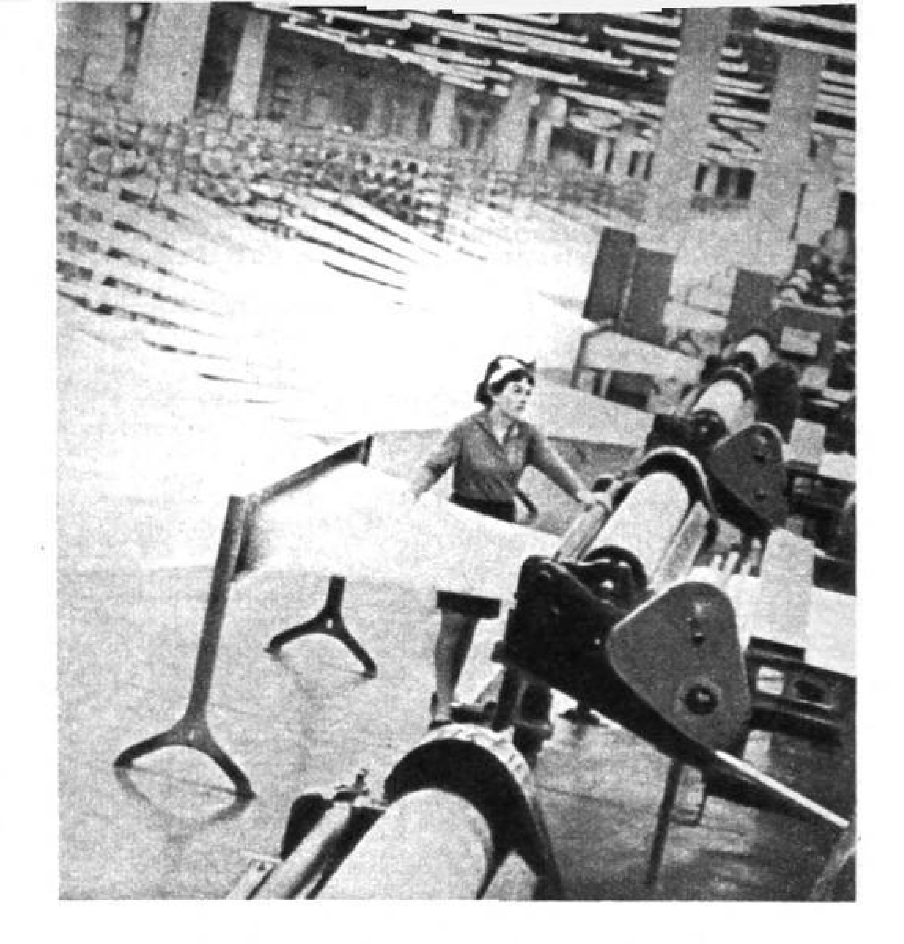
Танки малым ходом приближались к берегу. Экипажи знали — там каждый камень, каждый прибрежный куст ощерился орудийным стволом или стволом пулемета. Уже видны брустверы траншей, а берег все молчит: невысокие башни танков хорошо скрывает волна.

От саперов получен сигнал: мин нет, выходим на берег! И сразу заговорили пушки. Танки, прикрывая саперов, рванулись к берегу, а саперы-водолазы сержанты Н. Бульбин, А. Приморуков уже «шуровали» миноискателями на суше.

«Противник» встретил танкистов огнем пушек и пулеметов. Но удар был неожиданным, расчет оказался точным. Побережье оборонялось незначительными силами. «Уничтожив» две береговые батареи «южан», танки устремились в район расположения их резервов.

Полковник Н. ТАРАТОРИН

Фото В. Гатчикова.

АТЕЛЬЕ ДЛЯ «ВОЛГИ»

Эти цеха Балаковского химического комбината скорее следовало бы называть заводами, настолько они поражают размерами, оборудованием и количеством выпускаемой продукции. Да так, по существу, оно и есть.

— Корд-I,— говорят мне.

Ряды современных ткацких станков уходят вдаль, и конца им не видно. Это — одно из крупнейших в Европе ателье для «Москвичей», «Волг» и даже «ТУ-104». Здесь производится кордная ткань, которую отправляют на десятки шинных предприятий всего Союза. «Корд-I» только за сутки способен обуть тысячи «Москвичей». Рядом находится второй такой же и строится третий, мощность которого будет равна двум первым, вместе взятым. Недавно здесь впервые в Советском Союзе выпустили высокопрочный корд. Стоимость покрышек теперь уменьшится вдвое.

Ю. ЛУШИН

Фото автора.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

ТОРГОВЫЙ ПРОСПЕКТ

Улица полна неожиданностей. И это еще раз доказали архитекторы и строители, когда взялись за проект переоборудования магазинов и кафе на улице Кирова в Москве. Издавна торговая, застроенная крохотными старыми магазинчиками улица эта не соответствовала требованиям, предъявляемым покупателями; магазины были тесны и малы, оснащены устаревшим оборудованием. Начиная реконструкцию первых этажей зданий на улице Кирова, надо было учитывать, что параллельно будет прокладываться Новокировский проспект, поток машин на «старой» улице сократится. И это тоже будет способствовать превращению ее в подлинно торговую магистраль.

...Больше всего повезло магазину, что торгует овощами и фруктами. Здесь нашли возможность почти вдвое увеличить площадь, подыскали наиболее соответствующие характеру магазина отделочные материалы, завезли и установили современное оборудование. Продажа товаров сразу же увеличилась на 50 процентов, выросло, понятно, число покупателей, а затрачивают они теперь на покупки куда меньше времени.

Всего на улице предстояло переоборудовать и реконструировать более 50 предприятий. Среди них такие популярные, как магазин «Инструменты», кафе «Молочное», блинная, «Русский чай», булочная, гастрономический и мясной магазины. Нетронутым оставили только стилизованный магазин «Чай».

Отовсюду вытеснены тяжелые, мрачные рамы — их место занято легкими, сверкающими металлическими конструкциями. На смену громоздким люстрам пришли легкой конструкции светильники разнообразных форм и видов. Отлично смотрится реконструированный магазин электротоваров. Хорош магазин «Хрусталь — фарфор» — он теперь поистине сверкает хрусталем.

И СНОВА К СТАНКУ

Из всех окон пассажирского поезда выглядывали вихрастые головы. Родители давали последние советы, напутствия. Это было три года назад. Ленинградские парни, призванные в армию, уезжали в воинскую часть. Был среди них и токарь с ткацкой фабрики имени Желябова Николай Бойков. Когда в «Огоньке» появился репортаж «Бойцов не редеет строй», на фотографии Николай увидел себя с матерью Валентиной Георгиевной.

Недавно в «Огонек» пришло письмо от отца Николая — Аркадия Алексеевича. Он решил поделиться своей радостью: сын отслужил отлично, командование части поблагодарило родителей за его воспитание, а теперь старший сержант Николай Бойков вернулся домой. И пошел на фабрику, туда, где работал до армии, где работали его дед и бабушка, где работают его мать и отец.

В цехе Николая сразу окружили друзья. Мать, отец и учитель — Николай Пегасов пришли взглянуть на работу вчерашнего солдата, послушать, как оценит мастер выточенную Бойковым первую деталь.

В. ГЕРАСИЧЕВ
Фото автора.

У станка собрались друзья.

О

КОМБИНАТЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ОБУВИ;

ПЛАВУЧЕМ МУЗЕЕ;

СОВРЕМЕННОМ ЛИЦЕ СТАРОЙ УЛИЦЫ;

САМОМ ПРОЧНОМ ДОМЕ;

МАСТЕРСТВЕ ВЧЕРАШНЕГО ВОИНА

МЛАДШИЙ БРАТ ЛЕГЕНДАРНОЙ «АВРОРЫ»

Горьковчане отметили 50-летие со дня основания Волжской военной флотилии. В 1918 году по указанию В. И. Ленина в Нижнем Новгороде под руководством балтийского моряка Н. Г. Маркина была сформирована боевая флотилия, которая отправилась на фронт под Казань, в то время захваченную белыми.

Единственным судном флотилии, сохранившимся до наших дней, оказалась бывшая канонерская лодка «Волгарь-доброволец». По просьбе горьковской общественности судно передано Волжскому объединенному речному пароходству. После 50-летнего боевого и трудового пути «Волгарь-доброволец» из Астрахани прибыл на Горьковский рейд. Сейчас он принял свой прежний вид и начал новую жизнь, став плавучим музеем, кораблем-агитатором.

НА СНИМКЕ: «Волгарь-доброволец» уходит в свой первый агитационный рейс вниз по Волге.

В. БОРОДИН
Фото автора.

ПРОТИВОСЕЙСМИЧЕСКИЕ ЕЖИ

Только реконструкция, без какого-либо нового строительства позволила увеличить площадь магазинов на 25 процентов! Действительно, улица полна неожиданностей. Может, стоит присмотреться и к другим магистралям?

На снимке: в обновленном магазине электротоваров.

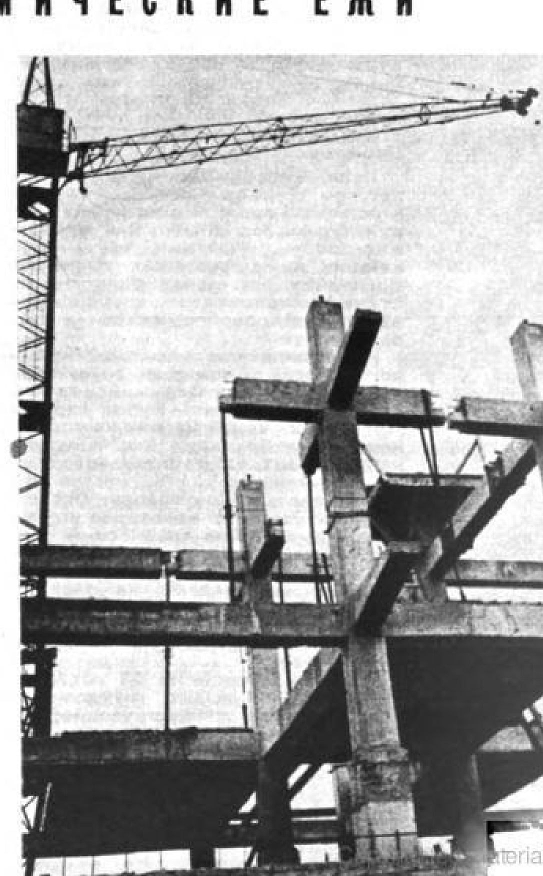
Ф. РЕЗНИКОВ
Фото К. Каспиева.

Среди проектов, по которым строится Ташкент, новый город-красавец, выделяется работа инженеров «Ташгипрогора». Чтобы повысить сейсмостойкость жилых домов, Л. А. Голубов и Ю. В. Козел предложили оригинальное решение: все напряжение, всю тяжесть конструкции возложить на железобетонные шестиконечные кресты, которые похожи на противотанковые ежи. Соединенные друг с другом, они способны выдержать девятибалльные толчки любого направления.

Новая конструкция позволяет делать внутренние перепланировки в квартирах без ущерба для прочности здания. Коммуникации водопровода и сантехузлов монтируются так, что ремонт их может производиться вне жилых помещений, на лестничных площадках. Этажи соединяются выносными лифтами. Такой семиэтажный 60-квартирный дом возводится ныне на главной магистрали Ташкента — проспекте имени Алишера Навои.

Большую помощь авторам проекта оказало конструкторское бюро «Главташкентстроя». Инженеры П. Чаусов и В. Ершов разработали экономичную технологию серийного производства противосейсмических ежей и других деталей для подобных зданий.

Ю. ШОПЕН
Фото В. Дидюкова.

ОЛИМПИЙСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

ГИМНАСТЫ ГОТОВЫ!

С. ТОКАРЕВ

Два последних олимпийских четырехлетия, если рассматривать их с точки зрения мужской гимнастики, прошли под знаком борьбы двух гигантов — сборных СССР и Японии. Напомню, что в Риме в 1960 году японцы отобрали у нас командное первенство, в личном же зачете абсолютным чемпионом был Борис Шахлин. На чемпионате мира в Праге (1962 год) опять японская команда впереди, а чемпион — Юрий Титов. В Токио (1964 год) японцы отбирают у нас места на обеих вершинах, абсолютным чемпионом становится Юкио Эндо. И, наконец, на последнем чемпионате мира в Дортмунде (1966 год) кривая обретает тенденцию к окружности: лучший в личном зачете — Михаил Воронин, в командном — японцы.

Отборочные циклы перед Мехико и у нас и в Японии закончены. Охарактеризовать наше положение можно словами такого крупнейшего авторитета, как заслуженный тренер СССР А. С. Мишаков: «Никогда мы еще не имели такой ровной и сильной шестерки». Подчеркнем здесь слово «ровной», ибо, по вполне резонному мнению чемпиона мира Воронина, результат командной борьбы предопределяют выступления не первого и второго, а пятого и шестого номеров.

Кто же выйдет на мексиканский помост защищать наши национальные цвета? Официально шестерка еще не названа (во всяком случае, к тому моменту, когда я пишу эти строки), но я назову ее вам, не рискуя особенно ошибиться. Единственное, чего я не знаю,— это порядок расстановки номеров, и поэтому пойдем по возрастному старшинству.

Итак, Виктор Лисицкий. Ему 29 лет, он офицер Советской Армии и аспирант-заочник института физкультуры. Это опытный и ровный многоборец, участник всех крупнейших международных турниров последних лет, автор ряда гимнастических элементов, вошедших в арсенал мировой гимнастики под его именем.

На четыре года моложе Лисицкого Сергей Диомидов, тоже офицер. Он участник Олимпийских игр в Токио, обладатель Кубка страны этого года, чемпион мира в упражнениях на брусьях. Его уникальный элемент, знаменитая «вертушка», по международной шкале так и называется «Диомидов». Остается добавить, что некоторое время назад он пережил творческий кризис, но сейчас снова вошел в форму и в прошлом году на «предолимпийской неделе» в Мехико победил в многоборье Акинори Накаяму, одного из главных претендентов на абсолютную олимпийскую победу.

Михаилу Воронину 23 года, он студент. Список его титулов выглядит кратко и внушительно: абсолютный чемпион мира, Европы и СССР.

Дальше следует назвать Валерия Карасева — ему 22 года, это очень способный гимнаст, финалист чемпионата мира в вольных упражнениях. Он тоже студент института физкультуры.

Валерий Ильиных вошел в число сильнейших лишь в нынешнем году и стал чемпионом страны на перекладине. Это элегантный гимнаст, радующий глаз отточенными линиями и рядом сложнейших соединений. Он студент инфизкульта, ему 20 лет.

И, наконец, последним (но лишь по возрасту, а не по мастерству) назову 19-летнего студента педагогического института Виктора Клименко, который в столь юном возрасте имеет несколько золотых чемпионских медалей — на Спартакиаде народов СССР в прошлом году он был лучшим в прыжках, а совсем недавно присоединил к этому сохраненному им титулу еще два — в вольных упражнениях и махах на коне. Клименко — надежда нашей гимнастики и, скажу без обиняков, мировой.

Что же происходит сегодня в стане наших главных конкурентов? У японских гимнастов прошли три тура отборочных соревнований. Их результаты несколько неожиданны. Дело в том, что на первое место вышел малоизвестный 20-летний Савао Като, которого мы в наших прогнозах в расчет не принимали, а Накаяма в итоге лишь шестой, причем дважды он терпел неудачу на перекладине — том снаряде, который принес ему два года назад звание чемпиона мира. Во втором туре отборочных соревнований он имел в обязательной программе 8,2 балла, в третьем, уже в произвольной,— 8,7.

Значит ли это, что Накаяма уже не может котироваться в качестве соперника Воронина? Я думаю, ни в коей мере. Можно утверждать одно: в конце июля в его подготовке были определенные недостатки. И не более того!

По конструкции нынешняя японская сборная напоминает нашу. Ветеран Лисицкий против ветерана Эндо. Участник Токийской олимпиады Диомидов против чемпиона той же олимпиады на кольцах Хаяты. Воронин против Накаямы и, наконец, молодая поросль японцев — Като, Цукахара, Кенмотсу против Карасева, Ильиных и Клименко.

Что следует нам ожидать в итоге командной борьбы? Один из руководителей японской гимнастики, г-н Сасано, недавно сделал по этому поводу весьма определенное и весьма оптимистическое заявление. Но нам вряд ли стоит вступать в дуэль прогнозов, скажем лишь, что при условии мобилизации всех резервов мы можем реально претендовать на любое из высших мест: и в командном и в личном зачетах и на каждом из снарядов.

Если же говорить конкретно о командной борьбе, то надо учитывать, что у японцев в течение всех последних лет слабым снарядом был конь, а побеждали они нас за счет прыжков и вольных упражнений. Теперь мы весьма явственно подтянулись в этих номерах программы и повысили класс на коне. Судя по оценкам японцев, именно в махах их сдвиг невелик. Впрочем, оговорюсь снова: прикидки — вещь условная, решает помост. И, как всегда, когда силы примерно равны, в игру вступает психология — у кого нервы крепче.

А что нас ждет на отдельных снарядах? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо рассказать об одном новшестве в судействе. По решению международной федерации арбитраж будет осуществляться теперь не из расчета 10 баллов, а из 9,7 (оставшимся 0,3 балла судьи будут пользоваться, чтобы поощрять особо виртуозное мастерство либо уникальность одного из гимнастических элементов, риск, связанный с его исполнением). Этот новый пункт правил повлечет за собой определенные перемены. Два года назад, в дни чемпионата мира, специалисты отмечали, что рост сложности, поиск необычных трюков несколько затормозились, что наступило время стабилизации, закрепления достигнутого. Новое же правило поощряет именно творчество, новаторство. Впрочем, судьи должны считаться с оговоркой в новом пункте правил, по которому поощрять надо лишь тот трюк, который исполнен максимально чисто.

Но вернемся к гимнастическим снарядам. В вольных упражнениях японцы славятся своеобразным стилем, характерной приятной сменой ритмов: они выступают мягко, гибко и эластично. Мы, несомненно, увидим в финальной шестерке двоих-троих японцев, хотя трудно предсказать, будет ли среди них Эндо, чье упражнение нам знакомо и не раз восхищало нас, либо С. Като и Кенмотсу, о которых с похвалой отзываются их тренеры. Надо полагать, им сможет противостоять Воронин, который, вообще говоря, имеет шансы фигурировать во всех финалах, что и было в Дортмунде, где лишь в вольных упражнениях он уступил свое место Карасеву. Кстати, тот же Карасев в вольных сейчас очень хорош. Но еще лучше Клименко — у него широкий, свободный почерк, уверенность, спаянная с непринужденностью.

Будет претендовать на один из призов, очевидно, чемпион Европы в этом виде многоборья финн Лассн Лайне. И наверняка Франко Меникелли, «король воздуха», «итальянский кузнечик». Меникелли остается пока единственным в своей эксцентричной манере, в эксцентричном облике. Он выходит на помост не в белоснежном трико, а в коротких цветных трусах. Впрочем, зрители любят его больше, чем судьи, которые неизменно находят в его вихревом каскаде ряд технических погрешностей.

На коне шансы любого из нашей команды — в первую очередь Воронина, Диомидова, Клименко, Лисицкого — весьма высоки. Но я уверен, что югославский спортсмен Мирослав Церар, признанный «коневик», попытается отстоять свой приоритет.

На кольцах наш Воронин в последние годы — законодатель всех мод, как некогда Альберт Азарян. Только выдающийся гимнаст из Армении был славен главным образом «крестами», а Воронин первым сделал ряд сложных оборотов на прямых руках, и теперь от будущего чемпиона, кто бы им ни оказался, эта стилевая особенность непременно потребуется. На медали смогут еще рассчитывать Диомидов и Лисицкий (Клименко и Ильиных пока для колец слишком молоды, сил им явно не хватает), а из конкурентов — опять же японцы: Эндо, Накаяма, Хаята — словом, те, кто постарше.

Одно время лучшие гимнасты придерживались прыжка, называемого «Ямасита», хотя изобретатель его давно сменил фамилию на Мацуда (его заставили это сделать родственники жены, владельцы одного из крупных предприятий). Сегодня прыжок «Ямасита» уже не считается модным, хотя из репертуара не исчез,— больше в ходу прыжки с поворотами, с «винтами», за которые судьи и будут набавлять в финале по 0,1 балла. Наши спортсмены этими прыжками владеют, но владеют, несомненно, и японцы. Кроме того, я думаю, мы увидим на дорожке кого-нибудь из представителей команды ГДР (в республике биомеханикой гимнастического прыжка давно и серьезно занимаются ученые).

На брусьях на чемпионате мира в Дортмунде мы получили две медали: золотую — Диомидов и серебряную — Воронин. Я уже упоминал о диомидовской «вертушке»; сейчас в нашей стране ее выполняют еще Виктор Клименко и Валерий Медведев, который, возможно, будет в Мехико запасным. Но я убежден, что наши соперники приготовили тоже кое-что интересное. В частности, много разговоров идет о сложнейшем, уникальном соскоке Кенмотсу.

Что же касается последнего снаряда — перекладины, то здесь много претендентов. Несомненно, будут продемонстрированы сложнейшие трюки, связанные с опусканием обеих рук, когда тело гимнаста повисает в воздухе, совершая одновременно сложнейший оборот, и победу предопределит оригинальность упражнения. Из наших гимнастов особенно высоки шансы Ильиных.

Я не назвал еще нескольких фамилий спортсменов, которые в состоянии вмешаться в ход борьбы на одном из снарядов. Это поляки М. и В. Кубица, спортсмены ГДР М. Бреме и К. Кесте, финн О. Лайхо, норвежец О. Сторхауг. Но все это спор на бумаге. Гораздо интереснее реальные события, ожидающие нас очень скоро в Мехико.

Я Б СОЛНЦЕМ БЫТЬ ХОТЕЛ...

К 150-летию со дня рождения Николоза Бараташвили

Н. Бараташвили. Портрет работы Ладо Гудиашвили.

Здесь была вся Грузия: рабочие в черных сатиновых косоворотках, крестьяне из ближних деревень, правители, блестящие военные, князья и дворяне, чиновники, интеллигенция и молодежь, потоки молодежи... Привокзальная площадь, улицы были запружены. Цветы, море цветов... Весь этот многочисленный народ с нетерпением ожидал прибытия поезда из Гянджи. На этом поезде прибывал на родину прах гениального грузинского поэта Николоза Бараташвили через полвека после смерти.

Он умер двадцати семи лет, оставив всего тридцать семь стихотворений; все эти стихи — трагический диалог поэта с самим собой.

Каждый грузин с любовью и нежностью вспоминает имя Николоза Бараташвили. Национальный гений страны погиб где-то на чужбине. Работал в пыльной канцелярии, трясясь в лихорадке, сгорая от воспаления легких, одинокий, без родных и друзей, заброшенный и забытый всеми.

Стихи Николоза стали настоящим откровением для многих. Каждый понял трагедию человека, на десятки лет опередившего современное ему общество. Бараташвили стал настоящим властелином дум, поэтической святыней.

Казалось, что стихи, впервые опубликованные на страницах журнала «Цискари» уже после смерти поэта, были написаны за несколько дней до появления в печати: настолько они были живыми, трепетными.

Что странного, что я пишу
стихи?
Ведь в них и чувства не
в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел,
чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор
верхи...

Это был человек с большой душой, растерзанной противоречиями; романтик и провидец, внезапно оборвавшаяся струна во время исполнения гимна жизни и солнца.

И все-таки мы все одно:
мы люди на земле,
Лишь нам судить ее дано
в ее добре и зле,
И сердцем знать и головой,
что яд ее, что — мед.
А жизнь не жизнь, когда
живой уже при жизни мертв.

Трудно себе представить более скромного, несмелого влюбленного, чем он в своей «Ночи на Кабахи», и более смелого, чем в стихотворении «Серьга»...

«Это был человек,— по словам Геронтия Кикодзе,— закончивший гуманистическими моральными сентенциями свои пессимистические лирические шедевры «Мерани» и «Раздумия на берегу Куры», а своему меланхолическому «Сумерки на Мтацминде» дал оптимистическое окончание... Он не был свободен от мизантропии, мечтал убежать от ненасытного людского общества, чтобы, как отшельник, жить на лоне природы. Но в то же время он был очень высокого мнения о человеке, состав его оркестра был богат,— ему ведь одинаково удавалось брать как мажорные, так и минорные тона...»

Да, книгу своих стихов он так и не увидел никогда. В силу многих причин и обстоятельств, смерти отца и бедности семьи он стал чиновником. На него начали смотреть свысока, люди вокруг жили сплетнями, пошлостями, воспеванием друг друга. Было противно жить с ними, и он мстил им злыми эпиграммами. Дошло даже до дуэли с родным дядей. Правда, все кончилось выстрелом в воздух, но дело было не в этом...

Николоз стал злым, желчным, бесконечно язвил. Однажды богобоязненного историка Платона Иоселиани он довел до бешенства игрой слов: «богослов» — «бог ослов».

Бараташвили мучался, чувствовал себя отчужденным, унылым, не удовлетворенным жизнью.

«Даже и тому, у кого есть цель жизни,— писал он первого октября 1842 года Маико Орбелиани,— нет отрады в этом мире, а уж что сказать о том, кто, подобно мне, знаешь сама, давно уже сир и одинок. Не поверишь, Маико! Жизнь опостылела от такого одиночества! Вообрази себе горечь человека, находящегося в моем положении, у которого есть и мать, и отец, и братья, и множество родных; и все же ему не к кому подступиться, и все же он сир в этом пространном, полном людьми мире. Того, кого я мнил носителем высоких чувств, узрел я человеком без сердца; чей дух казался мне развитым, тот оказался бездушным... Но говорю правду, что столь хладного суждения я еще не имел. Во мне теперь такая свобода мысли и твердость сердца, что и шестидесятилетний старик не может быть судьею более неподкупным».

Но Бараташвили не отшельник, не выступает он схимником и ненавистником всего земного. Его желание уйти от действительности — это протест, это бой против несправедливостей современной жизни.

Николоз Бараташвили рано стал писать стихи. Детство он провел в доме своего отца — князя Мелитона Бараташвили, представителя знатного, но обедневшего рода, хорошо образованного по своему времени человека. Его дом посещали поэты и общественные деятели Грузии того времени.

Любознательный и впечатлительный мальчик внимательно прислушивался к разговорам взрослых. Он мечтал стать военным. В гимназии Нико учился хорошо. Он был веселым и остроумным, любил всякие проказы и шутки. Много писал. Его едкие эпиграммы пользовались успехом. Способному мальчику прочат большое будущее, однако с ним неожиданно произошло несчастье. Николоз упал с лестницы и повредил ногу. О военной службе не могло быть и речи. На поступление в университет не хватило денег, и Бараташвили, окончив в 1835 году гимназию, поступил на службу.

Н. Бараташвили добросовестно служит в канцелярии, хотя ему ненавистна нудная канцелярская работа.

Он писал гениальные стихи, а их никто не понимал. Переписывали, сохраняли на память... и забывали. Такова была судьба человека, чья философская лирика, по удачному выражению одного критика, «своей искренностью и глубиной напоминает псалмы Давида».

Не понятый теми, к кому он всегда относился с искренним уважением, вынужденный заниматься неинтересной, нудной работой только для того, чтобы прокормить разорившуюся семью, он глубоко разочаровался в жизни:

...Кто был в своем доверии
обманут,
Тот навсегда во всем
разворожен.
Как снова уверять его
ни станут,
Уж ни во что не верит больше
он.

А ведь именно в эти годы Бараташвили создал самое большое свое произведение — «Судьба Грузии»...

Судьба Грузии!.. Как много заключено для грузина в этих словах! Здесь и судьба народа, и судьба той большой культуры, созданной еще на заре цивилизации, и судьба этих высоких гор и бурных рек, которые много значат для любого, кто рос на их берегах и склонах.

Судьба Грузии решалась в те страшные дни, когда истерзанная страна буквально истекала кровью. Последняя попытка царя Ираклия II создать независимое государство окончилась неудачей. Мудрый государственный деятель понял, что надо выбирать: или единоверная Россия, или Турция и Иран, издавна стремящиеся установить свое господство на Кавказе...

Романтическая поэзия Бараташвили черпала свое содержание прежде всего в социально-политической обстановке.

Чей это странный голос
внутри?
Что за причина вечной
печали?—

спрашивает поэт в своем стихотворении «Таинственный голос». Но мыслитель почти всегда печален, даже в радостях звучат ноты тоски:

...Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.
Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым —
Мгла над именем моим.

Удивляет многогранность его настроений, мыслей, благородство и смелость его образов, музыкальность и нежность его сравнений.

...И вот «Мерани» — венец всех созданий поэта, шедевр его философской лирики.

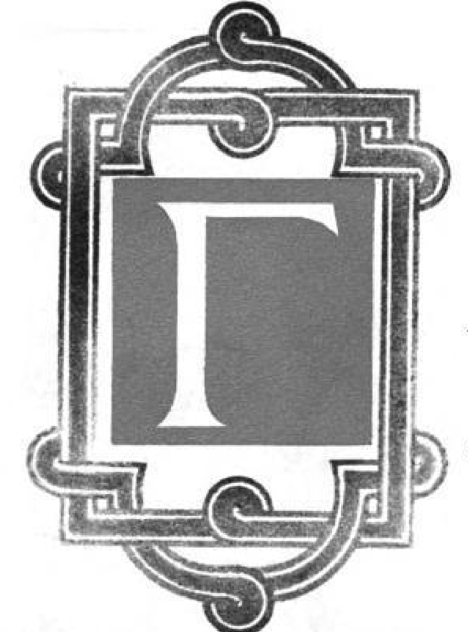
В этом стихотворении-шедевре, которое является поэтическим кредо Н. Бараташвили, он великолепно выразил духовное настроение своей эпохи. В нем особенно остро обозначился непримиримый дух поэта, его гуманизм, его непреклонность перед смертью. «Мерани» — это «поэтическая симфония единоборства личности с судьбой». Жгучий темперамент, могучая экспрессия стиха, стремление мятежной души преодолеть все препятствия, победить черные силы и безнадежность. Это — воплощение непокорной и несгибаемой души человека.

Герой Бараташвили готов погибнуть в схватке с врагом, если этот подвиг проложит путь грядущим поколениям. В этом весь поэт.

...Богатство ритма, высокая музыкальность, трагические аккорды наряду с нежнейшей элегией являются характерными для бессмертной поэзии Николоза Бараташвили.

Н. МИКАВА

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

ГРУЗИН

В тот вечер не спалось долго... Может быть, тому виной была усталость от довольно продолжительной дороги. Может быть, обилие необычных впечатлений.

...Боржомское ущелье встретило не только своими красотами: еще совсем свежей, разнотоновой зеленью, весело выглядывающими из нее крышами селений, бойкими поворотами видавшей виды горной дороги; но и тревогой, которая была навеяна и рассказами о последствиях недавнего грозного наводнения и видом скачущей, не по времени мутной, точно вздыбленной Куры. Река и сейчас не хотела смириться, жадно лизала свои и без того изрядно потрепанные, словно уставшие от борьбы с ее быстрыми струями берега.

Повсюду виднелись вырванные водой огромные деревья, в нескольких местах сохранились беспомощно висящие пролеты смытого рекой полотна железной дороги, сиротливо высились каменные быки снесенных бушевавшей стихией мостов...

Старинный парк Ликани, расположенный на высоком берегу, пострадал лишь слегка. Вода размыла клумбы, повредила розарии, принесла в нижнюю часть парка груды ила, набросала тут и там тяжелые камни. Но, как и повсюду, теперь это уже остатки бедствия. Последствия наводнения ликвидируются быстро.

Я долго бродил по аллеям. Присел на скамейку под огромным, в несколько обхватов ореховым деревом, полюбовался будто поседевшими от старости, но еще гордыми своей статью голубыми елями-великанами, макушки которых почти вровень с крышей причудливого красно-белого здания. В зашторенные окна его, как завзятые красавицы в зеркало, заглядывают и столетняя разлапистая сосна, и кудрявые липы, и каштаны, и еще какие-то причудливые деревья, названия которых я пока не знаю.

Строгий архитектор затруднился бы, пожалуй, определить, в каком стиле решено это многоликое сооружение. Одна из комнат его стала на какое-то время моим пристанищем. Прямо из окна вид на громаду горы, на уступе которой высятся развалины некогда грозной крепости. Таких немало в здешних окрестностях. Где-то там, за горой, закрывшей собой половину неба, знаменитая Вардзия — целый город в скале — памятник упорству и мужеству народа, который день за днем, веками отстаивал свое право на жизнь, на творчество, на эту землю, не зря привлекавшую жадных завоевателей. А совсем рядом, в нескольких километрах, небольшое село Рустави — одно из тех мест, что претендует на право называть себя родиной витязя-поэта Шота.

Да, не спалось в тот вечер.

Я долго рассматривал ребристо-ячеистый потолок комнаты, старинную массивную бронзовую люстру с широкими белыми светильниками (она явно делалась еще в ту пору, когда не было борьбы с излишествами), стены, отделанные деревом теплых, желтоватых тонов, целый рой бабочек, разноцветных и разной конфигурации крыльев, которых фантазия художника разместила в ряд у самого потолка, отделив друг от друга коричневыми квадратами с круглым желтым орнаментом.

Мысли набегали одна за другой. Думалось о множестве чередой сменивших друг друга поколений, о судьбах людей, воспетых древними и новыми поэтами, о самой поэзии, издревле гнездившейся именно в таких местах, о поисках и таинствах искусства.

Такой поворот мыслям давала не только поездка, не только щедрая и одухотворенная природа. Причиной их и толчком был чеканный портрет, обладателем которого я стал неожиданно. С моим приездом и без того веселую комнату украсил небольшой кусок металла, который за сутки до этого ожил буквально на моих глазах и превратился в чудесное изображение девушки. Я поставил его на тумбочку, по возможности соблюдая все советы создателя. Свет должен падать строго с определенной стороны, тогда девушка выглядела совсем как живая. Профессионально это называлось световое и фактурное звучание металла, а для простых смертных было радостью от встречи с удивительным творением искусства, умеющим как бы вдохнуть жизнь в прозаическую мертвую материю.

...Об искусстве пластики по металлу, о знаменитой грузинской чеканке я слышал и читал до этого, приходилось видеть многие работы, но тайна рождения — всегда тайна, и она не может не волновать. Когда видишь движение резца, когда слышишь дробный перестук молотка, звон больших и малых тегеби, то словно причащаешься к великому таинству мастерства.

...Свет давно выключен. За окном совсем черно. Луны сегодня нет, она за тройным покровом набежавших к вечеру туч. Пытаюсь все-таки рассмотреть свое богатство. Металлическая незнакомка не подает признаков жизни. Нет даже отблеска в темноте, но я знаю, что она чуть улыбается,— ведь такой создала ее рука мастера. А вот имени у нее пока нет. Как назвать тебя? Этери? Медея? Ламара? А может быть, Таня? Имя придумаем завтра.

* * *

— Там... дзинь... там... дзинь,— поет невидимый молоток в руках мастера.

— Так, так, так...— металлическим голосом отзывается податливый лист. И вот уже прорисован силуэт бесшумно крадущейся большеголовой кошки, за ней другая ступает след в след — пробираются в камышах ночные охотники, шествуют тигры...

— Так! Так! Так! — звучит молоток ваятеля.

— Шить, шить, джить!— пляшет невидимый резец. На матовом листе металла бронзовеет старец, свободно бросивший узловатую руку на струну пандури.

Подчиняясь воле художника, воздела руки к небесам непреклонная Медея, прекрасная и дерзкая даже в мольбе отчаяния.

А там под перестук металла и сверкание резца в смертельной схватке сошлись два всадника на вздыбленных конях... Вот-вот полыхнут искры, брызнет огонь от удалых ударов мечей-франгли...

Распластались в полете горные туры. Играющая мускулами рука богатыря легко натягивает навстречу им звенящую тетиву тяжелого лука.

Дрожит от напряжения могучий бык, точно ваятель заставил его сдерживать готовую загромыхать обвалом скалу.

Упоенный битвой, мстительно направил в пасть злобного дракона свое разящее копье легендарный небожитель — Георгий-победоносец.

Но вот звон и грохот стихают, удары становятся экономнее, скупее, точнее.

— Так-тук! Так! Там... там...— Это мастер приступил к самому сложному — он вытачивает на серебре вдохновенный знакомый профиль крутолобого певца, словно готового добавить раскаленную добела строфу к совершеннейшему из своих творений...

Открываю глаза. За окном вспыхивает зарница. Одна, другая. Тяжело громыхнуло, перекатываясь за горой глуховатым эхом. Где-то проходит, видимо, давно начавшаяся гроза.

Но что это? Прислушиваюсь...

— Там... дзинь! Там... дзинь! — И снова: — Так! Так! Тамм!..

Это же дождь! Точно мастер, пытается он вычеканить на металлическом листе крыши что-то свое, задуманное. Как осмысленно, однако, он барабанит и настойчиво...

Предрассветные сумерки уже вступили в комнату. Окончательно просыпаюсь. Пытаюсь различить даже бабочек под потолком. Протягиваю руку к тумбочке, ощущаю холод выпуклого металла. Мое сокровище здесь и, кажется, по-прежнему улыбается.

Дождь старается зря, гремит попусту — все равно никогда не отчеканить ему ничего похожего.

Еще очень рано. Вставать вроде бы не к чему, но и спать больше не хочется. А рядом начинается новый день.

В последний раз кому-то пожаловалась ночная плакальщица — иволга, и, словно ей в ответ, слышится заливистый голос тяжеловатого, крупного в этих местах дрозда. Несмело спорит с ним маленькая го-

СКИЕ ЗАПИСИ

рихвостка, а вот и совсем знакомые звуки — точно захлебываясь радостью, выводит свои рулады соловей.

Я слушал их песни, удивляясь разноголосью птичьей переклички, и опять перебирал в памяти впечатления последних дней.

* * *

В Тбилиси я бывал и прежде, но все как-то в спешке или по принудительной, командировочной, программе.

Может быть, пройтись по тем же местам, но только теперь уже вдумчиво, неторопким шагом?

Новый мой знакомый — Отар охотно вызывается быть спутником и гидом. Как и все тбилисцы, он, конечно, патриот и знаток своего города, но на удивление сдержан, немногословен. Судя по темпераменту, он рачинец.

Оставив машину внизу, идем к Пантеону, невольно оглядываясь на разделенные перегородками зелени разноцветные крыши широко раскинувшегося города. Сколько раз поднимался этот город сюда для скорби, для гордости...

Первое, что непременно заставит остановиться в Пантеоне,— грот. Здесь, совсем рядом, две скромные плиты: Нино Чавчавадзе и Александр Грибоедов. Здесь на могиле великого сына России знаменитая эпитафия, выбитая по желанию верной его подруги. Эпитафия, слова которой, без преувеличения, знает не только каждый тбилисец, знает вся Грузия. Нет, это не просто могильные плиты — это словно гимн подлинной любви, чистоты и дружбы людей и народов.

На скамейке поодаль от грота с недоумением замечаю небрежно брошенные котомки, какие-то явно некстати оставленные вещи. Рядом старая, грузноватая, по-крестьянски одетая женщина зачем-то переобувается, меняя дорожные туфли на домашние. Вот она поднялась со скамейки, ни на кого не обращая внимания, подошла к гроту. Совсем близко вижу ее усталое крупное лицо, белые пряди волос. Она не спеша разворачивает бумажный сверток, достает из него две тоненькие церковные свечи, чиркает спичкой и, так же не спеша, устанавливает их — одну у плиты Грибоедова, другую — у плиты Нино. Потом, глядя на огонь, начинает молиться. Прислушиваюсь, пытаюсь уловить хоть одно знакомое слово. Отар слушает тоже.

Молитва кончилась, женщина повернулась и, по-прежнему ни на кого не глядя, пошла к другим могилам.

— О чем она молилась? — спросил я у Отара. Он кратко перевел:

— Она обращалась к святому Давиду. Просила, чтобы святой сохранил согласие, единство в ее большой семье так же, как были едины души Александра и Нино, она просила, чтобы небо над Грузией было таким же чистым, как была чиста их любовь.

Старая грузинка поднималась по крутой лестнице. Теперь ее походка уже не казалась мне грузной, скорее она была величественной.

Мы долго колесили и шагали по старому и новому Тбилиси. Своеобразным калейдоскопом еще и еще раз врезались в память очертания древних храмов и взметнувшихся в последние годы современных полунебоскребов, стелы восьмого века и спорили и по-соседски приветствовали новые обелиски на Мцхетской и Руставской дорогах. Замер в вечном салюте, брошенном в небо лезвием меча, обелиск тремстам сложившим голову за родную землю арагвийцам. А с высокой скалы принимала этот и множество других салютов, будто оценивая дела горожан, возникшая лишь десять лет назад, но словно всегда парившая над городом, символическая «Картлис Деда» (Мать Грузия). И хотя меч ее не в ножнах, почему-то кажется, что она более добра, чем воинственна. И хотя монумент хвалят за то, что он просматривается со всех сторон, может быть, не менее важно то, что собирает своим взглядом мудрая Деда, во всяком случае, каким открывается город с ее теперь вечного места.

Я думаю, ей нравится, что город шумен, пестр, что тут и там его прорезают остроконечные хранители старины, что так оживлен и праздничен помолодевший проспект Руставели. И ей совсем не хочется, чтобы был выпрямлен тот веселый изгиб знаменитой улицы, откуда начинают сновать на плато Мтацминда неутомимые челноки канатной дороги. Тем более, что как раз в этом месте проспект как бы повторяет изгиб Куры и бежит параллельно с нею, точно соревнуясь с ее звонкой торопливостью.

Она уже вполне привыкла к голубоватому зданию гостиницы «Иверия», ее, конечно, радует, что вокруг новых больших домов играют дети, но она совсем не против уютных маленьких двориков, где и старики и босоногая ребятня соседних квартир чувствуют себя абсолютными хозяевами и почти родственниками.

* * *

У каждого города есть свое лицо. О том, из чего оно складывается, существуют разные мнения. Одни утверждают, что это вокзал, другие, что центральная магистраль с ее ритмом, витринами, деловито и празднично шагающими людьми, третьи называют какой-либо уголок, архитектурный ансамбль или даже отдельное здание. Наверное, каждый прав по-своему, а еще более правы все вместе.

Мне кажется, что лицо города в значительной степени определяют его музеи. И в этом смысле у Тбилиси красивое и умное лицо.

Бесспорно, один из лучших музеев Грузии — Государственный музей искусств. Расположенный в самом центре города, он, правда, не может похвалиться специальной приспособленностью здания. Но зато само это здание представляет собой историческую ценность: ранее в нем размещалась духовная семинария. Та самая, что известна не столько благочестивостью своих учеников, сколько их бунтарским духом и связями с революционным и рабочим движением.

Скромная до застенчивости девушка-экскурсовод помогает нам пробираться сквозь лабиринт веков, красок, художественных стилей и имен. Как-то даже немножечко странно, что у нее нет поставленного лекторского голоса и того автоматизма, с которым, отчеканив заученные фразы, стремительно перебрасывают тебя от одного экспоната к другому.

Двумя-тремя словами говоря о знаменитых грузинских фресках, представленных в музее либо подлинниками, либо именными копиями, она сожалеет о том, что мы не можем уяснить себе всей их прелести. Ибо, будучи лишенными своей неразрывной связи с куполом, стеной, сводами, фрески теряют большую долю очарования. По своей сути соображения экскурсовода — аксиома, но высказаны так, что тебе непременно захочется посмотреть фрески в их естественных условиях, хотя бы для этого потребовалась специальная длительная поездка.

Конечно, она горда тем, что большая выставка Нико Пиросмани путешествует сейчас по стране, но все же ей явно неуютно оттого, что лучшие полотна, пусть временно, но покинули свои привычные места. А то, что осталось, лишь в очень малой степени раскрывает глубину и философскую силу его «примитивов».

Она терпеливо объясняет, что за резкостью кисти, за сарказмом и издевкой гротесков Гудиашвили скрывается поэтическая и сложная натура художника, его незаурядность, его любовь к своей стране, к людям.

— А рядом удивительный колорист и певец красоты Какабадзе.

Но вот лицо ее становится строже, а голос даже чуточку торжественней. Мы входим в святая святых — хранилище (она многозначительно называет его сейфом). Здесь сосредоточены основные богатства музея: изделия грузинских чеканщиков (она называет их не иначе, как златокузнецами), мозаистов, эмальеров, ювелиров. Здесь подлинные шедевры тех, кто представлял талант и трудолюбие, художественный вкус и поэтический характер грузинского народа начиная с VI, кончая серединой XIX веков.

Самосознание грузинских художников, их профессиональная гордость проявились рано.

Второй половиной X века датируется знаменитый чеканный крест Давида куропалата. История сохранила для нас не только имя его владельца, но и имя создателя — золотых дел мастера Асата, высоко поднявшего искусство чеканки в древней Грузии.

Двенадцатый век — эпоха славного царствования царицы Тамары — отмечен не только взлетом поэтического гения Шота из Руставн, но и

великолепными поэмами в металле, которые создали чеканщики Бешкен и особенно Бека из Опизы.

Достаточно взглянуть, например, на тонкие, проникнутые не аскетической фанатичностью, а мягким лиризмом черты Иоанна Крестителя на одной из деталей оклада иконы Спаса, выполненные Бека Опизари, чтобы понять, что перед вами не просто блистательный мастер чеканки, но и великий художник, дерзко привносящий в религиозные темы уже вполне жизненные представления о человеческом характере.

Кажется, часами можно разглядывать один только этот оклад... Будто мягкие переливы нескончаемой музыки, вьется мотив тончайшего орнамента, имитирующего в благородном металле вечный в своей прелести лист животворной виноградной лозы.

Хвала твоим рукам, твоему вдохновению, художник и мастер, посылающий нам торжественный привет из глубины столетий!..

На память невольно приходили строки, посвященные древним творцам уже в наше время грузинским поэтом Иосифом Нонешвили:

«И понял я, что выше всех божеств
моей руки вооруженный жест,
державный жест. Во власти у него
находится любое божество.
Но слушай, незнакомец, если ты
моим трудом пленишься и черты
орнамента сверкнут тебе в пути,—
тогда мой грех тяжелый отпусти.
Он тяготеет надо мной всегда,
он странен, необычен и велик.
Случилось так, что раз в пылу труда
я вместо богоматери святой
в болнисский камень врезал светлый лик
своей любимой. И ошибки той
не разглядел в пылу за красотой».

Сегодня мы славим именно такую «греховность» Бека Опизари, как славим дерзость великой кисти Леонардо или Андрея Рублева, как славим вдохновенное перо создавших «Витязя в тигровой шкуре» или «Слово о полку Игореве».

В истории грузинской пластики по металлу были и свои взлеты и периоды упрощения, порой низводящие великое искусство до уровня ремесла. Но одно ясно — искусство чеканки имеет в Грузии столь глубокие народные корни, так испытано самым суровым и требовательным судьей — временем, что оно не должно было, не могло умереть.

Незаметно мы подобрались к XIX веку. Последним выдающимся мастером чеканки был назван Пепу Меунаргия, едва доживший до середины предшествующего века. А что же дальше? Неужели все традиции прерваны?!

Припоминаю, что этим же именем кончается разговор о чеканке в известной книге Шалвы Ясоновича Амиранашвили «История грузинского искусства», изданной совсем недавно, в 1963 году.

...Тяжелые двери хранилища медленно, словно нехотя, закрылись за нами. «Разве на этом конец?» — задал я вопрос, ни к кому не обращаясь. «К сожалению, это пока все, чем мы располагаем»,— ответила девушка-экскурсовод. Лицу ее, нервно раскрасневшемуся во время вдохновенного рассказа, возвращалась будничность. Уверенность взгляда погасла, она снова становилась застенчивой.

Вопрос был понят и не понят. Я повторил: «Разве середина XIX века — конец истории грузинской чеканки? Я вместе с вами готов любоваться плодами рук Меунаргия. Но почему у вас нет хотя бы нескольких лучших работ сегодняшних мастеров?»

В ответ неуверенное молчание. В самом деле, почему же нет?.. Она собиралась с мыслями. Потом пояснила: «До самого недавнего времени существовало мнение, что мастерство грузинской чеканки, достигнув совершенства, исчерпало себя. Оно казалось нежизненным. Ведь раньше оно процветало в основном под покровительством церкви, носило культово-прикладной характер... Последние известные чеканщики-профессионалы, учившиеся своему ремеслу еще до революции, давно умерли. У них, правда, были свои ученики, но дело это хирело и готово было кануть в Лету. Долгие годы не было даже разговоров о том, чтобы возобновить преподавание пластики по металлу в Тбилисской Академии художеств. Да и некому было преподавать...

Но жизнь берет свое. Именно выпускники академии — скульпторы Ираклий Очиаури, Гурам Габашвили, Коба Гурули, а за ними и другие стали как бы новооткрывателями грузинской чеканки. Они уже вышли за пределы камерности, они доказывают... если уже не доказали, ошибочность мнения о несовременности, нежизненности пластики по металлу».

Мы с удивлением смотрели на нашего экскурсовода, слушали ее словно вновь окрепший голос. Казалось, она забыла о вопросе случайных посетителей, а продолжала страстный спор с недавними неведомыми нам оппонентами...

В ее лексиконе появились такие слова, как «ренессанс», «возрождение великого и древнего искусства». Она агитировала нас посмотреть чеканное панно в метро, в здании Театра музыкальной комедии, во Дворце бракосочетания...

Нет, нам совсем не хотелось уходить из музея, расставаться с таким экскурсоводом. На прощание я уже шутливо повторил свой вопрос: «А почему ваша экспозиция по чеканке заканчивается серединой XIX века? Ведь Карфаген должен быть разрушен, не правда ли?..» Она понимающе улыбается в ответ.

* * *

План созрел мгновенно. Раз ренессанс, то да здравствуют его творцы! Так захотелось вдруг побывать у кого-нибудь в мастерской, посмотреть, что и как они делают с бездушным металлом, чтобы заставить заиграть его разными гранями жизни.

Отар порылся в пухлой своей записной книжке, куда-то позвонил, и мы направляемся на улицу Канделаки.

С проспекта Руставели, от строящегося здания государственного архива, имитирующего каменную башню хевсурского селения, сворачиваем влево, на нужную нам улицу. Но добраться до цели удалось не сразу. Это совсем новый район города. Улица перерыта во многих местах, так что приходится несколько раз спускаться на другие улицы, пробираться в обход. Здесь много построенных и вновь строящихся домов, но они, к сожалению, уже ничего не имитируют, разве что самоновейшие Черемушки.

Некоторое исключение составляет часть улицы, где строятся кооперативные и индивидуальные дома хотя и типовых, но все же отличающихся друг от друга проектов.

У одного такого недостроенного дома останавливаемся. Хозяин уже ждет. Здороваемся. Знакомимся. Не люблю вялых рукопожатий. У этого в руке чувствуется сила.

Проходим в мастерскую. После полутемного коридора невольно прищуриваешься — так много света и воздуха от веселого в крупных переплетах фонаря над головой.

Приглядываюсь к хозяину. Он коренаст, черноволос, быстр. Характерное, запоминающееся лицо. Смуглый румянец во всю щеку выразительно подчеркивается черными усами. Загорелые, сильные руки с грубоватыми ладонями все время в движении. По первому впечатлению это человек веселого нрава, под стать своей яркой, полной солнца мастерской. Он, видимо, привык к посетителям. Незаметно, чтобы наше появление его взбудоражило. Смотрит спокойно и доброжелательно.

— К сожалению, не могу вам показать многого. Большинство работ забрали на днях на выставку прикладного искусства. Любуйтесь пауком, автопортретом и голыми стенами,— с лукавой усмешкой говорит хозяин.

Паука я вижу. Его нельзя не заметить. На ярко-желтом, скорее золотистом фоне большого металлического листа броско выделяются его совершено черные, мохнатые, колченогие лапы и пронзительно жуткие фонарики глаз.

— Пробую новую технику, чтобы расширить возможности чеканки,— поясняет мастер.

— А где же автопортрет?— пробегаю глазами по стенам.

— Да вот же,— смеясь, говорит Отар, передавая мне с подставки тяжелый камень средней величины (он, видимо, не первый раз в мастерской и ориентируется быстро).

Рассматриваю вделанную в камень чеканную миниатюру. На ней неизвестной мне породы четвероногое животное тщетно пытается порвать цепь, приковавшую его к какому-то строению. Отар рассеивает мое недоумение, поясняя, что это действительно автопортрет художника, изобразившего собственные муки по многолетней постройке дома, в котором мы сейчас находимся.

Я рискованно замечаю вслух, что автор все же себе польстил. Ведь четвероногое явно смахивает на льва. Хозяин тут же подхватывает шутку и говорит, что это он сделал, чтобы сгладить тяжелое впечатление, которое оставляет его портрет, нарисованный Гванцей.

— Гванца — это моя дочь. А это игра ее воображения,— показывает он на противоположную стену. На любительской фотографии, озорно запрокинув лицо к небу, откровенно и весело радуется чему-то девочка лет четырех. Вокруг фотографии кнопками прикреплены листы бумаги с каракулями детских рисунков. Один из них отдаленно напоминает силуэт крокодила.

— Она утверждает, что это я,— смеясь, говорит хозяин.

Только теперь замечаю, что мастерская все-таки сильно отличается от виденных мною ранее. Посреди комнаты, прямо под фонарем, стоит низенький стол необычной формы. Если смотреть сверху, он напоминает лежащий белый гриб с маленькой шляпкой и толстой ножкой.

Стол завален инструментами, которые скорее увидишь в слесарной или столярной мастерской, чем в мастерской художника: здесь лобзики, ножовки, долота разной формы, стамески, напильники, острейшие ножи, ручки которых замотаны изоляционной лентой, молотки и молоточки.

Хозяин перехватывает мой взгляд.

— То, что мы делаем, сродни труду металлиста. Чеканщик — слесарь и кузнец, ювелир и химик, скульптор и живописец. Хотите посмотреть, как это делается?

Он решительно пододвигает низенькую скамейку к столу и берется за инструменты. Откуда-то появляется длинная металлическая заготовка. Она тихо погромыхивает в его руках. Я думаю, что именно такими листами пользуются звукооформители, когда они изображают раскаты грома за сценой или во время радиозаписи.

Он что-то прикидывает. Возможно, будущее творение уже существует в его воображении. У меня холодок пробегает по спине, как во время предстартовой лихорадки. Вот он привычным движением разрезал латунную ленту, подготовив себе пластинку примерно в размер листа писчей бумаги. Ножницами скруглил углы (это, наверное, чтобы не порезать руки во время работы).

Затем на поверхность металла наносится тончайший слой машинного масла. Пластинка просто протирается промасленной ветошью (мастер поясняет, что на такую поверхность легче ляжет карандашный рисунок, а потом мягче и уверенней пойдут линии резца).

По металлу небрежно заплясал грифель карандаша. Один штрих, другой. Заостренным треугольником нанесена линия носа, какой-то неестественный глаз появился рядом. Двумя-тремя волнистыми линиями обозначились волосы.

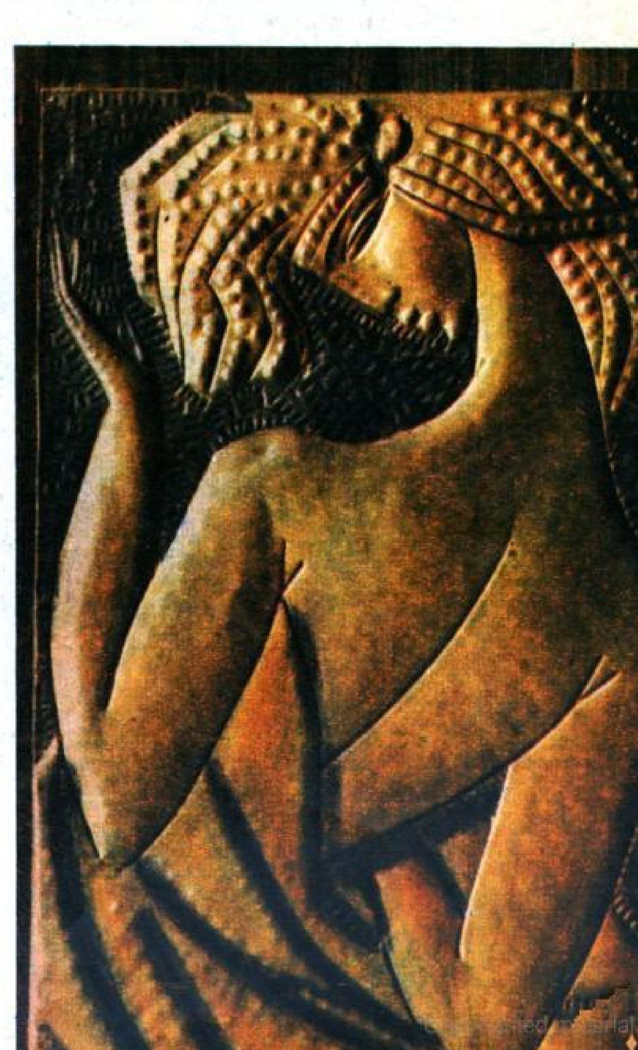
Нет, я положительно готов был разочароваться: ведь ждал-то чуда, а тут нечто странное. «Но погоди с выводами, не торопись, ведь торопливость так часто подводит»,— успокаивал я себя.

Чеканщик взялся за резец. Решительным жестом провел одну ли-

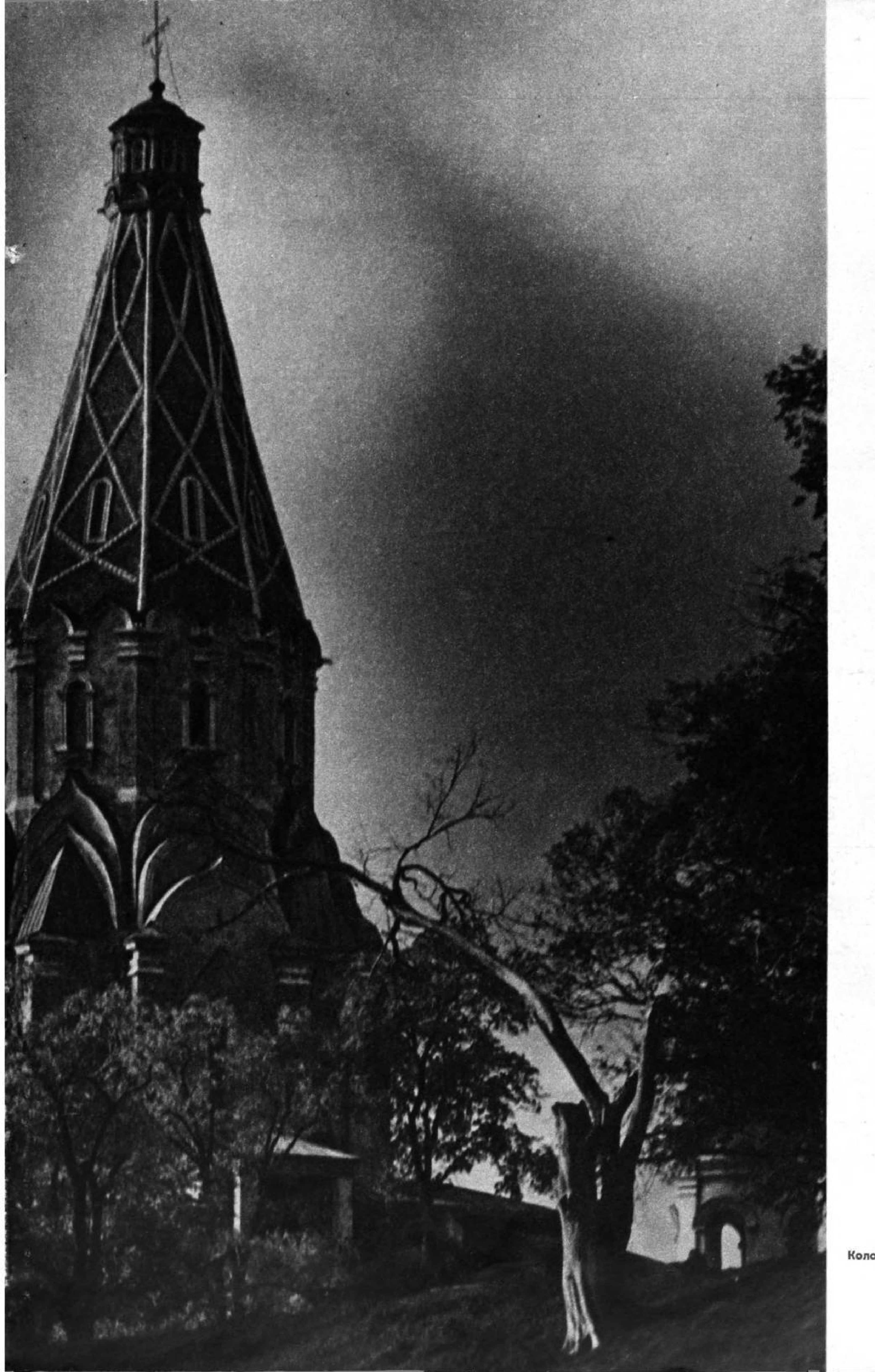
Коба Гурули, Грузинская ССР. Чеканка.

Фото М. Савина.

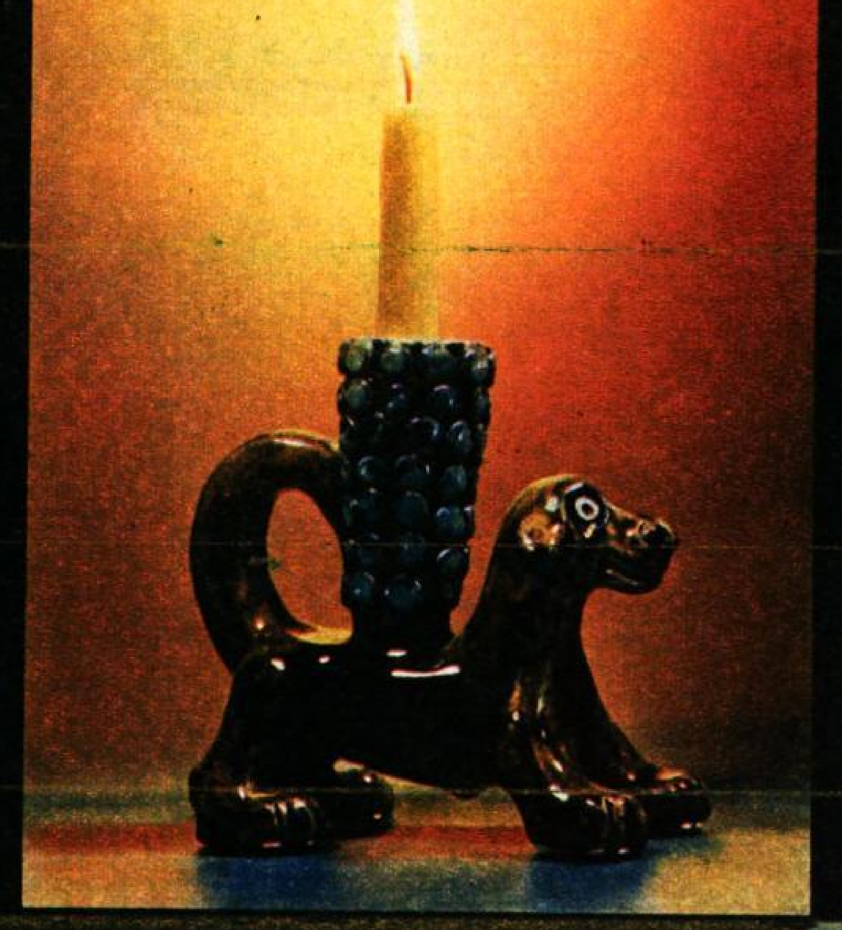
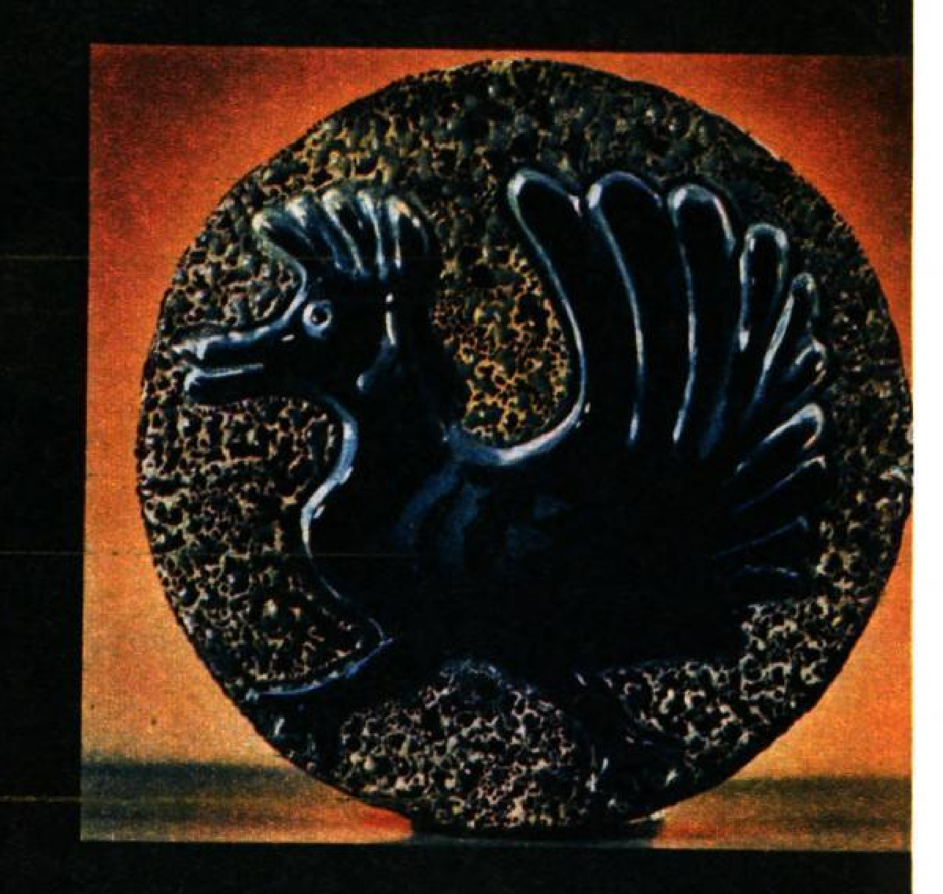

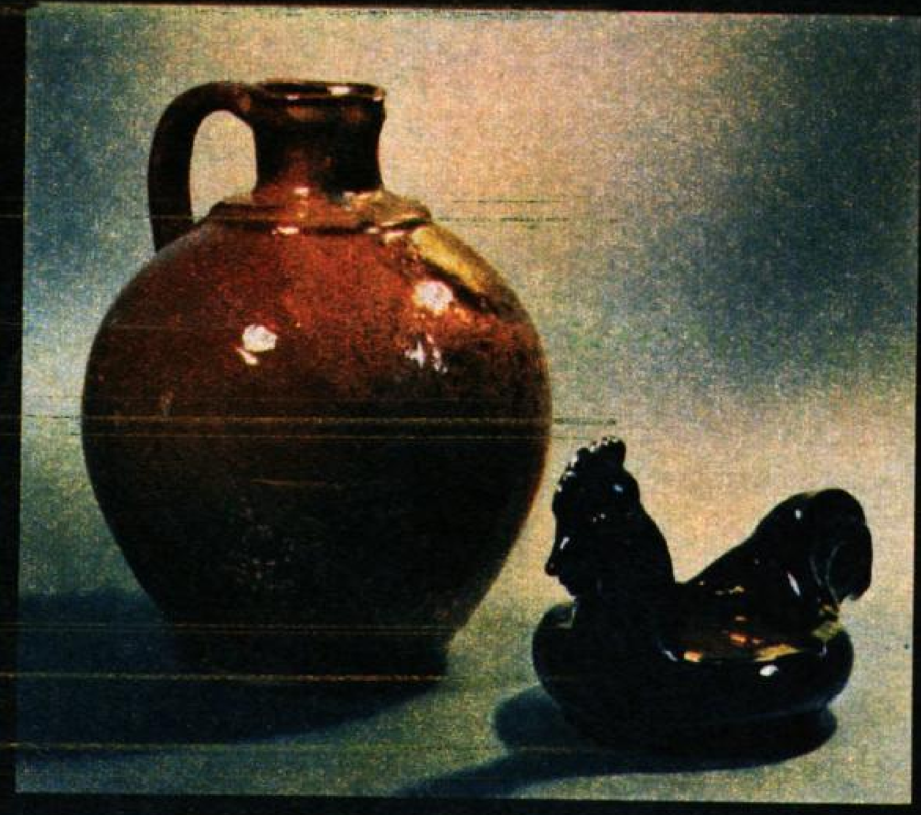

Коломенское. Храм Вознесения. 1532 год.

Фото И. Тункеля.

МИЛОНЕГ

нию, затем другую. Потом перевернул лист и повторил то же самое. На листе обозначился рельеф...

Ко мне вновь возвращалось предстартовое состояние. Я поймал себя на том, что волнуюсь. Смотрю на мастера и начинаю понимать, что это его волнение передается нам.

Он вошел в азарт. Руки его, тяжелые рабочие руки с мозолями, преобразились. Они будто колдовали над куском металла: то нежно гладили его, то точным скальпелем хирурга делали какой-то надрез, то наносили стремительные, короткие удары, подобные ударам пальцев пианиста по клавишам в финале мажорной пьесы. Кусок металла то недовольно гудел в ответ, то отзывался звенящим дискантом, точно жалуясь на того, кто руками и силой своего воображения деформировал его упрощенную холодную природу, пытаясь придать ему совсем не свойственное металлу качество, способное волновать людей.

— Так! Так! Так!..— звучит молоток ваятеля. И вот уже тронулись в едва заметной улыбке чуть пухлые губы незнакомки.

— Шить, шить, джить,— пляшет острейший, непривычной формы резец. И вот уже упали на лоб красавицы тяжелые завитки золотых волос.

— Там-дзинь, дзинь-там,— металлическим голосом отзывается податливый лист. Уже вздрогнул, будто оживший, вырез греческого носа, да вскинулась гордая бровь над миндалем диковатых глаз новоявленной Венеры, явившейся не из пены морской, а из буйной кипени фантазии и поистине золотых рук художника.

Словно устав от своего колдовства, он откладывает инструменты. Берет в руки золотистый кусок металла и, откинувшись всем корпусом, критически оглядывает свое творение. Мы, как зачарованные, тоже всматриваемся в то, что рождено на наших глазах.

Воспользовавшись паузой, задаю вопрос:

— Как вы пришли к мысли о чеканке? Когда и с чего это началось?

— С чего началось?.. Пожалуй, с парадокса.— В глазах его прыгают веселые искорки. Я уже понял, что наш хозяин — человек с юмором.

— Мы окончили Академию художеств как раз в тот год, когда вышла суровая рекомендация — не злоупотреблять бронзой и другими труднодоступными и дорогостоящими материалами. Понятно, любой скульптор не обойдется без глины и гипса, мы тоже ценили несравненные их качества. Но мы были молоды, не хотели ждать мировой известности в далеком будущем, хотели сразу, немедленно работать на вечность.

И вот, как видите, нет худа без добра...

Следуя мудрому совету поэта, мы наплевали на многопудье бронзы и решили, что вполне можем обойтись тоненькими листами меди и латуни.

А если говорить серьезно, многие скульпторы Грузии были как бы беременны чеканкой. Кто-то должен был начать, чтобы она заиграла своими богатейшими возможностями. Так это и случилось.

Лиха беда начало, а теперь столько желающих и дерзающих, что за количество опасаться не приходится, неплохо бы побольше думать о качестве.

Возможности чеканки неисчерпаемы. Мы еще сами не можем толком их оценить. Столько тут есть неведомых приемов, разнообразия в технике, какой простор для фантазии и вдохновения! В одном я убежден твердо: чеканке абсолютно противопоказан натурализм. Чеканка — тогда искусство, когда в сделанном есть стилизация, романтика, импровизация, острое чувство композиции, использование всех качеств металлической фактуры.— Он говорил увлеченно, перемежая серьезные, давно выношенные мысли с экспромтом шутки или веселого анекдота.

— Между прочим, вы знаете, почему не спускают со стапеля давно готовый пароход? Кораблестроители опасаются, что он может сразу же затонуть, поскольку при расчетах не был учтен вес чеканки, в изобилии украшающей теперь салоны корабля.

— Скажите, перед тем, как начать свой поиск в чеканке, вы, конечно, изучали методы старых мастеров, хотя бы по тем образцам, которые собраны в музеях?

— Разумеется, я видел все или почти все, что дошло до нас от прошлых веков. Но что касается изучения техники их создания — лично я этого не делал. Не только потому, что тайна мастерства всегда нечто индивидуальное, не только потому, что они имели дело с другими материалами, но более всего потому, что мучительно опасался впасть в подражательство.

Непрерывность традиций в искусстве древней и новой чеканки Грузии — факт непреложный, но совсем не в смысле прямого ученичества. Этого последнего как раз и не было вовсе у тех, кто наиболее активно работает в пластике по металлу сегодня.

Пожалуй, он говорил все это не совсем так, может быть, более своеобразно, может быть, не совсем такими словами. Но за смысл я ручаюсь абсолютно и поэтому до сих пор воспринимаю их как прямую речь.

Еще подумалось тогда, что во всем, что он говорит, во всем, что действительно произошло с искусством пластики по металлу, есть некая иллюстрация к известному диалектическому закону отрицания отрицания. В самом деле, после спада, кризисного состояния, а скорее даже умирания чеканки она на наших глазах возрождается, но уже не в прежнем облике, а совсем на новой основе.

Нынешняя чеканка романтична, лирична, монументальна. И совсем не случайно, что, едва возродившись, она вырвалась из мастерских и выставочных залов и фойе театров в метро, дворцы и прямо на улицы — словом, туда, где толпы людей, где их повседневная жизнь, которую они украшают сами и которая должна быть украшена для них.

Мы пришли в мир, чтобы переделывать его по законам красоты. Мы утверждаем принципиально новые отношения между людьми, между человеком и природой, между днем сегодняшним и прошлым, между настоящим и будущим.

Конечно, в громаднейшем из всех разломов истории, в гигантской духовной и материальной перетряске, которую несла с собой наша революция, мы могли что-то уронить, с чем-то обойтись неосторожно, что-то потерять невозвратно. Ведь не случайно Владимир Ильич любил повторять ставшую крылатой фразу Николая Чернышевского о том, что революция — не тротуар Невского проспекта. Но мы рвались в неведомый мир, к свету, знаниям, красоте и счастью для миллионов. Мы обретали и обретаем все это в борении, в столкновении старого и нового. Если что-то отрицали, то всегда в поиске, в гигантском эксперименте, в конечном счете во имя утверждения.

Самоотверженная работа по всемерному укреплению нашей советской нови давно уже немыслима без твердой опоры на тот многовековой фундамент культуры народов, населяющих нашу страну, за который мы добровольно взяли на себя ответственность, совершив величайшую из всех революций.

Что бы ни утверждали наши недруги или те, кто просто страдал или, увы, продолжает страдать сегодня своеобразной ностальгией по всему уходящему, мы никогда не были иванами, не помнящими родства. Разве с первых же декретов революции мы не стремились к защите подлинных исторических ценностей? Разве вопреки чудовищным трудностям, голоду, холоду, трагическим событиям войн мы не сберегли Оружейную палату, Алмазный фонд, Третьяковскую галерею, Эрмитаж и многие другие всенародные сокровища?!

Право, уже набили оскомину бесконечные, а главное, бесплодные причитания о всякой ускользающей старине: «Вот раньше были квасы! Вот деревянные жбаны прогибались от играющей медовухи! А какие в старину умели рыжики солить! А какие берестяные туески мастерили деревенские наши бабы! А куда же подевались сорок сороков с их колокольным благовестом?..» И так далее и тому подобное.

Хочешь рыжиков — соли. Любишь квасы — квась. Только не сочиняй из нытья и вздохов позицию. Ибо никакой позиции на этом построить нельзя, разве что принять позу.

Только очерствелое сердце не забьется трепетно при виде великолепия Кижей, неповторимой прелести храма Покрова на Нерли или рвущегося к небесам «чуда из чудес» храма Вознесения в Коломенском. И мы, безусловно, в ответе не только за то, какими предстают эти шедевры русского искусства и мастерства перед взором наших современников, но и за то, какими сохраняются они для поколений грядущего. Мы можем и должны делать больше для изучения, пропаганды и, конечно же, для сохранения всего лучшего в истории наших народов, всего лучшего из народных промыслов, из всех других проявлений народного гения. Но именно делать! Ибо причитания едва ли способны помочь какому-нибудь делу, кроме похоронного.

Таких плакальщиков вроде бы совсем не радует, что бережно, с великим тщанием реставрируются кремлевские соборы и киевская София, что в Москве на улице Разина растет целый архитектурный заповедник, что новой красотой заблистал Тульский и Нижегородский Кремль, что под сводами знаменитого храма Джвари звучит древнейшая грузинская музыка, что с обычной пластинки гудят и разливаются знаменитые ростовские звоны, что неприступными стенами поднялся, подобно легендарному Китежу из озерных вод, литовский Тракай.

Они вовсе не склонны замечать бесчисленных наших усилий в поисках новой красоты. Разве пусть не во всем тогда реализованный ленинский план монументальной пропаганды не был беспримерным доказательством такого поиска? Разве в гудящем полумесяце Днепрогэса одна только техническая целесообразность? Разве многократно охаянные высотные дворцы столицы, вознесшиеся к небу в пятидесятые годы, не есть все тот же поиск и стремление к красоте? Как ни упражняйся в отрицательных эмоциях по их адресу, как ни потрясай цифровыми выкладками об излишествах, без благородных линий университета на Ленинских горах уже не представить величия и размаха нашей Москвы!

Но еще более странны позиции иных авторов, которые, подбадривая себя громкими словами и хлопоча якобы о высоких политических материях, преследуют отнюдь не благородные цели.

Им совсем не нравится слово «дух», они пугают читателя его «неземным» происхождением, находят в нем не иначе, как мистическое начало. Им, видите ли, претит словосочетание «дух народа». Дай волю таким ретивым проповедникам, и они, ничтоже сумняшеся, отредактируют знаменитое пушкинское вступление к «Руслану и Людмиле». Помните это место? «Там русский дух... там Русью пахнет!».

Они готовы применять термин «народность» и даже участвовать в поисках наиболее точных его определений. Но в том-то и суть, что лишь до тех пор, пока речь идет об абстрактных эстетических категориях, терминах, дефинициях. За пределами терминологии дело обстоит уже сложнее. Живая, трепетная, реально существующая народность искусства их настораживает, а подчас и раздражает...

А ведь народность совсем не в бесконечных варьированиях этого слова, не в терминологической эквилибристике. Она во множестве невидимых, но вполне реальных нитей, связывающих каждого подлинного художника с действительностью. Она имеет конкретные, подчас материализованные проявления не только в произведениях, но и в самой их жизни.

В самом деле, если Михаил Шолохов всякий раз волнуется, когда слушает старинные казачьи напевы или другие народные песни, то это, я думаю, оттого, что в песне слышатся ему не просто слова и мелодия, а характер, боль, удаль, кипение страстей уже прошедших по земле и живущих ныне людей. Словом — дух народа. Без такой трепетной способности сопереживания с судьбами народными не могли

Изделия экспериментальной мастерской художественной керамики при Киевском научно-исследовательском институте экспериментального проектирования.

Фото Н. Козловского.

бы сложиться возвысившие Россию и отечественную нашу литературу строки «Тихого Дона».

Я встречался с Чингизом Айтматовым в его родной Киргизии. И теперь знаю, как он любит древнейшее искусство манасчи — неповторимую, звуково схожую с орлиным клекотом манеру исполнения тысячелетнего эпоса киргизов «Манаса», и твердо убежден, что без этой любви, без этой гордости не родилась бы его удивительно национальная и такая современная проза.

Многим известно, как деятельно пекутся о дальнейшей судьбе древнего искусства знаменитых кубачинцев и других умельцев Дагестана в семье Расула Гамзатова. Не будь тех глубочайших народных корней, которые ни на минуту не перестают питать его в жизни и творчестве, не взлетел бы так высоко спокойный по манере полета, но зоркий и мудрый гамзатовский стих.

А разве не помогли Гедиминасу Иокубонису богатые традиции литовской деревянной скульптуры найти строгое, суровое и торжественное решение памятника-ансамбля в Пирчюписе?..

Вот и грузинская чеканка. Она вовсе не ушла с мастерами прошлых веков, не канула в небытие. Ей суждено радовать людской глаз и сердца так же, как радовали и, я твердо верю, будут радовать людей долго вечные краски неповторимых изделий Палеха, чугунное кружево и тонкая фантазия каслинского литья, яркие блики дымковской игрушки и солнцеликая хохлома.

Разве могут исчезнуть огневые кавказские пляски или плавные движения девушки в русском хороводе? Разве может иссякнуть знаменитое грузинское вино? Тем более никогда не может иссякнуть талант народа, его жизнь.

* * *

...Тогда, в мастерской чеканщика, я не произнес всего этого вслух. Но я был очень благодарен ему, как за те минуты волнения, которые испытал, наблюдая «акт творения», так и за те мысли, которые рождались в общении с ним.

Однако напрасно я думал, что «акт творения» завершился. «Колдовство» продолжалось...

Вновь заплясали тегеби — своеобразные маленькие зубила — под ударами молотка. Наносились на пластинку латуни те последние штрихи, насечки, точки, которые всегда волнуют любого художника. Ибо в такой момент он боится и переусердствовать и недотянуть.

Потом молоток прошелся по всему полю листа сверху вниз рядом с лицом девушки, оставляя после себя причудливый рисунок, похожий на маленький кувшин с единственным колокольчиком или другим цветком, обращенным лепестками к ее губам.

Сперва я не понял назначения этого рисунка и в глубине души чуть посетовал, не есть ли это уже украшательство, выход за пределы того высокого чувства меры, без которого чахнет искусство. Оказалось, что все в пределах замысла и цветок есть лишь «заветный вензель» — стилизованное изображение монограммы художника, для чего такой простор открывает пластичность и непрерывность вязи грузинского алфавита.

Теперь уже, кажется, все... Но не тут-то было.

И снова нечто неожиданное. На столе появляется стеклянная литровая банка с синеватой жидкостью до краев. Хозяин, проявляя крайнюю осторожность, обмакивает в нее самодельную кисточку и ровным, плавным движением проводит ворсом по некоторым линиям рельефа. Голубоватые, цвета медного купороса полосы, точно пороховыми шрамами, обезобразили прекрасное изображение. Я чуть не вскрикнул — так было больно и жалко смотреть на то, как кислота (это был раствор соляной кислоты) прямо на глазах начинала свою разрушительную работу, подобную той, что может сделать с прекрасным лицом чудовищная черная оспа.

Но в тот самый момент, когда все казалось безнадежно испорченным, чеканщик выдвинул из-под стола что-то вроде маленьких мехов, наступил ногой на самодельную педаль и, быстро чиркнув спичкой, зажег газовую горелку.

Сейчас с пинцетом, зажавшим пластинку металла, в одной руке, с пляшущим пламенем газовой горелки в другой он был похож на средневекового алхимика, который в поисках философского камня испытывал огнем и напитками дьявола окружающие его предметы.

Ослепительное голубоватое пламя будто сжигало оборотную сторону чеканного рельефа, и новое чудо происходило с куском металла. Цвет его во многих местах, повинуясь огню и воле чеканщика, менялся на глазах. Веселые разводы румянца тронули щеки девушки, более строго обозначились золотистые завитки, выбивающиеся из-под платка. Рельеф будто сделался выше, так как купоросные линии вдруг стали почти черными, и все это вместе придало портрету не только большую живость, не только отточило своеобразную красоту лица, но словно обозначило новые черты характера прекрасной незнакомки.

Я боялся, что мастер начнет что-либо еще выделывать со своим детищем. Но, испытав его огнем, он, кажется, и сам считал работу законченной.

* * *

Удивительно легко дышится после грозы. Широко распахиваю окна комнаты. Целебный, смолистый, с великим множеством запахов воздух физически ощутимо вливается, обдавая свежестью утра. Под порывами ветра упруго шумят деревья. Поют, радуются солнцу птицы.

Только рассерженная Кура никак не хочет успокоиться и недовольно пересчитывает камни по берегам Боржомского ущелья.

Подхожу к тумбочке. Долго гляжу на играющие бликами жизни черты чеканного портрета. Думаю о том, что металлическая незнакомка, подобно живому человеку, по-разному выглядит в разное время суток. Беру пластинку в руки для того, чтобы еще раз прочитать на обороте дарственную надпись, которая заканчивается так: «Я и девушка». Экспромт. Тбилиси. Июнь 1968 года». И подпись: Коба Гурули.

Юсеф эс-СИБАИ

Рассказ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

«О стройный, миловидный...» Сайид Али тяжелыми шагами спускается с лестницы, мурлыкая свою песенку — его любимую и ненавистную для его тучной жены Умм Ахмад, или Умм Эфенди, как начали ее звать в последнее время, когда ее сын Ахмад стал чиновником в государственном учреждении.

Сайид Али — имя, сокращенное из целой цепочки имен, которые со всей точностью любой может узнать из вывески над парфюмерной лавкой, находящейся по соседству с Сиди эль-Итрис и хозяином которой является наш герой. Вся же цепочка звучит так: Сайид Али Ахмад Исмаил эль-Михьяс.

«Эль-Михьяс»[1] же, несомненно, является прозвищем, с которым Сайид Али не только не хочет расставаться, но и, наоборот, возводит его в предмет гордости. Отсюда можно с уверенностью заключить, что дед Сайида Али был весельчаком и что сам он унаследовал от деда его наиболее характерную черту — веселость — и является поэтому потомственным весельчаком.

«Михьяс», насколько я знаю,— это человек всегда улыбающийся, никогда не унывающий, шутник. Человек, никогда ничем не озабоченный, не утруждающий себя какими-либо переживаниями, горестями и печалями. Именно таким и был Сайид Али... Никогда его не видели сумрачным или угрюмым. Никто не слышал, чтобы он хоть раз вышел из себя или рассердился на кого-нибудь. Никогда его уста не сквернословили, разве только в шутку или рассказывая анекдот.

И вообще я думаю, что нет в мире такой легкой, спокойной и упорядоченной жизни, совершенно не подверженной никаким изменениям и переменам, как жизнь Сайида Али. Для того, чтобы написать биографию подобного человека, достаточно просто описать один день из его жизни и помножить это на количество прожитых им дней.

Он всегда гордится тем, что ни одно существо в мире — даже сама Умм Ахмад — никогда не могло омрачить чистоту и покой его жизни или повернуть в другую сторону русло его упорядоченного и легкого существования. Свое время — часы движения и часы покоя — он измеряет по солнцу, говоря, что солнце никогда не останавливается и не ломается, как часы. С восходом солнца он просыпается и медленно, не торопясь, встает, ибо он не видит в жизни ничего, что побуждало бы к спешке: то, что ты делаешь за один день, можно сделать и в два дня без труда и усилия. В оправдание своей философии он говорит: не мчись и не спеши. Жизнь длинна, и не утомляй себя бёгом, чтобы не прийти к концу ее задыхающимся и обессиленным. Ходи неторопливо, говори неторопливо, ешь неторопливо и все делай без спешки. Достаточно будет, если за свою жизнь ты сделаешь вдвое меньше, чем мог бы. Если ты пройдешь в своей жизни тысячу миль и скажешь миллион слов, то с таким же успехом можешь пройти половину и сказать в два раза меньше. Никто и ничто не заставляет тебя делать все, а в конце своей жизни ты не будешь предъявлять счет того, что ты сделал. Да и что мы делаем в своей жизни? Зло и добро, и наше зло больше нашего добра. И все, что мы получаем от жизни, делится на страдание и счастье, и наши страдания в совокупности больше, чем наше счастье. А с чем мы выходим из жизни? Ни с чем, и половина «ничто» — ничто. И если уж мы все равны при выходе из жизни, то к чему же тогда пыл и жар и к чему спешка?!

Вот так вот и убедил себя Сайид Али в том, что не следует спешить и что для него будет достаточно сделать в своей длинной жизни половину или четверть того, что он должен был бы сделать, если бы торопился, и получить от жизни половину счастья и половину страдания и выйти из нее в конце концов с тем «ничто», с чем выходит из нее каждый...

Он встает с кровати, понежась в ней некоторое время после пробуждения, с открытыми глазами, в спокойном раздумье; затем направляется в туалет и проводит там по своим надобностям около получаса, в полном спокойствии и медлительности, затем совершает

[1] Весельчак (арабск.). Здесь и дальше примечания переводчика.

омовение и еще полчаса уделяет ракату и суджуду [1].

За это время Умм Ахмад просыпается под монотонное бормотание Сайида Али и шум Абду, продавца бобов, кричащего: «Бобы и горячая балиля!» [2] и с трудом, потрясая грудами жира, перекатывающимися по ее телу, добирается до кухни. Она будит «девку Синийю», вручает ей пиастр и кастрюлю, чтобы успеть купить бобов, пока не ушел Абду, а сама принимается за приготовление чая.

Сайид Али завершает свою молитву, затем снимает с себя гильбаб [3] и такийю [4], берет с вешалки куфтан и оправляет его на себе, затягивается кашемировым поясом, надевает чулки поверх шерстяных кальсон, которые он не снимает ни зимой, ни летом, всовывает ноги в каучуковые, ярко-желтого цвета башмаки, после этого накидывает на плечи абу [5] и надевает на голову торбуш [6]. Этим заканчивается процесс одевания, во время которого Сайид Али не прекращает мурлыкать, переходя от одной песенки к другой, от «Свет твоих глаз» к «Меня пленили стрелы твоих очей» и «Счастье твоей жизни». После всего этого он направляется к столу и приветствует свою супругу: «Доброе утро, Умм Ахмад!» Не ожидая ее ответа, он занимает свое место перед блюдом бобов, от которого поднимается пар, бросает в него почти фунт масла, и не проходит и нескольких минут, как подрумяненный на огне хлебец, бобы и фунт масла исчезают, как будто их и не было. Покончив с ними, Сайид Али поворачивается к глиняному кувшину, наполненному пчелиным медом, снимает с него крышку и вопрошает:

— А где сырки, Умм Ахмад?

Умм Ахмад качает головой в знак того, что сырков нет.

— А миндальное пирожное, которое я купил у Хаджи Субха?

— Кончилось.

Сайид Али с сожалением качает головой и, уповая на аллаха, берет еще один хлебец, макает его в кувшин с медом, аппетитно проглатывает его и издает традиционную отрыжку, возвещающую окончание трапезы. За отрыжкой следует «хвала аллаху», он поворачивается к Умм Ахмад, которая молчаливо склонилась над спиртовкой, готовя себе кофе, и сам за нее желает себе здоровья в ответ на отрыжку.

После этого он встает, берет свою тяжелую трость и обращает к Умм Ахмад прощальное приветствие: «Пребывай в благоденствии, Умм Ахмад!»,— сам себе отвечает, будучи уверен, что супруга его не станет утруждать себя ответом: «Да сохранит он твое здоровье и да вернет тебя невредимым!» Затем не спеша, шаг за шагом спускается по лестнице, напевая во весь голос: «О стройный, миловидный...» Умм Ахмад тяжело вздыхает, с досадой качая головой, и бормочет: «Хоть бы аллах тебя стройным сделал... Да, прав был тот, кто назвал тебя весельчаком...»

Еще не дойдя до двора, Сайид Али вспоминает, что он что-то забыл, ибо он всегда обязательно что-нибудь забывает, и громко кричит:

— Умм Ахмад, Умм Ахмад! Забыл платок, пришли его мне с девкой Синийей!

Наконец он выходит из дома и направляется в лавку. Если принять во внимание, что дом находится на улице Саляма, в квартале Сайиды, а лавка расположена рядом с Сиди эль-Итрис, то легко понять, что расстояние между ними ни в коем случае не может быть более четырехсот ярдов. Тем не менее Сайид Али покрывает эту дистанцию не меньше чем за полчаса, останавливаясь перед каждой лавкой и отпуская шутки и приветствия направо и налево. Наконец, как всегда, он благополучно добирается до своей лавки, ибо на его пути нет ничего, что могло бы омрачить его покой и благополучие, так как это единственный вояж, совершаемый им ежедневно в течение вот уже двадцати лет по одной и той же дороге, которую он проходит один раз в день туда и столько же обратно.

Бандак-сабий [7] Сайида Али (и его помощник по лавке) поднимается с тротуара и встречает своего хозяина самыми высокими, вычурными и веселыми приветствиями, и нам становится ясно, что подмастерье во многом походит на своего веселого хозяина и этим компенсирует ему то, чего не хватает в Умм Ахмад.

Бандак принимает от Сайида Али ключ от лавки, отпирает дверь и начинает вытаскивать мешки и расставлять их на тротуаре, затем устанавливает между ними похожее на мастабу [8] кресло Сайида Али и переходит после этого к приготовлению кальяна. Сайид Али же начинает обмениваться приветствиями с соседними лавками. Хавага [9] Стэк, владелец хлебопекарни напротив, кричит ему:

— Сабах эль-хейр, дорогой! [10]. Да принесет тебе день сотню радостей!

— Утро булочек, хавага! Утро пирожных и чуреков, о отец прессованных фиников и пирожков! Пусть это утро будет для тебя, как сто жасминов!

— Сто жасминов тебе, дорогой! Как дела?

— Хвала аллаху! Как ты?

— Отлично!

— Доволен?

— Очень доволен!

— Ну и хорошо. Рад за тебя.

— Тебе понравились сырки?

— Понравились? Да я съел вместе с ними свои пальцы! Ай-яй-яй, с пчелиным медом они слаще, чем губы красивой женщины. Пробовал?

— Сырки?

— Да нет, губы красивой женщины!

— Я пробовал только губы мадам Стэк.

— Аллах да поможет тебе, и это ты называешь губами?! Они же иссохшие, как кожа старых башмаков!

— Но я никого, кроме нее, не вижу.

— Ну, брат, тебе надо подправить глаза! Ты что, не видал девку Синийю?

— Какую Синийю?

— Да Синийю же, о заблудший! Видал ее или не видал?

— А, видел!

— Видал ее губы?

— Видел, но не пробовал.

— Ну, а с виду как?.. Разве они не нравятся тебе? Разве не аппетитны?

— Эх, хозяин Али, очень даже хороши; сладки, как мед!

— Так я об этом и говорю! А то — губы мадам Стэк...

— Ну, она хорошая женщина.

— А я что, разве сказал что-то плохое? Так у меня ведь тоже дома есть одна, такая же. Но надо ведь и красоту любить. Аллах прекрасен и любит прекрасное! [11].

— Нет божества, кроме аллаха! [12].

— Вот так, правильно... Пришли мне, значит, окку [13] сырков и... А пирожки с финиками есть у тебя?

— Пришли мне десять, а с ними немного бубликов и булочек... Ну вот, я и доставил тебе забот.

[1] Коленопреклонение во время мусульманской молитвы.
[2] Подслащенная пшеничная каша.
[3] Длинная рубаха.
[4] Шапочка.
[5] Легкая накидка.
[6] Феска.

[7] Мальчик-подмастерье.
[8] Каменная скамья.
[9] «Господин» в обращении к европейцам (египет. диал.).
[10] «Доброе утро», буквально «Утро блага».
[11], [12] Выражения из корана, часто употребляемые мусульманами в обиходной речи.
[13] Мера веса, равная 1,248 кг.

Этим заканчивается его беседа с хавагой Стэком, и он слегка поворачивается, чтобы обратиться к «хозяину» Абу Дума, зеленщику:

— Ты что же это, хозяин? Ни «доброе утро», ничего? Мы что, спали в объятиях друг друга, что ли?

«Хозяин» Абу Дума бросает столпившихся вокруг него покупателей и поворачивается к Сайиду Али, всплескивая руками и сияя от радости:

— Сто раз доброе утро, прошу прощения, хозяин Сайид! Покупатели заслоняли от меня твой свет...

Он оттесняет покупателей в сторону, не переставая говорить:

— А ну, посторонись, парень, скорее! Не заслоняйте сияние луны! Доброе утро, доброе утро!

— Привет тебе. Как парень, Дума? Не поправился ли немного после лекарства, которое я тебе вчера дал?

— Очень даже поправился, хвала аллаху. Клянусь аллахом, выздоровел быстрее, чем от сотни докторов.

— Какие там доктора, все в руках аллаха... Уже тридцать лет знаю этот рецепт, и никогда не подводил. А как девочка?

— Целует твои руки. Клянусь аллахом, очень обрадовалась колечку, что ты ей прислал... Что будешь брать сегодня?

— Ну, пришли мне на твой выбор немного фасоли, тыкву, картошки, только вчерашний картофель оказался плохим!

— Это был всего один мешок, который мне прислал проклятый Ханафи. Что еще?

— Еще сельдерея, морковки—в общем, сам знаешь, не мне тебе говорить.

— Все в руках аллаха.

Так он заканчивает с зеленщиком, затем поворачивается в другую сторону, к лавке мясника Махруса, и кричит его помощнику, развешивающему мясо:

— Эй, Окаша, а где хозяин?

Изнутри лавки раздается приветственный голос «хозяина» Махруса:

— Утро жасмина, уважаемый!

— Доброе утро, о хозяин почек и вырезок! Ты что это сегодня прячешься, как косоглазая женщина?

Показывается красно-белого цвета лицо «хозяина» Махруса, его тучное туловище в длинном гильбабе с пятнами крови, и он весело кричит в ответ:

— Здравствуй, здравствуй, привет тебе! Что будешь брать сегодня?

— Очисть мне кусок мозы [1] и кусок бараньей мякоти, только хороший!

— Что-нибудь еще?

— Хватит пока.

— Я пришлю тебе еще немного мозгов, а завтра, имей в виду, приготовлю тебе ножек, как ты любишь.

— Вот это да! Мне нравится твое усердие, хозяин!

— Пустяки. Ведь ты благо для нас всех. Только приказывай — все будет, как скажешь.

— Спасибо, хозяин.

После этого он «поворачивает руль» вправо и осыпает приветствиями Маатука, торговца маслом, сообщая ему, что он чуть не съел свои пальцы вместе с маслом, когда добавил его в бобы.

Таким образом, не проходит и нескольких минут, как Сайид Али выполняет домашние заказы, сидя на своем кресле и потягивая время от времени мундштук, урчащий как бы в ответ на его веселые смешки.

Сайид Али не чувствует себя лишенным чего-либо. Потому что ежедневно он видит своих трех внучат, когда они приходят домой из школы Мухаммеда Али, забавляется, смеется и беседует с ними, а перед уходом дает каждому по пиастру. Что же касается его сына Ахмада, или Ахмада-эфенди, то его он видит раз в неделю, когда тот вместе с женой и детьми приезжает по пятницам отобедать. Несомненно, лучше всего нам откроет секрет всего этого спокойствия и благоденствия, царящих в душе Сайида Али, беседа, состоявшаяся между ним и «хозяином» Маатуком, когда последний делился с ним своими заботами и жаловался на горечь жизни.

Покачивая головой, с преисполненной уверенности улыбкой, разлитой по его лицу, Сайид Али сказал:

— Жизнь сладка, Маатук... Горечь только в наших ртах, а тому, у кого во рту горечь, даже ключевая вода покажется горькой... Жизнь легка для того, кто не гонится за трудным... Пряма для того, кто не кривит и не блуждает... Удобна для того, кто искренен... Мягка для того, кто верит. Возьми, например, меня, Маатук. Вот уже двадцать лет я сижу на этом кресле. Я остановился, но жизнь не застопорилась... Все спокойно продолжает идти своим чередом и самым наилучшим образом... Я женился на хорошей женщине. У нее нет никаких недостатков, кроме того, что она не разговаривает и не смеется, но ничего, я буду смеяться и говорить... Я получил от нее любимого сына, настоящего, хорошего сына. Единственный недостаток его в том, что он сильно походит на свою мать: хмур и молчалив,— но и это ничего. Он пошел в школу, преуспел и получил диплом, стал чиновником, женился и произвел детей. И все это, пока я сижу здесь... Смеюсь. Ем. Разговариваю и ни о чем не забочусь. У меня есть сын и внуки, которые дороже мне, чем я сам, а что больше, чем это, я мог бы сделать?.. Жизнь сладка, Маатук. Оставь ее идти своей дорогой, и пусть она изменяется и преобразуется, как хочет. Не усложняй ее, ибо она по своей природе легка...

* * *

Такова философия Сайида Али, и в ней именно секрет его жизнерадостности, душевного покоя и благодушия. Он сидит и оставляет жизнь идти легко и спокойно своим естественным руслом.

Однако действительно ли жизнь в своей природе так легка? Или же это просто-напросто обман и соблазн? Посмотрим-ка, что случилось впоследствии с его легкой и прямой жизнью.

Неверное движение, один из жизненных поворотов — и жизнь неожиданно свернула с прямого русла и заставила Сайида Али оседлать горе...

Да, умер его сын, или, как он выразился, его нога поскользнулась на жизненной тропе, и он упал в пустоту.

Нам неважно, отчего он умер; для нас имеет значение то, каким стал Сайид Али после смерти любимого сына.

Сначала он был охвачен паническим страхом, как это бывает со спокойно сидящим человеком, который внезапно слышит вопль или получает пощечину. Но не прошло и нескольких дней, как он начал приходить в себя и овладевать собою. Он опять сидел в своей лавке, пытаясь смеяться и болтать, как будто бы ничего не случилось или как будто он решил заставить жизнь вновь стать легкой и удобной.

Однажды к нему подсел Маатук, выражая свое сочувствие и утешая его. Сайид Али засмеялся и сказал:

— Все мы в ее руках... Я ничем себя не утруждал, сидел здесь и оставил жизнь идти своим путем... И взял у меня его тот, кто его мне подарил... Разве дающий не имеет права вернуть себе то, что он дал?

Маатук покачал головой, поражаясь силе духа этого человека, который говорит о своем сыне, о самом дорогом для себя, как говорят о хлебном батоне или денежной монете...

Итак, Сайид Али — «весельчак» — не прекратил смеяться и веселиться, и людям стало казаться, что он победил и обуздал жизнь, вернув ее вновь в прямое и обычное русло. Возможно, он и в самом деле смог это сделать,— однако какой ценой?

Его единственный сын... Его дорогой, любимый сын... добрый, нежный, совершенный, ни разу не произнесший недоброго слова...

Разве можно с искренним равнодушием перенести подобную утрату?

И с каждым днем Сайид Али все больше худел, и силы покидали его. Но смеяться и напевать песенки он не перестал до тех пор, пока однажды уже не смог этого делать по одной простой причине: он был неспособен ни на пение, ни на смех, ни даже на жизнь...

Его похороны были с плачем и воплем. И этот плач и вопль казались неуместными на его похоронах, ибо он был «весельчаком», уста которого никогда не раскрывались, кроме как для смеха или шутки.

Похоронная процессия двинулась от площади Сайиды к кладбищу эль-Имам. По дороге плач и вопли стихли, и процессия уже приближалась к кладбищу, когда встретилась, проходя мимо одного из домов, стоящих у кладбища, с зелеными флагами и гирляндами украшений, свидетельствовавшими о свадебном торжестве... И вдруг ударили барабаны, звонко заиграла музыка, раздались загариды [2], а гроб уже приближался к входу на кладбище, и уже видны были могилы мертвых!

Так вот и вышел «весельчак» из жизни, точно так же, как и жил в ней всегда, среди веселья и смеха... И казалось, что живые и не могли проводить его в последний путь, кроме как с загаридами, а мертвые не могли его встретить, кроме как боем барабанов и звуками свирелей.

И если бы он мог сдвинуть крышку гроба, он непременно бы высунулся из него и крикнул толпе:

— Бейте в барабаны, бейте!

О печальный страдалец! Брось! Нет в жизни ничего, что заслуживало бы страдания! Все мы либо переходим в землю, либо возносимся на небеса. Так брось же все заботы, и пусть жизнь течет, как знает...

Перевел с арабского
В. Сухин.

---

[1] Коленная кость с мясом.

[2] Традиционные на торжествах пронзительные, радостные крики женщин.

ВСТРЕЧА СОСТОЯЛАСЬ

Книгу журналиста-международника Валентина Бережнова «Тегеран, 1943» напечатало Агентство печати «Новости», повесть Виктора Егорова «Заговор против «Эврики» вышла в издательстве «Советская Россия». Почти одновременно — в середине нынешнего года — они появились в книжных магазинах.

В первой речь идет об исторической конференции руководителей великих держав — СССР, США, Великобритании. Во второй — главный герой — советский чекист Илья Светлов. Между тем из обеих книг явствует: рядовой советской разведки Илья Светлов совершил подвиг, сыгравший не только выдающуюся роль в успешной работе конференции, но и в сохранении безопасности лидеров антигитлеровской коалиции.

О том, как это произошло, и рассказывает повесть Виктора Егорова.

...В феврале 1930 года на перроне мюнхенского вокзала старый нацист и близкий друг бесноватого фюрера Ганс Шульц встречал своего племянника Фридриха Шульца, выросшего в России.

С большой любовью рисует автор своего героя, советского разведчика Илью Светлова, превратившегося в интересах Советской Родины в Фридриха Шульца.

Я не собираюсь пересказывать здесь все перипетии сложной жизни и борьбы молодого чекиста с опытными и изощренными врагами. Скажу лишь, что повесть читается с большим интересом и способна удовлетворить вкусы людей всех возрастов и профессий — любителей умной, хорошо написанной детективной книги.

Из книги «Тегеран, 1943» мы узнаем, как президент США Ф. Д. Рузвельт по совету И. В. Сталина избрал в качестве своей резиденции в дни конференции здание советского посольства в Иране. Для этого были серьезные основания. Гитлер лично руководил операцией, ставившей своей целью физическое уничтожение участников Тегеранской конференции и даже похищение президента США Ф. Д. Рузвельта. Последнее было поручено любимцу фюрера, специалисту по подобным операциям пресловутому Отто Скорцени. Но планы фашистов были сорваны.

Мих. ХОДАКОВ

ТАШКЕНТ ЖДЕТ ГОСТЕЙ НА ФЕСТИВАЛЬ

На снимке кадр из фильма «Ташкент — город хлебный».

Недалеко от Театра имени Алишера Навои в Ташкенте заканчивается строительство Дворца знаний и дружбы; здесь разместятся службы предстоящего кинофестиваля стран Азии и Африки. Торжественное открытие состоится 21 октября во Дворце искусств.

Большую организационную работу по подготовке к фестивалю ведут все творческие союзы республики, Узбекское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Узбекский комитет солидарности стран Азии и Африки, Комитет защиты мира.

Во время фестиваля в Ташкенте будет выходить иллюстрированная газета на английском, французском, узбекском и русском языках. Сейчас уже появились первые номера информационного бюллетеня пресс-центра, где публикуются разнообразные сведения о фестивале, интересующие его участников. Будет выпущен иллюстрированный сборник, рассказывающий о развитии узбекского кинематографа. Выйдут монографии о звуковом и документальном кино Узбекистана. На книжном рынке широко предстанет литература республик азиатской части нашей страны: книги, брошюры, буклеты о жизни народов стран Азии и Африки. Издательство «Наука» Узбекской Академии наук готовит к выпуску «Историю материальной культуры Узбекистана».

В залах и фойе кинотеатров откроются многочисленные выставки изобразительного искусства, произведений художников кино, выставки прикладного искусства мастеров Советского Востока.

Список стран, желающих принять участие в фестивале, уже очень велик: Индия, Япония, Марокко, ОАР, Камбоджа, Сирия, Алжир, Ливан, Иордания, Ирак, Тунис, Иран, Пакистан, Гана, Цейлон... Приходят все новые и новые письма. Приедут и представители европейской кинематографии: Англии, Франции, ФРГ, Венгрии, Болгарии и других стран.

Узбекские республиканские киностудии работают сейчас особенно напряженно. Влюбленный в свой город кинорежиссер Малик Каюмов, народный артист СССР, покажет фильмы: «Ташкент, землетрясение» и «Песнь о Ташкенте». На студии художественного кино закончен производством фильм-опера Мухтара Ашрафи «Дилором». Режиссер Али Хамраев поставил картину по мотивам поэмы Алишера Навои «Семь планет». Появится на экранах лента молодого режиссера Шухрата Аббасова «Ташкент — город хлебный» по одноименной повести А. Неверова. Работу над историко-революционным фильмом «Всадники революции» заканчивает старейший режиссер Узбекистана, народный артист СССР Камиль Ярматов.

К большой теме, волнующей сейчас все народы мира, обратились авторы сценария «Сыны отечества» — Сарвар Азимов и Н. Рожков.

Председатель оргкомитета по проведению Международного кинофестиваля — крупный узбекский писатель Сарвар Азимов — сказал, что проведение фестиваля в дни, когда резко обострилась борьба, идущая в сфере идеологии, обязывает участников фестиваля ко многому. Фестиваль призван сыграть большую прогрессивную роль; его девиз «За мир, социальный прогресс и свободу народов» должен прозвучать по-особому выразительно. Острее, глубже будут смотреть участники на то, что делается в мире, смотреть с позиций высокой гуманности!.. И это важно для всего человечества.

— Мы знаем,— продолжает Сарвар Азимов,— что в азиатских и африканских странах наши коллеги по киноискусству сейчас делают очень много: им есть что показать, чем поделиться! Мы тоже с радостью будем делиться с ними своим опытом.

Настоящее прогрессивное искусство можно создать именно в таких условиях, когда художники кино собираются вместе и широко обсуждают свои творческие проблемы под девизом дружбы.

Редакция журнала «Огонек» особенно тесно связана со странами Азии и Африки,— заключил Сарвар Азимов.— Мне хочется подчеркнуть, что «Огонек» способствует успешному проведению таких дружеских встреч, бесед, дискуссий. И я рад, что журнал и на этот раз принимает участие в подготовке и проведении нашего фестиваля.

Н. ЗЫБИНА

ТЕАТР БРЕХТА В МОСКВЕ

Драматический театр «Берлинер ансамбль», приехавший из Германской Демократической Республики в Москву, привез трагедию Шекспира «Кориолан», пьесу «Мать» по мотивам повести Горького и пьесы Брехта «Что тот солдат, что этот», «Карьера Артуро Уи...»

Руководит театром известная актриса и общественный деятель Елена Вайгель. Она исполнительница заглавной роли в спектакле «Мать». Эта пьеса была написана Брехтом в 1932 году и поставлена в годовщину смерти пролетарской революционерки Розы Люксембург.

В нынешней постановке идеи пьесы «Мать» получили новое звучание. «Цель нашей постановки,— говорят немецкие товарищи,— создать синтез исторических и агитационных элементов, воздать хвалу бесчисленным участникам революции, чье мужество, стойкость, скромность и самоотверженность составляют жизненную атмосферу революционных битв народа».

Б. ОСТРОВСКИЙ

На снимке: сцена из спектакля «Мать».

ТАНЦУЕТ СТРАНА 7 000 ОСТРОВОВ

Филиппинский танцевальный ансамбль «Байянихан» впервые знакомит нас с искусством Филиппин. В ярких выступлениях ансамбля чувствуется влияние малазийских, китайских, индийских танцев, но в то же время отражается и все многообразие собственной культуры страны, состоящей из 7 тысяч островов.

«Байянихан» — хорошее слово, оно означает старую традицию народа: работать сообща. Поэтому в труппе нет «звезд». Когда кто-нибудь из зрителей спрашивает, кто же звезда ансамбля, члены коллектива отвечают: «Звезда — это весь «Байянихан». Да так оно и есть!.. Самое большое впечатление производят коллективные игры с большими бамбуковыми палками, танец с веерами, напоминающий танец с большими живыми бабочками.

Его-то вы и видите на снимке.

О. БОРИСОВ

Николай АСАНОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

ОГНЕННАЯ ДУГА

4.

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ

«В течение ночи на 25 июня на фронте ничего существенного не произошло. ...В районе Белгорода старший сержант т. Мишенин дал три очереди из пулемета по летевшему над нашими позициями немецкому самолету. Самолет задымился и стал терять высоту. Сержант Мишенин выпустил еще несколько очередей, и вражеский самолет врезался в землю близ нашего переднего края».

Совинформбюро.
25 июня 1943 года.

Кристианс, которого Толубеев и Вита во всех обстоятельствах привыкли видеть непроницаемо спокойным, на этот раз показался им похожим на натянутую струну. Тронь его неосторожно — и он взорвется. Боясь, как бы такой взрыв не отразился на муже, Вита принялась готовить кофе, принесла от сестры Лидии немного спирта для мужчин, потом присела в уголке, стараясь быть незаметной. Но Кристианс после рюмки неразведенного спирта и чашки дымящегося кофе несколько отошел.

— Вам, Владимир Александрович,— уже без звона в голосе, довольно спокойно сказал он,— придется командовать бригадой тяжелых танков «ИС» из резерва Главного командования. Я только что прочитал рапорт врача о состоянии вашего здоровья и, прямо говоря, рад. Ваше новое назначение задерживалось только из опасения, что вы еще нездоровы. Ваша бригада уже подтянута в район Курска. Там есть широкая возможность маневра: железные дороги позволят перебросить бригаду и на южное и на северное направления, в зависимости от того, где немцы предпримут главный удар. Хотя, честно говоря, я боюсь, что для них оба направления главные. Если они собираются срезать наш Курский выступ и попытаются устроить нам «немецкий Сталинград» в Курске, то они будут атаковать с обоих направлений. А это выраженьице «немецкий Сталинград» наши разведчики уже зафиксировали...

— Как это произошло? — спросил Толубеев.

— Мы получили сразу несколько предупреждений: одно — из «Центра», то есть непосредственно от наших людей, работающих в Берлине; второе — из Лондона — там наш человек связан с английской разведкой; третье — от зафронтовых разведчиков, сообщивших о массовой переброске новых танков в район Орла и в район Белгорода. Кроме того, партизаны взорвали один особо охраняемый эшелон, и в нем оказались танки, каких им до этого не приходилось видеть. Три дня назад самолетом были доставлены снимки из партизанского соединения. Вот, взгляните!

Кристианс вынул из портфеля и положил на стол несколько снимков. Пленка была крупнозернистой, при увеличении снимки много проиграли в четкости, но ни Вита, ни Толубеев не могли оторвать взгляда. Да, это был тот же танк, что русские солдаты захватили под Волховом. И сделали эти снимки люди, скрывавшиеся с оружием в руках в тылу у немцев, подрывавшие их эшелоны, взрывавшие их склады. А как просто писали о них составители сводок!

«Партизанский отряд, действующий в одном из районов Украины, из засады обстрелял двигавшуюся по шоссе немецкую автоколонну. Убито до 50 солдат и офицеров противника. Подрывники из действующего в Барановичской области отряда имени Чапаева пустили под откос немецкий эшелон. Разбиты паровоз и 31 платформа с танками и автомашинами».

Это сообщение Вита прочитала в день второй годовщины войны и передала газету сестре Лидии. И вдруг увидела, как вспыхнуло лицо Лидии. Но на прямой вопрос, знает ли она этот партизанский отряд, Лидия не ответила, заговорила о чем-то другом, словно и не слышала.

Тут она вспомнила, как холодели у нее самой руки, когда она, желая стать глазами Вольёди, сфотографировала на немецком полигоне этот танк. Может быть, немцы ее не казнили бы, как казнят советских партизан или соотечественников, обвиненных в военном саботаже, но, возможно, ни заступничество отца, ни влюбленность эсэсовца не помогли бы ей. И ее вдруг охватила гордость за себя. Она тоже помогла Вольёде и его стране. А мера ее помощи стала ей понятна из подвига русских саперов под Волховом, вот из этого подвига партизан, которые с оружием в руках сражались за Родину в тылу у немцев, презирая и мучительную смерть и силу разъяренного врага, обрушившего на их маленькие отряды свои дивизии и полки.

Тут мысли ее вдруг коснулись тех людей, которых полковник Кристианс назвал одним словом «Центр». А разве эти люди не были героями? Они находились где-то на территории Германии, как видно, в самом Берлине, они были окружены фашистами, эсэсовцами, может быть, сами были вынуждены изображать фашистов и эсэсовцев. Вита помнила по себе, как трудно играть такую роль свободно думающему человеку, но ведь ей-то было легче, она была просто богатой невестой, едва ли не самой богатой в своей стране, ее отец всегда пользовался уважением фашистских бонз, ведь он не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—36.

говорил ни слова об их политике, особенно неосторожного слова, и они, проговорись она, выслушали бы ее с усмешкой, не больше, а может, и просто с улыбкой: что возьмешь с красивой фрекен, которая ничего не понимает в политике! А вот каково было там **советскому** человеку, как бы ни учили его сдержанности!

И она неловко спросила:

— Кто же они, эти люди из «Центра»?

— Простые советские люди,— усмехнулся Кристианс.— Вы с ними познакомитесь в шесть часов вечера после войны...

— Если они будут живы,— сухо напомнил Толубеев.

Кристианс не рассердился, не вспылил. Он сразу погрустнел и тихо повторил слова Толубеева:

— Да, если они будут живы...

Разговор внезапно оборвался, и Вите пришлось приложить некоторые усилия, чтобы прогнать вызванные ею самою видения. Она наполнила рюмки, налила даже себе немного, долила водой, предложила свежий кофе, но мужчины вяло поблагодарили и умолкли. Казалось, все страхи войны, войны особенной, войны одного против всех, окружили их и заставляли думать не о себе и о своих трудностях, но только о тех, кто далеко от Родины выполнял свой долг.

Наконец она встрепенулась, вспомнив те главные слова, что все еще не сказала, когда услышала о новом назначении мужа. Как, он оставит ее в этой все еще малопонятной стране одну, уедет туда, где каждый день убивают тысячи? Конечно, ее Вольдю не убьют, слишком много он уже отдал этой проклятой войне, да и Вита будет молиться за него, но что, если?.. При одном представлении об этом «если» она готова была заплакать, но голос ее зазвенел, когда она сказала:

— Я еду вместе с мужем!

Кристианс взглянул растерянно, муж восхищенно, но оба отрицательно покачали головами. Она подумала: никто-никто не поможет ей, если она сама не поможет себе. Старательно выговаривая слова, она гневно возразила:

— Я умею стрелять, как всякий охотник. Я могу носить мужской костюм. Я с шести лет хожу на лыжах, бегаю на коньках, у меня есть тренинг. Я с двенадцати лет вожу машину и могу разобрать и собрать мотор, как настоящий механик. Ваш тяжелый танк я тоже могу водить, а стрелять из пушки я могу научиться в течение часа. И, наконец, я знаю немецкий язык со всеми диалектами и могу быть переводчицей, ведь вы же собираетесь побеждать, значит, у вас будут пленные и вам надо будет опрашивать их? И еще: я сейчас же буду звонить генералу Коробову, полковнику Корчмареву, заместителю народного комиссара и пожалуюсь на вашу жестокость, на ваше безразличие к моей судьбе. И последнее: я прошусь не на отдых, а на войну...

— А ведь она права, Михаил Андрианович! — просительно сказал муж.

— Но мы же ничего не успеем сделать! — уже сдаваясь, ответил полковник.

— А ничего и не надо делать,— удивительно терпеливо объяснял Толубеев.— Она пишет заявление о том, что просит принять ее добровольцем в танковую бригаду, которой командует ее муж, перечисляет те самые достоинства, которыми щеголяла перед вами только что, а там уж ваше дело,— оформите ли вы ее переводчиком или просто шофером. В одном случае она будет при штабе, в другом — станет водить мою машину.

— И не забудьте, товарич Кристианс,— запальчиво добавила она,— я ведь вступила в эту войну еще в тысяча девятьсот сороковом, в первых отрядах норвежского Сопротивления, была офицером связи и переводчиком штаба при встречах с русскими военнопленными и воевала на вашей стороне!

— Да, это самый лучший аргумент,— задумчиво сказал Кристианс. Помолчал, договорил: — Хорошо, пишите ваше заявление и изложите в нем все, что сказали нам. В конце концов если бы мы могли, то наградили бы всех ваших бойцов орденами и медалями, потому что они рисковали жизнью в борьбе с нашим общим врагом, как рискует каждый советский солдат!

Она написала требуемую бумагу четким деловым почерком по-русски. Кристианс бегло прочитал ее, уложил в планшет и ушел.

Она долго молчала, потом спросила у мужа:

— Кто же все-таки наш друг полковник Кристианс? Он помощник генерала Коробова?

— Офицер-оператор Генерального штаба в отделе стратегической разведки. Это может обозначать и то, что его советы иной раз обязаны исполнять и генералы...

— Теперь я буду бояться его!

— Тебе это не обязательно! — улыбнулся муж.

5.

«В течение 27 июня на фронте существенных изменений не произошло. ...За истекшую неделю, с 20 по 26 июня включительно, в воздушных боях, огнем зенитной артиллерии и войск уничтожено 211 немецких самолетов. Кроме того, большое количество вражеских самолетов уничтожено и повреждено в результате налетов советской авиации на аэродромы противника. Наши потери за это же время — 74 самолета».

Совинформбюро.
27 июня 1943 года.

Муж должен был вылететь на фронт двадцать восьмого.

Она готовила его в дорогу, вдруг всхлипывая над каким-нибудь носовым платком, который подрубала, сидя с сестрой Лидией и безмерно удивляя ее этим внезапным плачем.

— Вот уж не знала, что женщины во всем свете одинаковы! — осуждающе говорила сестра Лидия.

— Да, а эти семьдесят четыре самолета, которые сбили немцы? — возражала Вита.

— Но ведь Владимир Александрович не на бомбежку летит...— отвечала Лидия, но Вита видела, что и у нее тоже навертывались слезы. Ах, все это оттого, что женщинам слишком часто приходится отправлять мужей на войну!.. Но тут же встряхивала стриженой головой, восклицала: — Ничего, на этот раз от вас он не убежит... Мне в штабе говорили, что...— и вдруг умолкала. Видно, штабные новости для Виты не предназначались.

Часов в шесть вечера, когда они уже собрали все для комбрига Толубеева, появился и он сам в сопровождении неотлучного Кристианса. Кристианс нес какой-то большой пакет, Толубеев — маленький. Толубеев от порога воскликнул:

— Встать!

Сестра Лидия мгновенно выпрямилась, как солдат. Вита смотрела на мужа удивленно. Но в голосе были торжественные ноты, глаза смотрели строго, и она медленно поднялась, глядя на него уже растерянно. А он повернулся к Кристиансу и гулко произнес:

— Товарищ полковник, бойцы вверенного мне соединения построены!

Кристианс опустил свой сверток на стул, взял из рук Толубеева меньший, вынул оттуда планшет, а из планшета погоны, воинское удостоверение, торжественно сказал:

— Вита Арвидовна, поздравляю вас с присвоением воинского звания!

Слова его прозвучали по-дружески, но очень торжественно.

Вита приняла из его рук погоны с тоненьким золотым просветом и маленькой звездочкой и только тут поняла: она офицер Советской Армии! Пусть чин небольшой, но она будет вместе с мужем. Она не удержалась и вдруг бросилась на шею полковнику, а тот поцеловав ее, подтолкнул к мужу.

Сестра Лидия, неловко смахнув с ресниц слезинку, уже распаковывала второй сверток. В нем оказались гимнастерка и юбка военного образца. Тут уж сестра Лидия воззвала к Вите: ведь надо было примерить новый костюм, пришить подворотничок, подогнать все по росту, прикрепить погоны, тем более что полковник Кристианс торопил — Вита должна была через час вместе с мужем представиться генералу Коробову.

Вита прижала к сердцу воинское удостоверение, побежала за сестрой Лидией. Мужчины улыбались, но, едва женщины исчезли, посуровели. Они-то хорошо знали, что такое война...

За стеной лязгали ножницы, раздавались ахи-охи, но когда через сорок минут Вита вышла в новом своем костюме, мужчины решили, что красивее этого младшего лейтенанта в армии, наверно, нет. Даже пилотка отлично сидела на непокорной белокурой копне волос.

Они медленно ехали по вечерней, очень тихой Москве. Редко-редко слышались детские голоса. Эвакуированные в суровую осень сорок первого года дети и матери еще не возвращались, хотя количество жителей неуклонно возрастало. Вернулись наркоматы, некоторые заводы, редакции газет, издательства... Но это был суровый город взрослых, город воюющих людей.

Опять поднимали в небо аэростаты, по улицам проходили взводы и роты противовоздушной обороны, почти сплошь девичьи, и девушки внимательно оглядывали Виту, сидевшую рядом с шофером, и от этих взглядов ее бросало в жар. Ведь это были ее будущие подруги на много лет, а как-то они поймут друг друга?

В бюро пропусков она так неловко козырнула дежурному, что тот невольно потянулся к телефону: уж не враг ли прошел в штаб? Но полковник Кристианс, видно, успокоил его.

И в приемной она чувствовала себя чрезвычайно стесненно. Офицеры вытянулись по стойке «смирно», и она не понимала, от удивления ли при виде ее или от почтения перед ее мужем и полковником. К счастью, дежурный офицер сообщил, что генерал ожидает их, и они прошли в кабинет, где она уже была однажды с полковником Кристиансом, когда обсуждали ее отчет о поездке в Германию...

Генерал и на этот раз был не один: знакомый заместитель наркома, которому она собиралась жаловаться, если ее не пустят с мужем, еще какой-то генерал, несколько офицеров. Коробов встал навстречу им, твердо пожал руку Виты и без лишних предисловий сказал:

— Позвольте мне от имени Советского правительства вручить вам, Вита Арвидовна, орден Боевого Красного Знамени, которым вы награждены за вашу помощь в выполнении важного правительственного задания...

Все встали и зааплодировали, а генерал принял из рук дежурного офицера маленькую красную коробочку, раскрыл ее и неловко прикрепил орден к гимнастерке. Затем он принял из рук офицера пистолет, вынул его из кобуры и показал золотую пластинку, на которой была выгравирована нынешняя фамилия Виты и ее инициалы.

— Я знаю из вашего рапорта, что вы умеете отлично стрелять. Пусть же это оружие послужит вам для защиты правды и справедливости,— прочувствованно сказал он.

Генерал взял ее под руку и проводил в соседнюю комнату, где почему-то находилась сестра Лидия, еще какие-то девушки в военной форме, а на столе стоял русский самовар, окруженный стаканами, и торт.

— Этот пир в вашу честь, Вита Арвидовна,— сказал генерал.— И извините нас: мы несколько задержим Владимира Александровича...

Он вышел, а девушки окружили Виту, защебетали о красивой форме, о том, как идет ей орден, и Вите пришлось вместе с сестрой Лидией подойти к зеркалу. Ничего нельзя было сказать: орден и форма очень шли к ней. Это она видела и сама.

Глава третья: НАВЯЗАТЬ ПРОТИВНИКУ СВОЮ ВОЛЮ...

1.

«В течение 4 июля на фронте ничего существенного не произошло».

СОВИНФОРМБЮРО.
Вечернее сообщение 4 июля 1943 года.

«В течение ночи на 5 июля на фронте ничего существенного не произошло.

...В районе Белгорода разведчики установили, что на переднем крае противника накапливается для атаки вражеская пехота. Ночью гвардейское минометное подразделение совершило огневой налет и точно накрыло скопление гитлеровцев. Противник понес большие потери. Вражеская атака была сорвана».

СОВИНФОРМБЮРО.
Утреннее сообщение 5 июля 1943 года.

Бригада тяжелых танков «ИС», вооруженных новыми дальнобойными стодвадцатидвухмиллиметровыми орудиями, которой командовал подполковник Толубеев, расположилась в двух полуразрушенных селах восточнее Прохоровки. Танки были укрыты в колхозных ригах и фермах, в откопанных за день капонирах по берегу извилистого оврага с мелкой речушкой внизу, во дворах брошенных жителями домов. Всякое передвижение днем было прекращено: в воздухе постоянно висели немецкие разведывательные самолеты, а уж им-то совсем ни к чему было знать, что в этой военной пустыне, именно здесь, замаскировалась крупная танковая часть. Тихо было и в эфире. Прямая телефонная связь поддерживалась только со штабом фронта...

Что таких отдельных соединений: корпусов, дивизий, бригад и полков — танковых, самоходных пушек, механизированных пехотных, «катюш», подчиненных непосредственно Главной ставке, в степи укрылось много, Толубеев мог только угадывать... Ведь его собственная бригада тоже никому не видна, никем не слышима. Но это молчание и тишина были похожи на те таинственные токи опасности, какие овладевают природой и человеком в предчувствии близкой грозы...

Второго июля командующие фронтами получили предупреждение Ставки Главного командования, что немцы перейдут в наступление предположительно между третьим и шестым июля... Фронты сжались и напряглись, как стальная пружина.

Третьего июля немцы молчали.

Четвертого никаких изменений не произошло.

Вечером Толубеева вызвали в штаб фронта.

Он уже несколько дней изучал передовые позиции, где можно было ожидать удара немцев. Конечно, им выгоднее всего было ударить в основание Курского выступа со стороны Белгорода с юга и со стороны Орла с севера. На обоих направлениях в их распоряжении были восстановленные железнодорожные пути, шоссейные дороги и подготовленные исходные позиции... Да и сама степь, высохшая до звона, стала отличным плацдармом для тяжелых танков.

Но Толубеев видел и другое: никогда еще не было столько орудий во всех эшелонах обороны, столько гвардейских минометов, столько противотанковых расчетов, столько, наконец, войск, приготовившихся встретить противника и огнем и штыком. А внешне степь казалась пустынной, безлюдной, только линии замаскированных траншей, противотанковых рвов и ловушек, минные поля, одиночные ячейки противотанковых расчетов показывали, как густо заселена эта степь, в каком страшном напряжении живут люди, каким ожесточенным может стать будущее сражение.

Ночью шофер остановил машину возле шлагбаума, высадил Толубеева и съехал в овраг. Там, под накатом, присыпанным землей, стояло уже довольно много машин. По поселку, где устроился штаб, на машинах не разъезжали, чтобы не привлечь внимания разведывательных самолетов.

Толубеев прошел к начальнику разведотдела. Под яркой маленькой лампочкой с трепещущим, бьющимся, как будто живым, светом сидел полковник Кристианс.

Он протянул сухую холодную руку, уныло сказал:

— Если разведчики сегодня ночью не добудут языка, хоть сам иди в разведку! Сидим с закрытыми глазами.

Кристианс, как видно, приехал надолго. В комнате начальника отдела была уже поставлена вторая койка, на маленьком столике — два стакана, две бритвы, под койкой — чемодан. Кристианс уловил взгляд Толубеева, брошенный в отведенный для сна угол, сказал:

— До конца операции буду здесь. Начальник ушел к командующему, просил, если явитесь без него, обождать.

Он шагнул к койке, достал из чемодана плитку шоколада и пачку московского «Казбека». Вернулся к столу.

— Это вам и Вите Арвидовне. Да не я, не я, генерал послал.

Толубеев спрятал подарки в планшет.

Вернулся начальник отдела. Поздоровался хмуро.

Толубеев понимал, что все в штабе измучены ожиданием. Ощущение примерно такое: над тобой висит гиря, а веревка, на которой она подвешена, постепенно расползается, одна прядь, вторая, третья. Но когда она упадет, эта гиря?

Резко звякнул телефон. Начальник отдела торопливо схватил трубку.

— Взяли? Когда? Где? Перескажите устно показания! Пленного потом доставить мне. Что? — Послушал немного, положил трубку, снова поднял, попросил: — Соедините с командующим.— Подождал, заговорил: — Докладывает седьмой. Только что взяты пленные минеры противника. Во всех частях прочитан приказ Гитлера о переходе в наступление в три часа ночи пятого июля, в понедельник. Задача: отрезать, окружить и уничтожить советские войска на Курском выступе. Одним словом, немецкий Сталинград. Пленного скоро доставят. Ефрейтор Фермелло. Вместе со своим взводом был направлен проделать проходы в минных полях, прикрывающих немецкую оборону... Да, это неопровержимо. Наши разведчики проверили показания ефрейтора — немцы действительно снимали мины на своем поле...

Он вздохнул с каким-то облегчением, как будто то, что должно было теперь начаться, казалось ему более легким, чем само ожидание. А начаться должно было одно из самых великих сражений, в котором погибнут тысячи и тысячи людей, и было еще неизвестно, чья чаша весов перетянет...

— Ну, вот и дождались! — все так же удивительно весело сказал он, поглядывая на Толубеева и Кристианса с улыбкой.— Да, Владимир Александрович, вот ваша диспозиция.— Он достал из сейфа карту и передал Толубееву.— А сейчас мы попытаемся смешать карты господам немецким генералам. Прошу за мной. Начинается совещание у командующего!

2.

«С утра 5 июля наши войска на ОРЛОВСКО-КУРСКОМ и БЕЛГОРОДСКОМ направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями, и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону.

По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 203 самолета противника.

Бои продолжаются».

СОВИНФОРМБЮРО.
Вечернее сообщение 5 июля 1943 года.

Совещание у командующего фронтом окончилось в 1.30. Командиры резервных частей торопливо разъезжались по своим штабам. Шла томительная ночь пятого июля...

Подполковник Толубеев попросил у командующего фронтом разрешения выехать на передовые позиции армии, которой была придана его бригада. Возможно, на этом именно участке фронта придется сражаться и ему...

Юркий броневичок, подарок Горьковского завода, доставил его к месту назначения. Только начинало светать, когда Толубеев, оставив броневик в расположении танкистов, направился в штаб дивизии. Толубеев шел за провожатым и думал о том, что через час, не более воздух содрогнется от артиллерийского грома, птицы замолкнут, роса осыплется на землю, и в этот жаркий день всем захочется пить, а степь будет полна огнем и дымом, и нигде ни капли воды...

Провожатый сержант спрыгнул в траншею, и Толубеев, следя за ним, шел таким же кошачьим шагом, будто провожатый боялся разбудить немцев, которые спали или скорее готовились к предстоящему бою совсем недалеко от русских позиций, в такой же земляной траншее.

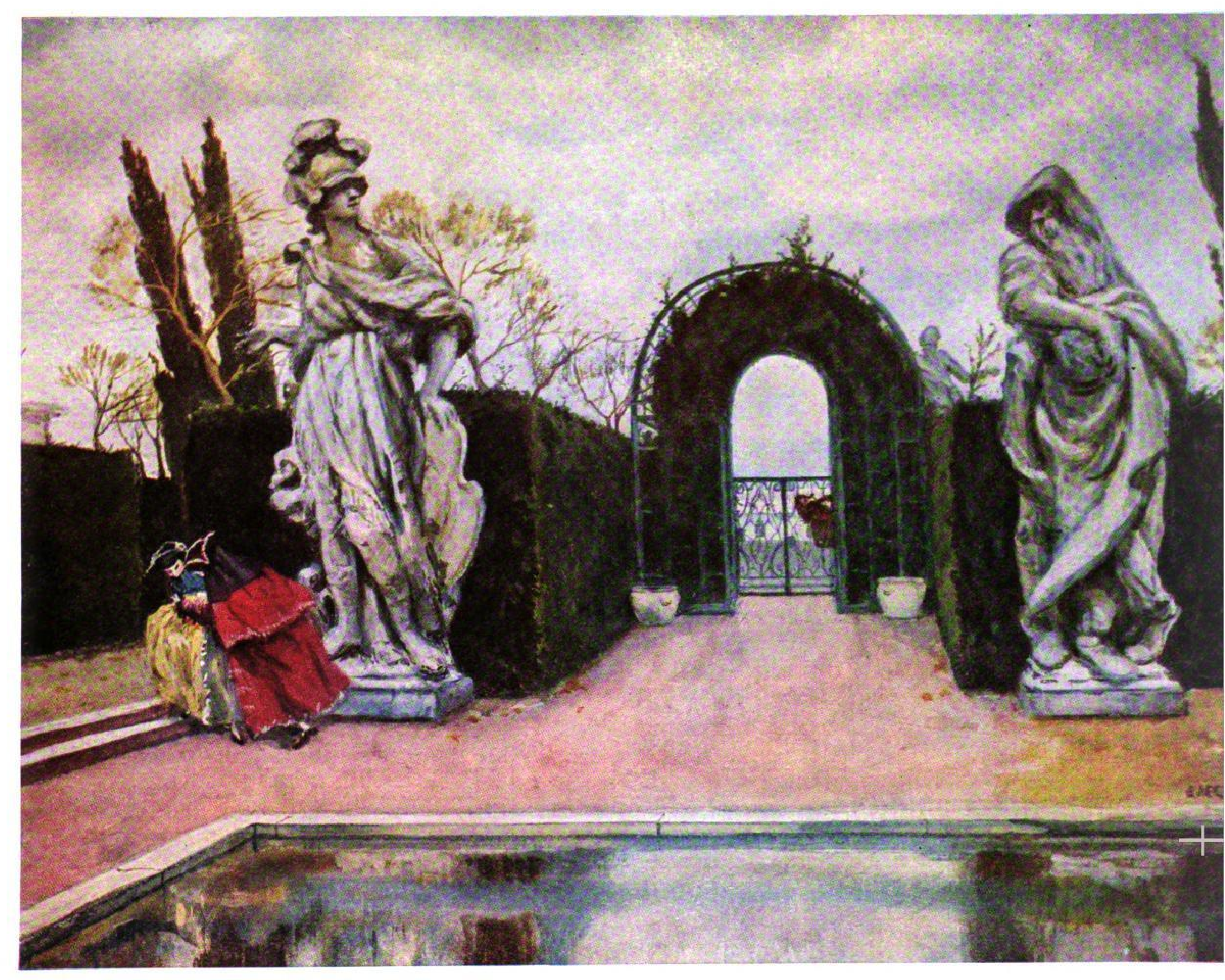
Точно так же готовились к бою и русские пехотинцы, чутко прислушиваясь к грозной тишине. Особенно много тут было бронебойщиков со своими длинными ружьями. Они уже знали, что Гитлер пригнал под Курск новые танки — «тигры», читали еще несколько дней назад «Наставление» по борьбе с ними. В «Наставлении» этот новый немецкий танк был даже изображен, хотя самой машины никто из них еще не видал. Но они уже воевали с немецкими танками под Сталинградом и знали, что любая железная махина, как бы ее ни называли немцы, останавливается от умелого выстрела, и взрывается, и горит. И сейчас терпеливо ждали этой встречи, укрываясь поглубже в земле, исконном убежище солдата...

Толубеев прикинул мысленно, как глубоко эшелонирована оборона на этом танкоопасном направлении, и подивился: по примерным его расчетам, получалось, что противотанковые средства обороны уходят в глубину километров на десять, а там уже стоят танковые корпуса, могучие самоходные артиллерийские установки, истребительные полки и бригады, тяжелая артиллерия, резервные части всего Степного фронта, и вся эта военная мощь готова к бою в первые же часы, если немцам удастся прорваться сквозь первые линии обороны фронта.

В штабе дивизии никого, кроме дежурных офицеров, не оказалось. Во всех частях читали приказ Главнокомандующего, проводили партийные и комсомольские собрания, заканчивали инструктаж по борьбе с новыми танками гитлеровцев. Дежурный предложил Толубееву чаю, намекнул, что можно бы еще вздремнуть минут тридцать, но Толубееву ничего не хотелось.

Начали возвращаться офицеры. В блиндажи они не торопились, стояли в траншеях и укрытиях, поглядывая на небо, теперь резко посветлевшее над головой. На стыке двух огромных затаившихся армий все еще стояла та же ночная тишина. И вдруг над головами пронесся первый вздох боя, и возник он где-то в глубине советских войск, постепенно нарастая и подкатываясь к самой передовой линии русских укреплений...

Это было «упреждение», о котором говорилось в кабинете командующего. Вся артиллерия русских войск открыла мощный огонь по немецким позициям, где в эту минуту заводили танки, строили для атаки батальоны, рассаживали по бронетранспортерам автоматчиков, что должны были прорываться следом за танками через советские позиции. И в тот же миг над головами русских солдат и офицеров пошли волна за волной пикирующие бомбардировщики, истребители, тяжелые самолеты, и в расположении противника за сорок минут до начала им спланированного наступления раздались бомбовые удары, слившиеся в общий гром

А. Бенуа. ВЕНЕЦИАНСКИЙ САД. 1910.

А. Бенуа. ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. 1914. Эскиз декорации.

ПАРАД ПРИ ПАВЛЕ I. 1907.

с орудийной стрельбой, с разрывами «катюш», с лаем тяжелых и легких минометов.

— Начали! — сказал невысокий плотный генерал, командир дивизии.— Отлично начали! — повторил он. И добавил: — Главное, светло, немцы видят, что у них происходит. Кое у кого такой пейзаж отобьет охоту к атаке...— И приказал: — Товарищи офицеры, по местам! — Повернулся к Толубееву: — Прошу вас, товарищ подполковник, на мой КП. Там обзор отличный...

Наблюдательный пункт расположился на невысоком кургане, насыпанном, вероятно, еще скифами над могилой своего вождя. Таких курганов тут было несколько, и немцы, конечно, пристреляли их, но саперы дивизии ухитрились врезаться в курган сбоку и пробились в верхнюю каменную камеру кургана, где когда-то был захоронен скифский вождь, его слуги и жены. В амбразурах кургана стояло несколько стереотруб, на спицах, вбитых в стенку, висели бинокли, в углу, на столике, стояли телефоны полевой связи, возле которых дежурили телефонисты.

Артиллерийско-бомбовой удар советских войск все продолжался, а немцы с методическим упорством ждали сигнала к наступлению. Ведь сам Гитлер сказал им, что ровно в три часа начнется последнее решительное сражение за русские просторы, которое окончится их сокрушающей победой, и русские наконец-то побегут за Урал, где и погибнут на веки вечные...

Но уже давно прошел назначенный Гитлером срок, когда Толубеев увидел в стереотрубу далекие клубы пыли, как будто катившиеся от горизонта к советским окопам, увидел вспышки огня в этих клубах и как-то даже спокойно сказал:

— Танки!

Это и было спокойствие после долгого нервного напряжения.

Командир дивизии отдал несколько распоряжений. Впрочем, наступающую железную орду видели со всех наблюдательных пунктов дивизии, и из всех окопов, и противотанковых ячеек, вынесенных вперед.

— А вот и «тигры»! — сказал Толубеев, глядя в пыльное марево впереди.

Легкие танки противника, выступившие первыми, вдруг развернулись в обе стороны, и в вершину наступающего клина выдвинулись массивные, окрашенные в оливковый цвет пустыни тяжелые танки «тигры». Было непонятно, почему их не перекрасили в более сливающийся с местностью зеленый цвет, может быть, танкисты «тигров» до последнего часа не знали, что их отправляют не в пустыню к Роммелю, а в среднерусские степи к генералу фон Шмидту? А может быть, Гитлер лишь в самые последние часы перед сражением решил бросить на стол этот свой козырь?

Эти машины были длиннее и шире средних и легких танков. И орудия их оказались длиннее, крупнее калибром. Но самым страшным для солдат зрелищем была кажущаяся неуязвимость «тигров». Уже сотни орудий стреляли по ним, а они все приближались с каким-то противоестественным спокойствием, словно снаряды отскакивали от них, как камни от железной стены. Толубеев знал, что лобовая броня этих машин была доведена до четырехсот миллиметров, и снаряды из привычных противотанковых орудий действительно не могут пробить ее, но он знал и другое: кумулятивные снаряды и бронебойные снаряды новых орудий будут дырявить эти чудовища, как только они повернутся к орудийным позициям бортовой броней...

Но пока танки шли в лоб, расстреливая артиллерийские позиции русских.

Справа от наблюдательного пункта стояла замаскированная батарея новых противотанковых орудий лейтенанта Калинина. В течение этих дней подготовки Толубеев был у Калинина не один раз. Он знал, что сейчас Калинин, тщательно замаскировавший свои орудия, готовится к встрече с «тиграми». Они договорились, что Калинин не станет демаскировать свою батарею, если не появятся «тигры». Против легких немецких танков должны были действовать две другие батареи, разместившиеся слева и справа от батареи Калинина. И Толубеев ждал, выдержит ли Калинин в эти первые минуты боя...

«Тигры» все приближались. За ними шли гусеничные бронетранспортеры, набитые солдатами, как стручки гороха зернами. Следом, понемногу отставая, бежали автоматчики. Батарея Калинина молчала.

— Огонь! — негромко скомандовал генерал.

Но раньше, чем вступила в бой батарея новых противотанковых орудий, танки встретились с бронебойщиками. Эти бесстрашные люди, закопавшиеся по двое со своими длинными ружьями, похожими на дедовские пищали, выждали, когда танки поравнялись с их земляными гнездами, и открыли огонь по бортовой броне «тигров». Пулеметчики, выдвинувшиеся вперед, ударили из пулеметов по бронетранспортерам и автоматчикам. В этот миг заговорили пушки батареи Калинина.

Толубеев увидел, как вспыхнул огонь на броне переднего «тигра». Танк все шел и шел, а снаряд как бы ввинчивался в его броню, затем что-то гулко охнуло, раздался взрыв, и танк замер. Никто не выскочил из него.

Второй «тигр» на видимом пространстве вспыхнул от пули бронебойщика. Так же вспыхнул и третий. Но танки шли все гуще и гуще.

Высокая железнодорожная насыпь, к которой прижал свою батарею Калинин, не давала немцам возможности взять ее в лоб. И они пошли в обход.

Сначала на батарею обрушился десяток танков и два десятка бронетранспортеров. Калинин ввел в бой третье орудие. Перед его позицией горели уже шесть танков, но немецкие автоматчики, подвезенные на транспортерах, ринулись в атаку. Калинин перенес огонь на лощину, в которой они сгруппировались, и рассеял атакующий батальон. Тогда немцы бросили на Калинина еще пятнадцать танков. И только тут батарея Калинина заговорила во всю мощь. Перед позицией батареи горели уже четырнадцать танков...

Немецкие автоматчики залегли в лощине.

Толубеев вытер пот со лба и взглянул на часы: прошло пятнадцать минут.

Он посчитал остановленные батареей Калинина танки и сказал:

— Товарищ генерал, лейтенанта Калинина следовало бы представить к ордену...

— Если мы уцелеем! — меланхолически сказал генерал.

«Если мы уцелеем!» Толубеев взглянул налево и понял, о чем подумал генерал: слева от кургана в глубину советской обороны, оставляя за собой горящие танки и бронетранспортеры, врывалась еще одна колонна немецких танков.

Как только «тигры» скрылись за лесными посадками, на прорванной передовой началась отчаянная стрельба из пулеметов, автоматов и винтовок. Тотчас же присоединился басистый рык минометов. Толубеев с чувством облегчения заметил, что немецкая пехота, сопровождавшая танки, залегла. Через линию обороны прорвались только бронетранспортеры, шедшие вслед за танками.

— Мы еще поживем! — весело воскликнул он, показывая генералу на правую линию обороны.

Генерал прильнул к стереотрубе.

В этот миг над полем боя появились вертящиеся карусели самолетов.

Внизу, как можно было различить, кружились немецкие бомбардировщики, видно, вызванные танками на помощь. Над ними в несколько слоев крутились истребители, и советские и немецкие. То одна, то другая машина, клюнув носом, устремлялась к земле. Бомбардировщики, летевшие с тяжелым грузом бомб, взрывались на тех же бомбах, которые не успели сбросить. Истребители, сбитые в бою, падали, подобно подбитым птицам, вращаясь вокруг оси. И еще одно заметил Толубеев: самолетов с черными крестами, падающих перед ним, было больше.

Но какая-то часть самолетов прорвалась к советским позициям, и курган вдруг всколыхнуло, словно началось землетрясение, которое Толубеев пережил мальчиком в Крыму. Он еще успел подумать, что «второй снаряд в ту же воронку не падает, вторая бомба рядом не ложится!», как страшный взрыв обрушил на него потолок, а может быть, это встал дыбом пол, и он потерял сознание.

Очнулся он оттого, что молоденький связист надтреснутым голосом умолял его, встряхивая за плечо:

— Товарищ подполковник, очнитесь! Очнитесь! Генерала убило!

Толубеев встал и привалился к стене, так как пол под ним все раскачивался, как палуба штормующего судна. Генерал лежал рядом с амбразурой, и лицо у него было удивительно спокойное. На левой стороне гимнастерки темнело медленно расплывающееся пятно. Возможно, он был так спокоен потому, что не успел увидеть ни воздушную карусель, ни прорвавшиеся танки. Если это так, то Толубеев мог только позавидовать покойному.

Наконец до него дошел смысл причитаний связиста, который все тем же дребезжащим голосом продолжал:

— Со штабом связи нет. Рация наша разбита. Санбат не отвечает. Полки просят указаний. Я никому не говорил, что генерала убило...

Он и сейчас, в бою, был исполнен уважения к своему убитому начальнику. Он не говорил: «Генерал убит»,— он мог только сказать: «Генерала убило». Толубеев, держась за стену, подошел к зуммерившему телефону.

— Говорю по поручению первого, Толубеев. Доложите обстановку в хозяйстве.

Звонили с правого крыла дивизии. Во время первой танковой атаки полк сильно потеснили, но потом положение восстановилось. Прорвавшиеся на стыке между вторым и третьим полком немецкие танки, по-видимому, наткнулись на штаб. Сейчас все прорвавшиеся глубоко танки уничтожены, но связные, посланные в штаб, не возвратились. В поселке, где размещался штаб, слышна стрельба. На выручку туда брошены батальон из резерва и две самоходные пушки.

Левофланговый полк, неся потери, отступил на вторую линию обороны. Бой продолжается на улицах населенного пункта. Немецкие танки и автоматчики пытаются отсечь деревню, но артиллеристы действуют успешно; сожжено и подбито много танков и бронетранспортеров противника.

В проеме кирпичной кладки появился запыленный связист. Он откозырял незнакомому офицеру, посмотрел на убитого генерала, сказал:

— Связь со штабом дивизии восстановлена. Штаб перебазировался в Яблоневку. Там был бой. Есть убитые и раненые.

Подойдя к столу с телефоном, взял трубку, подул в нее, тихо сказал:

— «Маргаритка», я «Тюльпан». С вами будут говорить.— И протянул трубку Толубееву.

Толубеев услышал знакомый голос начальника штаба дивизии и облегченно вздохнул.

— Толубеев слушает. Генерал убит,— раздельно произнес он.

Начальник штаба помолчал, что-то сказал в сторону, наверно, тем, кто окружал его, потом снова заговорил в трубку:

— Принимаю командование на себя. Вас разыскивает Васильев, приказано вернуться во вверенную часть. Ваш броневик в танковом резерве. Связист вас проводит. Кратко доложите, как положение на КП?

— Два прямых попадания бомбы, но работать можно.

— До свидания, товарищ подполковник. Если повезет, еще увидимся!

«Да, если повезет! Всего полчаса назад это же сказал генерал, а теперь он лежит на полу...»

Толубеев позвал связиста и вышел в узкую траншею, что вела в тыловые порядки войск.

Продолжение следует.

ДВЕ НЕДЕЛИ В ГОСТЯХ У АРАБОВ

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

СНОВА КАИР

Да, снова этот шумный, жаркий и душный летом, с весенней сочинской погодой зимой город, столица Объединенной Арабской Республики.

Но сейчас было лето, самое жаркое время. Как сказали в Москве в день отлета: сегодня в Каире днем было 44 выше нуля. О том, что выше нуля, можно было и не прибавлять. Ниже нуля в Каире не бывает.

Но мы вылетали из Москвы вечером самолетом, летящим в Хартум. Оставалась надежда: а вдруг к ночи жара спадет. Разницы во времени между Москвой и Каиром в эту пору года нет. Минута в минуту с московским временем мы прилетели в Каир и вышли из самолета. Тепло предбанника дохнуло на нас. Запах бензина и горячего асфальта. Нас встречали друзья. Они были в легких рубашках навыпуск. Один из них сказал:

— Вам повезло. К ночи температура опустилась до тридцати градусов. Вы чувствуете, какая прохлада?

И в самом деле, когда мы подходили к зданию аэропорта, откуда-то из пустыни, из-за частокола темневших в ночи пальм потянуло свежим ветерком.

Вскоре мы уже ехали по ночному настороженному Каиру, городу, с которым у меня связаны многие добрые воспоминания.

Горели неоновые огни в открытых овощных и фруктовых лавках, возле них с газетами в руках сидели продавцы. Спали на траве округлых поворотов перекрестков улиц люди. У киосков, где продают содовые и фруктовые воды, стояли сонные полицейские, потягивая из бутылок кока-колу...

Прошлым летом, через месяц после израильской агрессии, вместе с писателем Сарваром Азимовым мы также ехали в отель. Но тогда город был другой. И отель «Семирамис», где мы остановились, был пуст настолько, что в окна слышалось поскрипывание фелюг, медленно скользящих по Нилу. В обычное время этого поскрипывания не слышно: все покрывается слитным автомобильным гулом. Летом 1967 года Каир жил тревожной жизнью. На лицах моих старых друзей-египтян в те дни я видел печаль и скорбь, душевные раны были обнажены, и мы, не успокаивая друзей, старались влить в них бодрость и веру в победу и торжество справедливости. Все мы прекрасно понимали, какую ненависть у империалистического Запада вызывала борьба арабских народов за свою национальную независимость и свободу. Каир, являющийся ключом к воротам Африки, своей решимостью являл пример не только для арабских народов, но и для всего континента. За десять с лишним лет неузнаваемо изменилась политическая карта Африки. В этом большую роль сыграла Объединенная Арабская Республика, дважды за одно десятилетие подвергшаяся империалистической агрессии.

Помнится, в декабре 1957 года, когда состоялась Первая конференция солидарности стран Азии и Африки, сыгравшая огромную роль в объединении национально-освободительных сил африканских народов, советская делегация, возглавляемая Шарафом Рашидовым, заявила о полной поддержке борьбы народов Азии и Африки народами Советского Союза. С тех пор прошло более десяти лет, и наши связи, братская дружба, несмотря на многие трудности, несмотря на клевету и дезинформацию вражеской прессы, выдержали испытания. Арабские народы, все народы Африки узнали своих настоящих друзей. Успокоительные теории о затухании классовой борьбы потерпели крах. События последнего времени, особенно события в Чехословакии, показали, что империализм судорожно пытается не только задержаться на рубежах, куда его отбросила революционная, национально-освободительная борьба, но и вернуть потерянные в этой борьбе позиции. И это не только в Европе, но и на африканских и азиатских просторах. К сожалению, раскольническая, шовинистическая деятельность мастеров различного толка какое-то время поддерживала заблуждения некоторых афро-азиатских деятелей, поддавшихся демагогическим, изоляционистским заявлениям китайских раскольников о несовместимости единства всех народов мира в борьбе против империализма. К счастью, заблуждения эти в одном случае или совсем прошли, или под давлением последних событий исчезают. Под давлением исторических обстоятельств, повинуясь логике революционной и национально-освободительной борьбы, прогрессивные деятели многих стран Азии и Африки все больше понимают, что любое событие в любом месте мира не является для них чуждым. Коллективная ответственность за революционное дело становится естественной и необходимой.

Обо всем этом думалось в Каире в жаркие, очень жаркие дни и ночи в августе этого года.

ДЕЛА ПИСАТЕЛЬСКИЕ

С Юсефом эс-Сибаи совсем недавно мы виделись в Москве. Он возвращался из Болгарии, где был на фестивале молодежи. Я не видел его с приезда в Каир в июне прошлого года. Тогда он был печален. Это было понятно. Вероломная агрессия Израиля, разбойничий захват арабских земель оставили глубокий след в его душе. Встреча наша в 1967 году была короткой. Мы ни о чем не расспрашивали нашего друга. И так все было ясно. Вместе с Сарваром Азимовым мы приняли участие в заседании бюро Афро-азиатской ассоциации писателей. В те дни только закончилась в Каире Чрезвычайная конференция солидарности народов Азии и Африки в поддержку арабских народов в их справедливой борьбе с израильскими агрессорами. Конференция осудила агрессоров и тех, кто стоит за их спиной,— американских империалистов.

Писатели не оставались в стороне. Именно в те дни решался вопрос о создании журнала «Литература Африки и Азии». Вместе с писателями Индии, Анголы, Южной Африки, Японии и другими мы обсуждали план создания журнала — вопросы организационной структуры и финансовой базы.

Сибаи показывал нам макет журнала, эскизы обложки. Называл имена писателей, которых предполагается привлечь к журналу в качестве авторов. Это было в прошлом году. Сейчас мы держали в руках первый номер журнала. Там были напечатаны произведения индийского писателя Мулк Радж Ананда, мозамбикского поэта Марселину душ Сантуша и других.

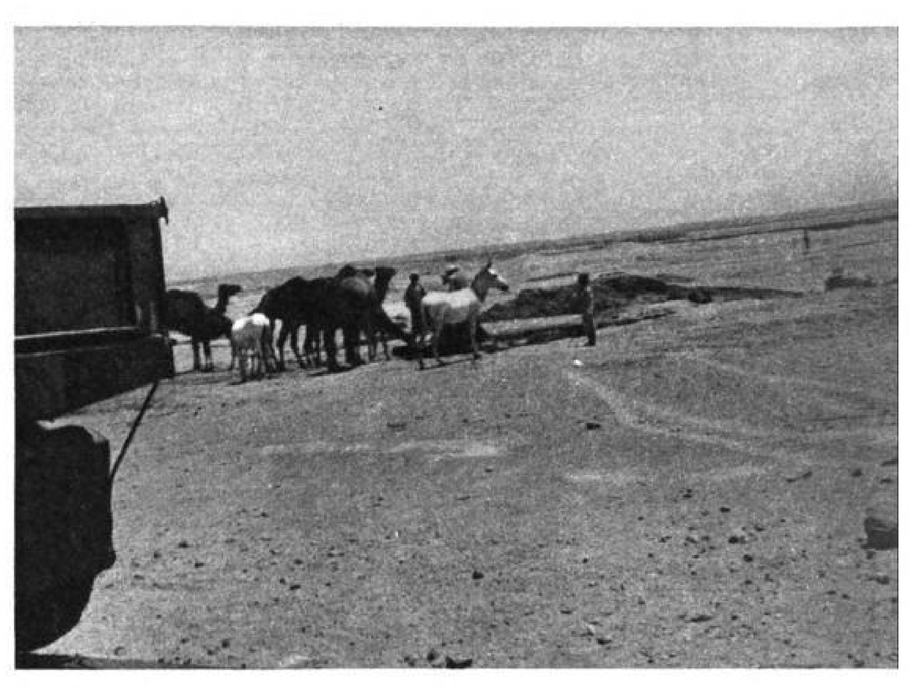
Сейчас Сибаи обещал на литературный симпозиум, который откроется 20 сентября этого года в Ташкенте, привезти с собой второй номер журнала.

Настроение нашего друга было отличным. Перед тем как отправиться на молодежный фестиваль в Софию, он посетил Демократическую Республику Вьетнам.

— На меня произвела огромное впечатление борьба вьетнамского народа и то, как они принимали меня, египетского писателя,— говорил он нам.— Я написал об этом. Вьетнамцы понимают, сочувствуют и поддерживают нас в борьбе с израильскими агрессорами. Седьмого сентября в Каире состоится Чрезвычайная конференция народов Азии и Африки в поддержку борьбы вьетнамского народа. Здесь сейчас, в Каире, эту конференцию помогают нам готовить наши вьетнамские друзья. Они только что вернулись из Хартума. Там их очень хорошо встретили. Через некоторое время мы предполагаем в Судане провести конференцию в поддержку борьбы народов Южной Африки и всех так называемых «португальских колоний». Мы идем единым фронтом. Все больше людей понимают, что наши усилия должны быть объединены в одно целое, в общую борьбу... Это, конечно, не так просто... Даже в личном плане.— Сибаи улыбается.— Для того, чтобы улететь в Ханой, я сначала отправился в Бейрут... Для успокоения жены... Жены всегда волнуются... А дочь у меня ожидает ребенка... Я их не хотел беспокоить... И улетел... Жене сказал правду только после возвращения. Но жены хитрые. Она сказала, что догадывалась, но не хотела меня тревожить.

Каир, август 1968 г.

Западная пустыня.

...На заседании бюро Ассоциации афро-азиатских писателей, в котором приняли участие писатели ОАР, Индии, Южной Африки, Анголы, мы подробно рассказали о том, какой план выработал Союз советских писателей для проведения в Ташкенте литературного симпозиума, посвященного десятилетию Ташкентской конференции.

Представитель Индии, наш старый друг Калимула, сказал:

— Мы рады слышать, что советские писатели проделали такую огромную работу. Встреча в Ташкенте — это очень большое событие для всех афро-азиатских писателей.

Юсеф эс-Сибаи заключил итоги обсуждения нашего сообщения на бюро ассоциации:

— Встречу в Ташкенте мы рассматриваем как большой вклад советских писателей в укрепление связей всего движения и солидарности писателей наших континентов. Мы рады, что именно в Ташкенте после литературного симпозиума мы проведем заседание исполкома нашей ассоциации, решим вопрос о созыве IV конференции, а также примем участие в празднике узбекского народа — 525-летии со дня рождения Алишера Навои. Я с нетерпением ожидаю этой встречи.

ТАМ, ГДЕ БЫЛА БИТВА В ПУСТЫНЕ

Более десяти раз бывал я в Каире, но как-то не удавалось вдоволь посмотреть побережье Средиземного моря. Однажды ездил в Луксор, в Долину Фараонов. Дважды бывал в Порт-Саиде. Видел его еще после первой агрессии разбитым, в дыму и пепле, с пробитыми касками на могилах защитников Порт-Саида. Бывал в Суэце и на побережье Красного моря, которое так сильно описано в драматическом рассказе Джеймса Олдриджа «Последний дюйм», в свое время опубликованном в «Огоньке». И всего несколько часов был в Александрии, в этой жемчужине Египта.

Мы закончили все наши писательские дела в Каире. Оставалось три дня до отлета в Бейрут. Сибаи сказал:

— Я хочу вам «отомстить». Всегда, когда я приезжаю в Москву, вы стараетесь дать мне возможность отдохнуть, посмотреть вашу страну. Не считаетесь ни со своим, ни с моим временем. Помните нашу поездку в Ленинград? Петергофские дворцы? Ленинградский балет? Я чувствовал, вам было некогда, а вы отправились со мной...

— С друзьями мы готовы отправиться куда угодно.

— Это я и хочу вам предложить. Используйте оставшиеся три дня для отдыха в Александрии. Там море, хороший пляж... Вы купались в этом году в море?

— Еще нет.

— Не отказывайтесь.

— Мы не отказываемся... Но у нас есть просьба — посмотреть Эль-Аламейн.

— Пожалуйста. С вами поедет Кемал, он бывший военный, мой заместитель. Поезжайте... С каждым годом мы чувствуем все больше, что мы одна семья.

Перед отъездом Кемал спросил:

— Какой дорогой вы хотите поехать: пустыней или Зеленой дорогой?

— Туда пустыней, а обратно Зеленой.

— Коис китир [1].

И вот жарким, очень жарким утром вместе с Мухамедом Кемал Бахаа Эдзином, а попросту Кемалом, и нашим представителем в секретариате организации солидарности Бахадуром Абдрразаковым мы отправились в Александрию. Стояло рабочее утро. Каир грохотал автомобилями, гулкими мостами, перекинутыми через Нил, шумными торговыми улицами. За центром, в ранее пустынных местах, стоял шум строительных работ в кварталах новых домов, чем-то неуловимо напоминающих московские Черемушки. Наконец как-то сразу дома остались позади, и мы покатили по раскаленному шоссе, с двух сторон которого лежала Западная пустыня. Здесь было действительно пусто. Только тонкие нитки дорог, уходящие вправо и влево, туда, где на сторожевых холмах медленно вращаются радарные установки. Изредка встречаются грузовые автомашины с солдатами. Прогрохочут мимо, обдадут горячим ветром, и снова монотонный рокот покрышек по асфальту. Где-то на полдороге небольшая остановка. Глоток горячего кофе в дорожном ресторане — и снова в путь. Но это уже на полдороге к Александрии. И снова редкие табуны верблюдов и белых ишачков, что покорно стоят в пустыне, привыкшие к зною и безлюдью. Но чем ближе к Александрии, тем больше примет жизни. Мелькнул огромный щит, на котором начертаны слова, сообщающие, что здесь идет строительство госхоза, подаренного Советским Союзом. Феллахи аккуратно приводят в порядок берега каналов. Здесь скоро появится жизнь — придет вода. Солдаты в рабочих костюмах сажают деревья, небольшие кустики инжира. Появляются зеленые оазисы. Пахнуло сыростью. Скоро море, Александрия. Лежит белая корка: соль проступает через почву. Но вот уже и озерца, бурая вода. Узкие лодки в камышах. Рыбачьи сети. Это приалександрийские лиманы. Возле самой дороги ограждение, за которым нацеленные в небо зенитные орудия и пулеметы. Солдаты пристально всматриваются в обесцвеченную синь неба. Еще несколько поворотов, и мы в Александрии. Шумные кварталы. Пестрота овощных рынков. Часовые, стоящие на взгорье, возле вытянувшихся в сторону моря тяжелых орудий. В разных местах сдвинутые в сторону железные ежи. И много детей. Они перебегают дорогу перед самой машиной. Запускают воздушный змей с трещотками. Пронзительными голосами предлагают воду, которую таскают в огромных деревянных торбах, перекинутых на плечо. И много моряков, бравых, смуглых, обветренных. А вот и приморская часть Александрии. Бесчисленные пляжи, набитые купающимися людьми.

Минуя их, мы въезжаем на огороженную высокой красной стеной территорию бывшего дворца последнего египетского короля Фарука. Он знал, где построить себе резиденцию, этот сластолюбец, деспот, коварный жуир и любитель порнографии, о похождениях которого и до сих пор ходят легенды. Когда-то, десять с лишним лет назад, здесь было тихо. Территория дворца с ее изумительно красивыми деревьями и цветами была открыта только для посетителей, получивших особое разрешение осмотреть дворец Фарука. Помнится, мы провели тогда здесь несколько часов, разглядывая бесчисленные помещения дворца, любуясь прибоем, рвавшимся на прибрежные камни. Три года назад прямо на берегу моря был построен отличный отель «Палестина», где мы и бросили сейчас свой якорь.

...На другой день утром мы отправились в Эль-Аламейн.

Что мы знали о нем?

В 1942 году союзнические войска по решению правящих кругов США и Англии, не желая оказывать эффективную помощь Советскому Союзу, всячески оттягивая открытие второго фронта в Европе, сосредоточили усилия американо-английских войск в районе Средиземного моря. Именно в то время полчища фашистских войск рвались к Сталинграду. Вместо концентрации военных усилий, явно не стремясь к скорейшему разгрому фашистской Германии, американо-английское командование бросило в Северную Африку огромные силы — в составе 8-й английской армии было сосредоточено до 1 100 танков и 1 200 самолетов — и вдоль берега Средиземного моря начало наступление против 12 итало-немецких дивизий, собранных под командованием Роммеля. Из двенадцати дивизий немецких было всего четыре. Обладая преимуществом в живой силе, военной технике и более удобных стратегических путях снабжения, войска 8-й армии нанесли поражение итало-немецким войскам в битве при Эль-Аламейне в конце октября и начале ноября 1942 года. Черчилль провозгласил эту победу «поворотом судьбы». Но, по свидетельству английских военных историков Дж. Батлера и Дж. Гуайера, авторов книги «Большая стратегия», это было далеко не так. Английские историки писали: «По мнению Гитлера, средиземноморский театр имел второстепенное значение. Немецкие войска прежде всего необходимы были в России и на Западе. Гитлер все еще испы-

[1] По-арабски — очень хорошо.

тывал серьезное беспокойство по поводу возможного наступления союзников на Западе или на Крайнем Севере и неохотно шел на то, чтобы сковать значительную часть сил «Люфтваффе» слишком надолго в районе Средиземного моря. Овладение Египтом в 1942 году не могло иметь решающего значения...» Это вполне соответствует плану самого Черчилля, выработанному им в конце 1941 года, перед тем, как он собирался отправиться на совещание в Вашингтон. В этом плане говорилось: «Главным в ведении войны в настоящее время является поражение и потери Гитлера в России... Теперь... ему предстоит зима, полная потерь в живой силе и огромных расходов горючего и снаряжения... **Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях,** за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали. Только так мы сможем сохранить свое влияние на Сталина, и только так мы сможем вплести усилия русских в общую ткань войны».

Расхождений между словами английских историков и планами Черчилля нет. Расхождений нет и между фактами военной истории. В битве при Эль-Аламейне участвовало с итало-немецкой стороны всего 12 дивизий, из которых в конце сражения 4 итальянских сдались в плен из-за отсутствия пресной воды. Запасы воды были целиком забраны немецкими дивизиями, которые хитроумный Роммель, видя, что сражение проиграно, поспешно выводил из боя, чтобы сохранить живую силу и технику.

Напомним, что только в период контрнаступления советских войск под Сталинградом с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было разгромлено 32 дивизии и три бригады фашистской Германии и ее сателлитов, а шестнадцати дивизиям были нанесены серьезные поражения.

...На 103-м километре шоссе, бегущего из Александрии на запад вдоль Средиземного моря, мы заметили дорожный указатель «Эль-Аламейн». Машина свернула налево. Через полкилометра увидели небольшую железнодорожную станцию, возле которой были сложены секции бетонных труб и много деревянных ящиков, лежащих здесь же, на песке. Около станции стояли верблюды и ишачки. А дальше виднелась пустыня, и никаких примет английского кладбища-мемориала не было видно. Возле верблюдов, блестя под солнцем золотыми зубами, стоял старый араб, с интересом рассматривая нашу машину.

Кемал, оказавшийся в этих местах так же, как и мы, впервые, спросил араба:

— Где английское кладбище?

— Дальше по шоссе,— ответил араб.

— Шукран[1],— сказал Кемал.

— Может, хотите кофе?— предложил старый араб.

Кемал еще раз поблагодарил. Мы вернулись на шоссе. Через три километра увидели кладбище. Бесконечное количество белых плит, стоящих, как на параде. Редкие вечнозеленые остроконечные кусты, издали напоминающие разрывы снарядов. Несколько деревьев. Желтое марево пустыни.

Мы переходили от плиты к плите. Рядом с английскими именами — индийские. Рядом с английскими адресами — новозеландские. В составе 8-й армии были индийские и новозеландские подразделения.

Зной. Белые плиты. Остроконечные зеленые кусты. Тишина. Полдневное раскаленное солнце.

Напротив кладбища — в ряд поставленные разбитые, заржавевшие английские танки, бронетранспортеры, длинноствольные орудия, поднявшие жерла к выжженному зноем небу.

Напротив кладбища музей. Английское и немецкое оружие. Карты. Фотографии и портреты Монтгомери, Александера, Роммеля, Гитлера. Макет, изображающий сражение при Эль-Аламейне.

У входа в музей сидящие в тени подростки-арабы, играющие в карты.

Пока мы бродили по небольшим залам музея, пока рассматривали книгу записей, где были слова, оставленные и советскими туристами, у входа в музей разгорелся спор. Там с большим рюкзаком за плечами появился бородатый человек. Он требовал, чтобы его пустили в музей с рюкзаком. Служители протестовали:

— Нельзя.

— Но я не могу оставить рюкзак.

— Почему?

Бородатый был недоволен.

— Я из Федеративной Республики Германии. Путешествую пешком и на попутных машинах. Все, что у меня есть, в рюкзаке.

— Кому нужно ваше барахло?

— Прежде всего мне самому. Пустите меня.

Подошел смотритель музея, подозрительно смотря на бородача.

— Что вам нужно?

— Хочу посмотреть музей.

— Идите. Осмотр бесплатный.

— Меня не пускают с рюкзаком.

Смотритель сказал что-то одному из подростков. Тот неохотно бросил карты и поднялся.

— Идите,— сказал смотритель.— Вас будут сопровождать.

Бородач с подростком скрылись в зале музея.

— Иногда туристы крадут экспонаты. Не понимаю, что им может дать какая-то ржавая немецкая каска? А вы откуда? — обратился к нам смотритель.

— Из Москвы.

Смотритель заулыбался.

— Хотите кофе?

Неподалеку от английского мемориала, уже без кладбища в пустыне, на большом расстоянии друг от друга стояли два высоких здания. Одно воздвигнуто итальянцами, другое — немцами. В итальянском, что ближе к дороге, внутри, на белых стенах — тысячи фамилий. Высокий мраморный стол с крестом, с двух сторон его — ржавые гильзы снарядов с миртовыми ветвями.

А совсем к морю, на высоком берегу, серое мрачное здание, похожее на старый тевтонский замок.

Здесь было совсем пустынно и глухо. Только изумрудное море ласкало взор. Стоящий у дверей в белой одежде молодой араб молча открыл дверь и впустил нас в помещение. На металлических досках, прикрепленных к стенам, черными буквами выбиты фамилии. Наверху, в комнате, где стоят несколько кроватей для приезжающих, на столе книга записей, в которой столбики немецких фамилий, в том числе и две, записанные в день нашего приезда в Эль-Аламейн. И на стене — пожелтевшая фотография Роммеля в кожаном пальто...

Мы вышли под солнце пустыни. Молодой араб молча защелкнул за нами висячий замок. В глаза било яркое закатное солнце. Голубело бирюзовое море, а на душе было пасмурно. Казалось, что в этих затерянных в пустыне полузамках и полухрамах, хотя и воздвигнутых в память погибших здесь солдат и офицеров, все было предано забвению. Только стены здесь да плиты на английском кладбище хранили имена тех, кто отдал свои жизни вдали от родной земли, в безводной пустыне. Только одинокие путники добираются сюда, чтобы прочесть имена и фамилии, а на английском кладбище — еще и скорбные изречения на плитах. «Ты для меня был весь мир, тебя нет — мир для меня погас»,— начертано на одной из плит.

Может, потому, что тевтонский полухрам-полузамок был последним местом нашего посещения Эль-Аламейна, события последнего времени снова властно заполнили память.

Как известно, память человеческая имеет одну особенность: она сохраняет многое надолго, не сразу возвращая сознанию то, что хранится в ее тайниках. Но когда сознание получает то, что представляет память, оно начинает анализировать и отбирать отдельные факты, сопоставляя их с последующими явлениями.

В декабре 1965 года вместе с группой советских писателей, заканчивая поездку по ФРГ, я оказался в Мюнхене. Признаюсь, когда поздним вечером сошел с поезда на мюнхенском вокзале, я был взволнован. Много зловещего связано с этим городом. Зарождение фашизма. Мюнхенский сговор.

Утром был легкий мороз. На крышах лежал розовый от солнечных лучей иней. Нам предложили посетить картинную галерею, в которой оказалось множество картин Рубенса. Подлинное искусство всегда покоряет, а тем более такое жизнелюбивое и сочное, как полотна Рубенса. Музей был почему-то в этот день закрыт для посетителей, и мы одни бродили по огромным залам. Затем вышли на воздух. С неба сыпала снежная крупа вперемежку с дождем. На одной из центральных улиц сопровождавший нас господин сказал: «Вот с этого балкона выступал Гитлер». Через некоторое время добавил: «А вот пивная, в которой часто бывал Гитлер».

В этот час пивная была закрыта.

На другой день мы были в бывшем концлагере Дахау. Осмотрели музей. Страшные снимки. Страшные экспонаты. Приглаженные, аккуратно отремонтированные бараки... Фантастическая душегубка-печь, в которой сжигались узники Дахау. Здесь никто не произносил имени Гитлера, но тень его висела над лагерем, по которому в этот час ходили солдаты и офицеры, по внешнему сходству напоминая гитлеровцев. В буфете продавались сосиски и пиво. Нам предложили перекусить. Мы отказались. Нам хотелось скорей уехать из этого страшного мюнхенского предместья...

В тот же день на полуофициальном обеде один из людей, связанных с книгоиздательским делом, сказал мне:

— Жаль, что люди из Советского Союза редко бывают в Мюнхене.

— Почему?

— Ваши друзья бывают чаще.

— Какие друзья?

— Из Чехословакии... Граница близко... Визы не требуются. По праздникам некоторые журналисты и литераторы машинами наезжают сюда.— Мой собеседник, улыбаясь, пытливо смотрел на меня.— У них здесь много близких друзей и единомышленников, с которыми они весело проводят время.

«Провокатор»,— подумал я тогда.

— Откровенно говоря, странно видеть их с теми, с кем они здесь общаются,— продолжал мой собеседник.— И странно слушать, что они говорят здесь. Боюсь, скоро вы узнаете, чем их здесь вдохновляют.

У нашего народа были, есть и всегда будут друзья в Чехословакии. Одного из них я вспоминаю сейчас. Я помню, как во Львове после торжественного вечера в честь делегации Чехословацкого комитета сторонников мира мы бродили с ним по весенним улицам. Ходили не спеша, разговаривая о том, что происходит в мире, вспоминая старых друзей. И вдруг он остановился и сказал:

— Я слышал слова, которые произносили на вечере некоторые наши товарищи, а на душе у меня было тяжко. Вы многого не знаете... У нас все бóльшую свободу получают так называемые «интеллектуалы». Они кипят злобой на Советский Союз, на нашу дружбу. Они прикрываются фразами о «демократизации» и «либерализации», а фактически черпают вдохновение в ФРГ и в других злачных местах. Мы живем сейчас в большой тревоге...

— Почему?

— От ощущения того, что скоро что-то должно случиться. Но что бы ни случилось, знайте: многие тысячи чехов и словаков любят вас и никогда не забудут то, что Советский Союз сделал для их страны... Я живу не в Праге, поэтому, может быть, с особой остротой ощущаю все это...

...Молча мы сели в машины и отправились в Александрию. Там, где у дороги высилась плита, извещающая, что здесь проходило минное поле немецких войск, навалом лежали бетонные трубы. Арабы скреперами вспарывали землю пустыни.

---

[1] Шукран — спасибо.

ТВ-68

Итак, завершен первый этап нашей научно-технической викторины «ТВ-68». В первом туре (см. «Огонек» № 20) встречались команды двух прославленных трудовых коллективов: рижского завода ВЭФ и ленинградского Кировского завода.

Обе команды обменялись шестью «выстрелами»-вопросами и придумали специальные задания для читателей «Огонька». По условиям викторины читатели должны были не только ответить на эти задания, но и оценить (по 5-балльной системе) качество вопросов, которые были использованы командами в их турнирной дуэли.

Такая форма участия читателей в викторине придала ей, как нам кажется, особую остроту. Ведь ИМЕННО ИХ ОЦЕНКИ И ОКАЗАЛИСЬ РЕШАЮЩИМИ. Но не будем забегать вперед, начнем по порядку.

СТОЙТЕ!
ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!
СКОРО!
ВЫХОДИМ НА ВСЕСОЮЗНУЮ ОРБИТУ!
КИРОВЕЦ /ЛЕНИНГРАД/ ВЭФ /РИГА/

научно-популярная
ВИКТОРИНА-68

ПРОВОДИТ ЖУРНАЛ „ОГОНЕК"
СРАЗЯТСЯ ЗАОЧНО ЧЕТЫРЕ КОМАНДЫ
СИСТЕМА — ОЛИМПИЙСКАЯ
ПРИЗЫ ГАРАНТИРОВАНЫ

КИРОВЦУ СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ:

АДРЕС: КОМИТЕТ КОМСОМОЛА ЗАВОДА

ждем вас!
ПОСТОИМ ЗА ЛЕНИНГРАД!
ДАДИМ „БОЙ" ВЭФу!

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КИРОВЦЕВ

1. Команда Кировского завода спрашивала: КОГДА И ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЫЛ ОСНОВАН ИХ ЗАВОД И КАК ОН НАЗЫВАЛСЯ?

Вэфовцы ответили на вопрос верно (5 баллов). Приводим его краткое содержание.

«В 1801 году Кронштадтский чугунолитейный завод из-за угрозы войны с Англией был переведен в Петербург и стал называться Санкт-Петербургским казенным чугунолитейным заводом. Предприниматель Путилов купил его в долг у казны лишь в 1868 году».

2. Ленинградцев интересовало, ЗНАЕТ ЛИ КОМАНДА ВЭФа ЧТО-НИБУДЬ О НОВОМ СТРОИТЕЛЬНОМ МАТЕРИАЛЕ, который недавно был создан ленинградскими учеными и по своим свойствам приближается к бетону.

К сожалению, вэфовцы не смогли точно ответить на этот вопрос (получили только 3 балла). Поэтому предоставляем слово команде Кировского завода: «Новый строительный материал называется ледопластом. Создан он в 1964 году в лаборатории льда НИИ Арктики и Антарктики под руководством профессора И. С. Песчанского. Ледопласт — это замороженная смесь, состоящая из воды (примерно 90 процентов) и древесного волокна, бумажной пульпы или стекловолокна».

3. Этот вопрос, пожалуй, самый удачный и остроумный из всех, заданных командой Кировского завода. НА РИСУНКЕ БЫЛ ПРИВЕДЕН СИЛУЭТ ЛЬВА. Похожих изображений царя зверей в Ленинграде великое множество.

В своем ответе вэфовцы перебрали несколько вариантов, в том числе вскользь коснулись и верного решения (за это они получают 4 балла). Однако полный ответ снова дают ленинградцы. «Лев на нашем рисунке — точная копия... товарного знака Ленинградского камнеобрабатывающего завода. Под этим знаком выпускаются крупногабаритные и фасонные гранитные изделия, мел - строительный и бытовой».

4. В природе существует много различных источников энергии. Но кировцы просили НАЗВАТЬ ОДИН ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ — ТАКОЙ, В КОТОРОМ НУЖДАЮТСЯ БУКВАЛЬНО ВСЕ И ВСЯ. Вэфовцы ответили на этот вопрос, хотя тут же сами и усомнились (4 балла им за это).

Какой же это источник энергии? СОЛНЦЕ! Кировцы еще добавляют к этому и МОЗГ человека, считая его источником разума и энергии. Ведь в нем нуждаются все: энергетики и агрономы, радиолюбители и генетики, космонавты и металлурги. Что ж, с этим, пожалуй, трудно не согласиться.

5. Кто «стремителен, подвижен, расторопен, медлителен и неловок?» — спрашивали ленинградцы. И дальше добавляли: «Если вэфовцы угадают ответ, то пусть сообщат нам в Ленинград точное местонахождение этого незнакомца».

На этот вопрос вэфовцы не дали правильного ответа. А один читатель высказал такое предположение: «Это участник викторины. До 10 июня он стремителен, подвижен и расторопен. После этой даты в ожидании результатов он медлителен и неловок».

На самом же деле речь идет об электроне. Он быстр и подвижен в телевизионной трубке; в проводниках же движется крайне медленно.

Точное его местонахождение в атоме указать невозможно.

6. Кировцы предложили команде ВЭФ испытать себя в остроумии, создать свой — радиотехнический — вариант известной шутливой формулы Эйнштейна.

Ответ команды ВЭФа, хотя и оценен нами в 4 балла, все же, на наш взгляд, слишком сложен, а его остроумие могут оценить, пожалуй, лишь радиотехники. Нам больше понравилась одна из формул, которую предложили авторы этого задания — кировцы. Вот словесное ее выражение: «Радиотехника — это наука о контактах».

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОМАНДЫ ВЭФ

1. Первый вопрос рижан (самый интересный) тоже о своем заводе. Он был снабжен фотографиями — транзисторный радиоприемник, бутылка с «Бальзамом», какая-то ракета и маленький приборчик с плоскими ручками и прямоугольными застекленными оконцами. Рижане спрашивали: ГОВОРЯТ ЛИ ЧТО-НИБУДЬ О ВЭФе ЭТИ ФОТОГРАФИИ?

Первая фотография (с транзистором) была хитрейшим подвохом. Во всяком случае, почти никто из читателей не разгадал его. Дело в том, что на фотоснимке изображен радиоприемник... «Банга». А его производит Рижский завод имени Попова. Так что фотография «Банги» единственная, которая к ВЭФу не имеет никакого отношения.

Однако кировцы оказались молодцами. Они не поддались на хитрость и дали отличный ответ (5 баллов).

Ракета оказалась игрушечной. В ней на ВЭФе монтируют чинку для карандашей. Приборчик тоже обрел свое имя — это миниатюрный фотоаппарат «Минокс», который еще до войны выпускал завод.

Что же касается «Бальзама», то о нем кировцы пишут так: «Продукция завода ВЭФ чарует и опьяняет, как этот крепкий напиток, который, конечно, имеет самое прямое отношение к вэфовцам. Ведь не зря же продукция завода ВЭФ и Рижского ликеро-водочного завода вместе побывала на международной ярмарке в Лейпциге в 1965 году, где оба завода получили почетные дипломы...»

ВЭФ — это сокращение от слов Valsts Elektrotehniska Fabrika (VEF), что в переводе означает «Государственный электротехнический завод».

2. Команда ВЭФ спрашивала: ЧТО ТАКОЕ ГЕРКОН?

Ленинградцы ответили правильно (5 баллов).

Геркон — это герметизированный контакт. Работа телефона чаще всего зависит от надежности контактов всевозможных реле, которых в АТС тысячи. Так как контакты реле легко окисляются и загрязняются, они быстро выходят

Раздел ведет Е. МОСКАТОВ.
Фото В. Денисова, члена команды Кировского завода.

из строя. Геркон имеет два миниатюрных позолоченных лепестка — контакта, которые заключены в стеклянный баллончик с нейтральным газом. Срок надежности работы геркона в сотни раз больше, чем у обычных реле. Первые образцы уже давно сделаны, дело теперь в массовом их применении.

3. В истории Путиловского (Кировского) завода не только много героического... ОДНАЖДЫ ГРУППУ ПУТИЛОВЦЕВ НАЗВАЛИ «АГЕНТАМИ КОМИНТЕРНА». ВЭФОВЦЫ СПРАШИВАЛИ: КОГДА И ГДЕ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Естественно, что ленинградцы, зная историю своего завода «назубок», ответили точно и весьма подробно (5 баллов).

Этот эпизод произошел в августе 1927 года, во время поездки футбольной команды «Красного путиловца» в Германию. Буржуазная пресса в связи с этим писала, что футболисты, мол, все-таки большевики, а следовательно, агенты Коминтерна.

4. ЧТО ОБЩЕГО И В ЧЕМ РАЗНИЦА МЕЖДУ ФЕРРИТОМ, ФЕРРИДОМ, ФЕРРОДОМ И ФЛЮИДОМ? — спросили рижане. Команда Кировского завода дала правильный ответ (5 баллов). Но мы предпочли редакцию вэфовцев.

«У флюида со всеми остальными словами (и вообще с чем угодно на свете) нет ничего общего. Флюид — это некий «психический ток», якобы излучаемый человеком.

Сложнее обстоит дело с ферритом. Обычно он широко применяется в электронике в качестве различных магнитных сердечников. Если такой феррит использовать в контактном элементе, он называется ферридом. А если в бесконтактном, он носит имя ферродa. Это — общее между ними. Но сами устройства и соответственно эти три термина так же разнятся между собой, как, скажем, слова «конь», «як» и «коньяк»...

5. Как утверждает команда завода ВЭФ, у них много романтиков. Именно поэтому одно из своих самых любимых изделий они назвали женским именем — Спйдола. Кроме того, рижане спросили, а ЗНАКОМА ЛИ ЛЕНИНГРАДЦАМ ЖЕНЩИНА ПО ИМЕНИ СПИДОЛА? В ЧЕМ ЕЙ СИЛЬНО НЕ ПОВЕЗЛО?

Вот как ответили кировцы: «Мы знаем одну женщину с таким именем. Это колдунья, героиня поэмы А. Пумпура «Лачплесис» и драмы Я. Райниса «Огонь и ночь». Дальше кировцы пишут:

«Нельзя сказать, что Спидоле сильно не повезло. Как раз наоборот, ни одной женщине еще так не улыбалась судьба. В наше время «Спидолу» носят буквально на руках. А сколько желающих послушать ее неземной, дьявольски чарующий голос во всех уголках земного шара?!» (4 балла).

6. ВОПРОС КОМАНДЫ ВЭФ О ВОЗМОЖНОСТИ «СОЕДИНЕНИЯ» ПО ТЕЛЕФОНУ САМОМУ С СОБОЙ довольно трудный и запутанный, но интересный (тем более что был описан действительный факт).

Но кировцы и здесь оказались догадливыми. Мы приводим почти полностью их ответ, за который они получили 5 баллов:

...«— Быть такого не может»,— заявили наши мастера большой и малой телефонии. И тут в штаб викторины вместе с автором ворвалась его новая идея: «Молодой начинающий технолог Сидоркин-младший (у которого номер местного телефона не указан) решил позвонить своему РОДСТВЕННИКУ плановику (наверное, дяде) Сидоркину-старшему. Набирая цифры, технолог ошибся, и вместо номера дядиного телефона (256) набрал 265, и попал к секретарю своего отдела. Секретарь сняла трубку и услышала, что просят Сидоркина. Думая, что это Сидоркин-младший, она пошла звать его к телефону. Так Сидоркин (по своему же вызову) помчался «соединяться» сам с собой...»

«ТВ-68»

ИТОГОВЫЕ ОЦЕНКИ (ПО 5-БАЛЛЬНОЙ СИСТЕМЕ)

№№ вопр. и отв.	Вопросы команды Кировского завода		Ответы команды Кировского завода	Вопросы команды ВЭФ		Ответы команды ВЭФ
	Оценки жюри	Оценка читателями (сред.-арифм.)	Оценка жюри	Оценка жюри	Оценка читателями (ср.-арифм.)	Оценка жюри
1	3	3,2	5	5	5,0	5
2	5	4,8	5	5	4,5	3
3	5	5,0	5	4	3,2	4
4	3	3,4	5	4	4,0	4
5	4	4,7	4	4	4,1	3
6	4	4,3	5	4	4,2	4
Задания читателям	3	3,8	—	5	4,8	—
Всего	27	29,2	29	31	29,8	23
Средн. балл	28,1 +		29		30,4 +	23
Общая оценка			57,1		53,4	

Таким образом, I ТУР «ТВ-68» ВЫИГРАЛА КОМАНДА КИРОВСКОГО ЗАВОДА, которая в итоге набрала 57,1 балла. Вот имена победителей: Л. ТУРЕК (капитан команды), А. ЧЕНЦОВ, В. ДЕНИСОВ, И. ЩЕГЛОВ, Р. ДЕГТЯРЬ, А. ВЕРЕЙСКАЯ, Г. ЩЕГЛОВА, А. ДЯТЛОВ.

Кто будет «противником» кировцев? Об этом мы узнаем после встречи II тура, в котором будут участвовать команды Уралмашзавода (Свердловск) и Нефтяных Камней (Баку, объединение «Морнефть»).

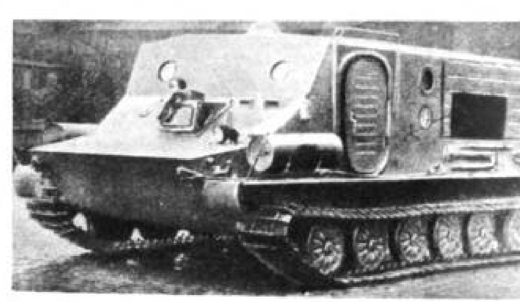
ТРИ ЧИТАТЕЛЯ — ПОБЕДИТЕЛИ ПЕРВОГО ТУРА «ТВ-68»

Сумма их отметок ближе всего к оценкам жюри (27 баллов — Кировский завод, 31 — ВЭФ). Первое место присуждается Ю. И. ИВАНОВУ из Дубны. Его оценки соответственно — 27—30 БАЛЛОВ. Второе и третье места поделили Е. Н. ДЕНИСОВА из Алма-Аты и Н. А. ТВЕРДОХЛЕБ из поселка Розовка, Запорожской области. Их оценки — 27—29 БАЛЛОВ.

ЗАДАНИЕ КИРОВЦЕВ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

ОТВЕТЫ

1. Скромный обелиск с датой «5 мая 1891 года» сооружен на месте первой в России маевки, недалеко от Путиловского завода.

2. Товарищ Никанор — партийная кличка выдающегося деятеля большевистской партии Михаила Ивановича Калинина, который руководил революционной борьбой на заводе.

3. В Антарктиде успешно работает вездеход «Пингвин». На нем стоит марка Кировского завода.

4. На Кировском заводе имеются: филиал Северо-Западного заочного политехнического института, машиностроительный техникум, сменная средняя школа, профессионально-техническое училище № 42 и различные курсы по повышению квалификации.

5. Путь военной службы от матроса до командующего флотом проделал путиловский паренек, впоследствии вице-адмирал В. П. Дрозд.

Сообщаем имена трех читателей, набравших наибольшую сумму очков в этом задании.

1-е место — Н. В. КВАСОВ из Ленинграда — 25 ОЧКОВ ИЗ 25 ВОЗМОЖНЫХ!

2-е место — П. В. САВЧЕНКО из Конотопа — 21 ОЧКО, 3-е место — Г. Н. ПАРХОМЕНКО из Вахрушева, Луганской области,— 20 ОЧКОВ.

Все они получают призы от команды Кировского завода.

ЗАДАНИЕ КОМАНДЫ ЗАВОДА ВЭФ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

ОТВЕТЫ

1.Чтобы перевезти современную автоматическую телефонную станцию на 1 500 каналов связи, выпускаемую заводом ВЭФ, потребуется 160 железнодорожных вагонов.

В связи с этим вопросом один читатель пишет: «Меня волнует вопрос: чем завозят в Москву известные всем «Спидолы»: железнодорожными вагонами или банными чемоданчиками?»

2. Самое высокое здание в Риге — Академия наук Латвийской ССР.

3. Всего счастливчиков, обладающих вэфовскими телефонными аппаратами, 10 миллионов (данные на январь 1968 года).

4. Самый рослый вэфовец — это, конечно, знаменитый баскетболист, заслуженный мастер спорта, чемпион мира — Я. Круминьш. Его рост — 218 сантиметров.

5. Двери завода ВЭФ открыты для всех 22 апреля (или в ближайшую к этому числу субботу). В этот день на заводе ежегодно проводится Ленинский субботник, на который обычно ПРИХОДЯТ ВЭФОВЦЫ СО СВОИМИ СЕМЬЯМИ и знакомыми.

Победители этого конкурса:

1-е место — Н. В. КВАСОВ из Ленинграда — 23 ОЧКА.

2-е место — А. Н. СМИРНОВ из Калининграда — 22 ОЧКА.

3-е место — Г. ВУЛЬФСОН, военнослужащий (бывший токарь завода ВЭФ) — 21 ОЧКО.

Со своей стороны, редакция тоже решила отметить Н. В. Квасова почетным дипломом. Ведь он дважды первый призер!

«Дело серьезное!»

Л. ТУРЕК,
капитан команды кировцев

Победитель I тура — команда Кировского завода — побывала в Риге. И поскольку викторина наша научно-техническая, ленинградцы проникли в самую цитадель латвийской науки — самое высокое здание в городе — Академию наук Латвийской ССР. Впрочем, предоставляем слово капитану команды.

Вице-президент АН Латвийской ССР Эдуард Александрович ЯКУБАЙТИС встретил нас дружелюбно. Завязалась беседа.

— Как вы вообще относитесь к юмору и, в частности, к различным турнирам и викторинам? — спросили мы его.

— Без юмора нельзя серьезно работать. Это исходная позиция.

— Полезна ли, по вашему мнению, викторина «Огонька» «ТВ-68»?

— Викторина заставляет думать. А думать полезно всем, в любом возрасте. И искать.

— Ваше пожелание?

— Надо, чтобы эти соревнования стали традицией, а не эпизодом. Их следует разнообразить, проводить под различным углом зрения.

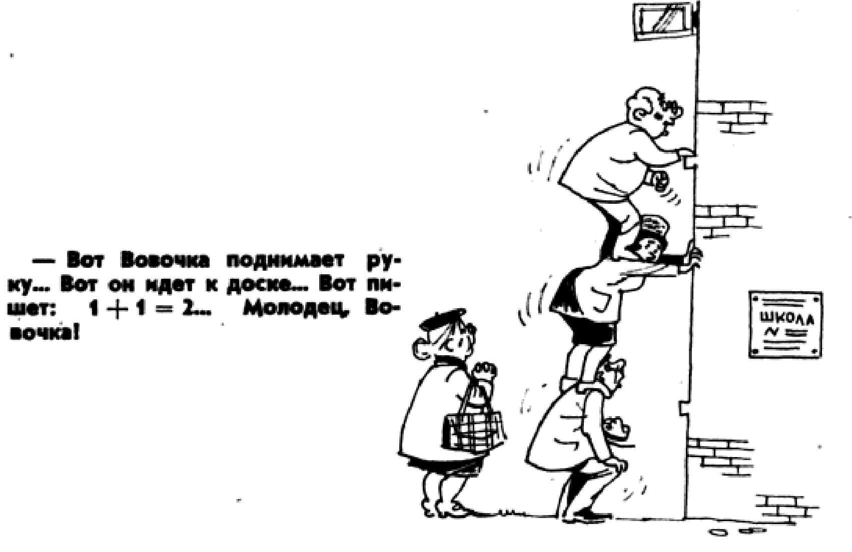

...Так что викторина — дело серьезное! С нетерпением ждем наших будущих противников.

— Васенька! Завтрак забыл!

— Вот Вовочка поднимает руку... Вот он идет к доске... Вот пишет: 1 + 1 = 2... Молодец, Вовочка!

— Не перепутай: Коленьку — в ясли, Танечку — в садик, а Ванечку — в школу.

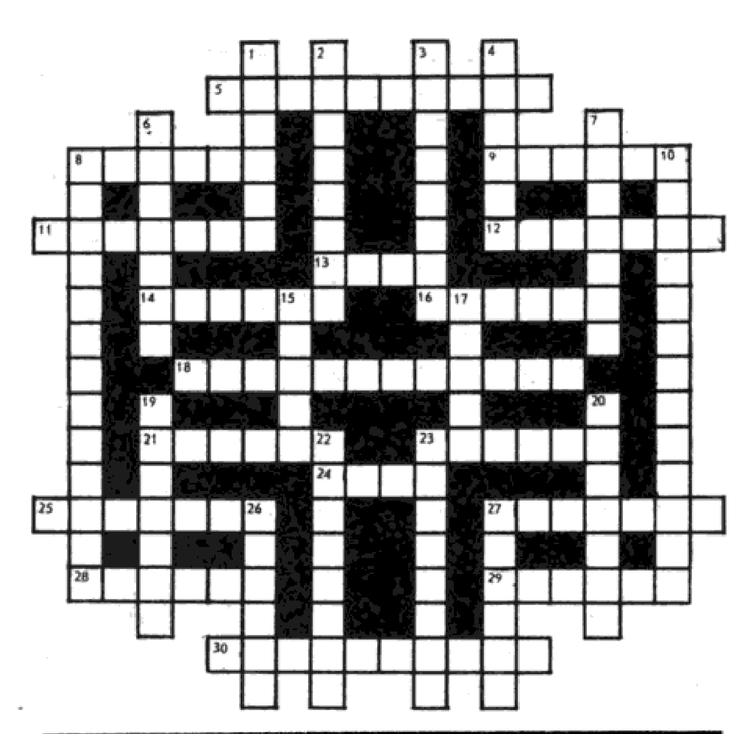

Без слов.

— Ирочке сегодня нездоровится, и она попросила меня посидеть вместо нее.

Рисунки Б. Боссарта.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Машина для разработки грунта. 8. Пушной зверь. 9. Стихотворение М. Лермонтова. 11. Гидротехническое сооружение. 12. Остров в Средиземном море. 13. Прибрежная отмель. 14. Пустыня в Африке. 16. Спортивная игра. 18. Способ изображения предмета на чертеже. 21. Каменная куропатка. 23. Музыкальный интервал. 24. Приток Камы. 25. Персонаж трилогии К. Федина. 27. Денежная единица Нидерландов. 28. Сахаристый сок медоноса. 29. Донесение. 30. Звезда в созвездии Ориона.

По вертикали:

1. Порт в Алжире. 2. Коробка для хранения мелких вещей. 3. Часть текста внутри главы. 4. Галерея перед входом в здание. 6. Художественный прием. 7. Город в Италии. 8. Русский мореплаватель. 10. Музыкальное сопровождение. 15. Река в Грузии. 17. Свод правил. 19. Рыба семейства карповых. 20. Английский химик и физик. 22. Роман Жорж Санд. 23. Бак для бензина, технического масла. 26. Опера Ж. Массне. 27. Герой древнегреческой мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

5. «Алеко». 7. Венерн. 8. Пыжьян. 9. Кронштадт. 11. «Манас». 13. Брамс. 15. Пласт. 17. Стремянка. 18. Пословица. 20. Талги. 22. Афиша. 23. Гараж. 25. Австралия. 28. Струве. 29. Теннис. 30. Перро.

По вертикали:

1. Прессшпан. 2. Манто. 3. Сопка. 4. Черкун. 6. Пясина. 9. Костяника. 10. Топология. 12. Аорта. 13. Букса. 14. Стопа. 16. Спика. 19. Гигрограф. 21. Лахути. 24. Рудник. 26. Степь. 27. Лоток.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Матрешки. Художник О. Чеснокова, автор формы Д. Новизенцев.

Фото Дм. Бальтерманца.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мчится Аранзал по степи...

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00480. Сдано в набор 20/VIII-68 г. Подписано к печ. 3/IX-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 033 000 экз. Изд. № 1803. Заказ № 2357.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Михаил ХОНИНОВ

Фото Г. МАКАРОВА.

ЗДРАВСТВУЙ, АРАНЗАЛ

Сарыл Мукубенов, почетный человек в степи.

...Я только что сошел с самолета и спешу к тебе, мой красавец Аранзал, мендэ — здравствуй! Возьми меня на свою мягкую спину, воспетый в Джангариаде сказочный конь.

Мчусь на коне по степи, по родимым местам — Бага-чонос, Цаган-нур, Ханату, Сарпе... Встречный ветер поет частыр — гимн вольности степи. Настежь расстегнула она свой шелковый бешмет.

Льется на нее солнце, а сама она вытнана из полыни и ковыля, пырея и зултургана: живой ковер, кажется, будто он дышит. А по ковру этому рассыпаны «бамба цецег» — тюльпаны. То эмблема степи, символ ее неувядающей красоты и юности. Ежегодно 22 апреля, в день рождения Владимира Ильича, самолетом доставляют в Москву калмыцкие тюльпаны, пусть лягут они к подножию ленинского Мавзолея.

...Мчится Аранзал по степи. Мелькают заводские и фабричные трубы. Моя Калмыкия — это и машиностроение и легкая и пищевая индустрия, а в недалеком будущем она станет республикой нефти и газа.

«Недра нашей земли — что недра Апшерона»,— говорят калмыцкие геологи. Уже получены из подземных кладовых республики сотни тысяч тонн нефти, миллионы кубометров природного газа. От Элисты голубое топливо пошло к самым отдаленным хотонам.

Двугорбые верблюды и неторопливые волы веками бороздили калмыцкие степи, не зная дорог. Верблюд уже давно уступил место машине.

Наши деды не знали земледелия, «ворошить» землю считали грехом. А внуки их сейчас производят столько зерна, что его хватило бы всем дедам земли на несколько десятков лет: шестьсот пятьдесят тысяч тонн, сто пятьдесят шесть пудов на каждого жителя республики.

Полюбили мою степь рис и виноград, цитрусы и бахчи. Калмыцкий рис скоро даст знать о себе, а пока он набирает богатырские силы в Сарпинской низменности. Рисоводческий совхоз «Восход» уже получает с одного гектара двадцать шесть центнеров риса.

Но все же главное дело калмыка — животноводство. На степных просторах пасутся почти три миллиона тонкорунных овец и триста пятьдесят тысяч голов крупного рогатого скота.

Чабан — это слово гордо звучит в степях Калмыкии. А чабан-специалист — самый почетный аксакал среди животноводов. Он и ветеринар, и зоотехник, и стригаль, он голова бригады.

...Ярко горят чабанские костры в калмыцких степях, далеко видны они, приветливо зовут путника к теплу и свету. Я частый гость у чабанского костра. Люблю попить ароматную джомбу — крепкий калмыцкий чай с солью, люблю, как и все чабаны, послушать за чаепитием о подвигах Алого Льва-Хонгора из народного эпоса Джангариады. Вот и сейчас я сижу в кругу друзей своих. По одну сторону костра—известный всей Калмыкии Герой Социалистического Труда Санджи Дорджиев; по другую сторону—Сарыл Мукубенов, почетный мастер животноводства РСФСР. Сто тысяч килограммов — вот сколько шерсти получено от ягнят, выращенных сверх плана Сарылом и его женой Байчхой только за последние шесть лет. Представляете, что это значит: почти сто тысяч человек одели они в шерстяные костюмы...

...И снова в путь. Я оседлал своего Аранзала, а Сарыл Мукубенов говорит мне: «Сегодня день будет жаркий. Бери в дорогу чигань». Чиган — кумыс из кобыльего молока — наш богатырский, целебный напиток. Издревле и сейчас им лечатся люди. Налив в солдатскую флягу чигана, я прощаюсь с чабанами и отпускаю поводья своего скакуна.

Утром следующего дня мы настигли Аавын толга — дедушкин курган возле Цаган-нура. Это мое родное гнездо. Сорок лет назад вот здесь отец, взяв меня за руку, повел навстречу солнцу. «Гляди, кевюн-сынок, отсюда твой отец, обнажив шашку, мчался на белянов в незабываемом девятнадцатом, когда Ильич обратился к нам с воззванием: «Братья Калмыки! Судьба Вашего народа в Ваших руках... Все — на защиту Вашей Советской Власти!» Зорко поглядел отец вокруг себя, вытер подолом бешмета пот с лица и показал вдаль: «Вон там будет колхоз «Коминтерн». Джомбу будем пить с хлебом, и придет большая вода Цаган-нур через Сарпу и Ханаты». Сбылись отцовские слова. Возник тут сперва колхоз «Коминтерн», а потом два огромных совхоза: имени Чкалова и «Приозерный». На пастбищах этих совхозов пасется одних только овец сто двадцать тысяч!

Завтрак в степи.

Давно уже несет свои прохладные воды через всю степь Сарпинский канал.

До конца своей жизни отец пас колхозную отару. А какие рассказы мы слышали от него перед заходом солнца, когда небо покрывалось багряной краской, рассказы о том, что было вчера и что будет завтра. «Миша, ты будешь у нас джангарчи,— говорил отец,— поезжай учиться в Астрахань». Он отправил всех пятерых сыновей учиться.

Спасибо тебе за это, отец! Тебя давно уж нет в живых, отец, но дети твои не посрамили чести рода. Как ты в гражданскую войну, так и они в сорок первом с легендарным Окой Городовиковым пошли на смертельный бой против фашистских варваров. Как и ты, мы победили, отец! Победили, чтобы жилось нам еще лучше, чем отцам и дедам. В годы первой пятилетки в нашем Цаган-нуре была лишь одна начальная школа, сегодня их пять. Семьдесят тысяч детей степняков учатся в таких школах по всей Калмыкии.

...С рассветом покинул я Аавын толга. Наш путь лежал на Элисту. Кругом хлеба, хлеба... Они тянутся к солнцу и словно просятся ко мне на седло. И я кланяюсь им до самого стремени.

А вот и Элиста.

— Мендэ — здравствуй! — И она ласково ответила мне, вскинув к небу свои пилоны, как белые нежные руки. В этот день она принимала от своих внучат торжественные рапорты у вечного огня. Я объехал справа священный огонь, оставил Аранзала у стройного тополька, посаженного здесь Семеном Михайловичем Буденным. И тихо пошел к тем, кто отдал свое сердце за счастье степи. Как и всегда, так и сегодня, став на колени, я произношу клятву богатырей: «Жизни свои острию копья предадим, страсти свои державе родной посвятим... Груди свои обнажим, и вынем сердца, и за народ отдадим свою кровь до конца!..»

И опять мы в пути с Аранзалом, спешим по новым степным дорогам. Рядом с солнцем и временем...

Элиста.

Павшим борцам.

У костра чабанов.

Степь. Сайгаки.

В орлином гнезде.

Он дает восемнадцать костюмов.

